

**Николай Ефимович
Майя Плисецкая. Рыжий лебедь. Самые откровенные
интервью великой балерины**

Николай ЕФИМОВИЧ

Майя ПЛИСЕЦКАЯ

САМЫЕ ОТКРОВЕННЫЕ ИНТЕРВЬЮ
ВЕЛИКОЙ БАЛЕРИНЫ

*«Майя Плисецкая. Самые откровенные интервью великой балерины / Ефимович Н. А.»: Комсомольская правда; Москва; 2015
ISBN 978-5-4470-0023-3*

Аннотация

Майя Плисецкая – поразительный пример творческого долголетия и предельного самовыражения. Последние два десятка лет ее жизнь, неразрывно связанная с судьбой композитора-классика Родиона Щедрина, была столь же насыщена яркими событиями, как и в молодости. Журналист Николай Ефимович, которого связывали с этой легендарной семьей

доверительные отношения, запечатлел на страницах «Комсомольской правды» мгновения их триумфов. Это искренние и откровенные разговоры с одной из самых красивых и знаменитых пар нашего века, с людьми, прославившими русское искусство. Майя Михайловна и Родион Константинович рассказали о своей жизни и стране, друзьях и врагах, работе и любви...

Большинство фотографий публикуется впервые.

Николай Ефимович Майя Плисецкая. Рыжий лебедь. Самые откровенные интервью великой балерины

Моей Ирине

© ИД «Комсомольская правда», 2015 год.

© Фотографии: Н. Ефимович, Ю. Феклистов, Р. Гали, А. Жданов, Е. Гусева, Д. Косолапов, Мила Стриж. РИА Новости: А. Макаров, С. Пятаков, Н. Аркина, Е. Стоналов, В. Мальшев, Б. Бабанов, Б. Рябинин, Фетисова. ТАСС: А. Коньков, Н. Кулешов, В. Киселев, Ю. Самолыго, Б. Кавашкин, А. Коньков, В. Кузьмин, В. Барановский (Интерпресс), архив фотохроники ТАСС.

Вместо предисловия

Идея этой книги родилась год назад. Майя Михайловна тогда же согласилась написать к ней предисловие. Не успела...

«Комсомольская правда» – ровесница великой балерины. И первое интервью комсомолки, примы и просто красавицы Майи Плисецкой было опубликовано именно в нашей газете – в праздничном номере 31 декабря 1954 года. Речь шла о новом балете филиала Большого театра «Шурале», где она исполнила роль девушки-птицы.

Потому, наверное, совсем не случайно, что последние двадцать лет самые откровенные интервью Майи Михайловны появлялись именно на страницах «Комсомолки».

В год нашего общего 90-летия мы делаем подарок всем поклонникам Плисецкой, собрав воедино, под одной обложкой, беседы с великой женщиной. И так же, как невозможно разделить судьбы гениальной балерины и ярчайшего современного композитора Родиона Щедрина, так и в нашей книге встречи и разговоры с Майей Михайловной и Родионом Константиновичем – вместе.

Хочу поблагодарить редакцию «Комсомольской правды» и Владимира Николаевича Сунгоркина за возможность выпустить эту книгу, за то, что приходилось терпеть мой «роман с балетом» многие годы. И, конечно, не могу не назвать профессора Белорусского государственного университета Татьяну Дмитриевну Орлову, которая открыла для меня мир театра.

Я бесконечно признателен родным и друзьям, которые поддерживали беспокойного и

сомневающегося автора все это время.

Отдельная благодарность – Андрею и Светлане Меандровым. В их гостеприимном доме в подмосковном Кратове была завершена эта книга.

Майя ПЛИСЕЦКАЯ

МОЯ НОВАЯ ПАРТИЯ

С МАЕЙ ПЛИСЕЦКОЙ ваш корреспондент встретился у нее дома после очередной репетиции. Уже несколько месяцев на сцене филиала Большого театра репетируют балет «Шурале», написанный татарским композитором Ярулиным. В этом балете Плисецкая исполняет ведущую партию девушки-птицы Сюимбике.

— Я влюблена в этот балет. Даже усталость проходит, когда вступает оркестр. Музыка его не только поэтична, она образна и выразительна, а это для нас самое главное... Вы знаете сюжет? Нет? Тогда послушайте...

Она рассказывает старую татарскую легенду о победе любви над силами зла, но рассказывает не так, как это сделал бы кто-либо другой, а так, как может рассказать только балерина — в динамике действия. Ее лицо и руки живут, следя за развитием мелодии.

Вот в оркестре слышится как будто легкий шорох крыльев: это на поляну в дремучем лесу прилетают птицы. Они сбрасывают крылья, превращаются в девушек и танцуют. За ними злорадно наблюдает Шурале — леший.

Подкрavшись, он прячет крылья одной из девушек. Когда ее подружки улетают, Сюимбике в отчаянии остается в лесу одна.

В лесу начинается шашаб'ведьм. Шурале издевается над Сюимбике. В это время появляется Али-батыр — сильный и добрый парень из ближней деревни. Он разгоняет нечисть, вступает в бой с Шурале, освобождает Сюимбике и уводит ее в свою деревню.

Деревня радостно справляет свадьбу Али-батыра и Сюимбике. Но девушка тоскует о подругах, чувства ее смятены. Незаметно пробравшийся на свадьбу Шурале подбрасывает ей крылья. Она снова превращается в птицу и улетает. Али-батыр с горящим факелом в руках идет на поиски невесты.

— Одну минутку! — прерывает свой рассказ Плисецкая и идет в другую комнату, где звонит телефон. Мы слышим, как она говорит кому-то: — Нет, нет, о концерте не может быть и речи. У меня каждый вечер «Шурале»... Так на чем мы остановились? — спрашивает она, возвратившись к столу.

Храбрый Али настигает Сюимбике в лесу, когда девушка тщетно пытается вырваться из лап Шурале, который опять отнял у нее крылья. Почувствовав опасность, леший поджигает лес. Али освобождает свою невесту и бросает Шурале в огонь. Но и им спасения уже нет: огонь подступил со всех сторон. Али дает крылья девушке, чтобы спасти ее и погибнуть самому, но Сюимбике, увидевшая силу его любви, сама сжигает крылья. Пожар тотчас прекращается.

— Финальное любовное адажио Али-батыра и Сюимбике самое поэтичное в балете, — тихо заканчивает свой рассказ Майя Плисецкая. — Оно прекрасно выражает мысль, что любовь побеждает смерть.

— Когда зритель увидит вас, Майя, в новой партии?

— Думаю, это будет наш новогодний подарок.

На снимке: Майя ПЛИСЕЦКАЯ.

Самое первое интервью Майи Плисецкой нашей газете.

Рыжий лебедь

«В один прекрасный январский день 1999 года, как принято писать в старинных сказках, мне позвонил в Мюнхен журналист Николай Ефимович. Несколько раз он удачно сделал со мной интервью для газеты «Комсомольская правда». Интервью получались всегда толковые, профессиональные и доброжелательные. И мы сдружились...»

Майя Плисецкая. Из книги «Читая жизнь свою...». 2010 г.

Об этом невозможно было даже мечтать.

Великая балерина, великая женщина, блиставшая на сцене и в жизни, уже написавшая к тому времени взрывную, страстную, словно неистовый взгляд Кармен, книжку «Я, Майя Плисецкая». Где все, что хотела сказать, сказала. Всех, кого хотела, обласкала, всех, кто напрашивался на позорный столб, пригвоздила. Она всегда говорила что думала, наотмашь. И не принимала обид. Не раз потом, когда досаждали расспросами, заявляла: «Читайте мою книгу, там все есть».

Мне и в голову не могло прийти, что когда-то буду не только брать у нее интервью (да не одно!), но просто дружить. Целых двадцать лет.

В юности она была для меня – мечта, взвихренная красота, летящая по экрану черно-белого тогдашнего телевизора. Мечта в самом прямом смысле – то, что в реале не бывает, живет лишь в эфире, в волшебном виртуальном мире.

Позднее, будучи студентом журфака университета в Минске, увидел Плисецкую – уже в цвете! – в главной программе советского телевидения «Время». Был ее юбилейный день рождения. Майе Михайловне звонил кто-то из властных верхов – она по-королевски благосклонно принимала поздравления. На ней был переливчатый, изумительного зеленого цвета брючный костюм, вокруг – невероятный интерьер: все было необычно, из нездешней какой-то жизни! Может, потому картинка и врезалась в память (я потом спрашивал Майю Михайловну об этих съемках, она не вспомнила, что и неудивительно – сколько случалось подобного! Хотя, кажется, похожий наряд был).

И, собственно, здесь вполне можно было ставить точку. Мало ли тех, кем издали восхищаешься, но с кем никогда не встретишься, не поговоришь, не возьмешь интервью... Тем более что балетом я, выросший в лесной белорусской деревушке, явно не бредил.

Но эта история все-таки случилась.

В середине 90-х в Нижний Новгород, где я работал собкором «Комсомольской правды», приехал на гастроли «Имперский балет» Гедиминаса Таранды, президентом которого в тот момент была Плисецкая. Конечно же, я рванул на ее пресс-конференцию, надеясь потом взять интервью и похвастаться перед редакцией – вот, смог. Однако Майя Михайловна всю жаждущую кулуарного продолжения прессу отбрила: закончили, все уже сказано. Надо было сразу, еще на пресс-конференции вопросы задавать.

Кстати, долго не мог привыкнуть к ее достаточно жесткому порой стилю общения. Помню, однажды опоздал на интервью на полчаса: с трудом удалось пробиться сквозь московские пробки к Тверской. Едва переступив порог квартиры в знаменитом кооперативном доме Большого театра, стал всячески извиняться. И услышал совершенно ледяной голос: «Вы знаете, чтобы быть готовой к встрече, я встала в восемь утра, привела себя в порядок, сделала все, что нужно. Значит, и вам надо было выезжать заранее». Все пропало! Но, прощаясь, Майя Михайловна, довольная беседой, расцеловала меня. И я понял, что прощен.

Плисецкая в своей квартире на Тверской – с «Анной Карениной» на пару. Моя любимая фотография.

А тогда, в Нижнем, попытался отличиться от коллег:

– Майя Михайловна, можно с вами хоть сфотографироваться: дома не простят, если я этого не сделаю.

– Ну, если так, давайте. А откуда вы?

– Из «Комсомольской правды».

– Из «Комсомольской правды»? – как-то многозначительно переспросила она. Внутри все замерло: интонация не сулила ничего хорошего.

– А знаете, я хотела бы с вами поговорить.

Условились на следующий день. А вечером был концерт. Балетная труппа Таранды порадовала нижегородцев. Сама Плисецкая танцевала тогда «Лебедя»... Потом она взяла паузу на несколько лет – впереди была еще миниатюра «Аве Майя», сделанная Бежаром специально для нее: там можно было неустанно следить за лебедиными руками, поражаясь, как она это делает. Она называла номер немножко по-японски – «Танец с веерами».

У Родиона Константиновича и Майи Михайловны было такое хорошее настроение, что я не удержался и попросил разрешения их сфотографировать.

...В Нижнем перед спектаклем Майя Михайловна в дивном карденовском изумрудно-черном платье выплыла поприветствовать публику. Тут, к слову, случился классический конфуз, какие нередко бывают с провинциальными чиновниками: начальник департамента культуры, вышедший на сцену и переполненный эмоциями, запнулся на какой-то фразе, растерялся и от волнения брякнул: «Вечная вам память, Майя Михайловна!». Зал грянул неудержимым смехом, а Плисецкая и бровью не повела, сценическая выдержка – нечеловеческая!

Утром я примчался на волжскую набережную, в главный нижегородский отель той поры, где останавливались звезды. У номера Плисецкой дежурили журналисты. Пыжась от гордости, я продефилировал мимо съемочной группы самого популярного местного телеканала: учитесь работать, ребята...

Надо ли говорить, что все оказалось очень просто: дело было ни разу не во мне.

«Комсомолка» незадолго до того опубликовала статью известной нашей журналистки о современном классике Родионе Щедрине, выдающемся композиторе и муже Плисецкой. Если кто помнит, в первой половине 90-х писали размашисто, свобода слова пьянила. И что-то там автор напутала с фактами. Вот Майя Михайловна и решила исправить ситуацию. Мы проговорили часа два.

– Ешьте фрукты, вы молодой человек, вам надо, – по ходу нашего разговора она все время подвигала мне огромную вазу. В остальном, надо сказать, номер ее был как номер: это нынешние звезды – с огромными райдерами. А она, у чьих ног был весь мир, не требовала президентских люксов. Главное, чтобы было комфортно.

Попав впервые в их с Родионом Константиновичем трехкомнатную квартиру на Тверской,

я был изумлен. Никакой позолоченной роскоши, картин, коллекций императорского фарфора... Всегда очень много цветов, несколько красивых афиш, рояль. Потом, когда купят однокомнатную квартиру по соседству, рояль переедет туда, в рабочий кабинет Родиона Константиновича.

И в Мюнхене, где они снимали квартиру недалеко от знаменитой «Пинакотеки», все было достаточно скромно и уютно. Хороший ремонт, это да. Ну и все.

Как-то, приехав на Тверскую, попал прямо к домашнему обеду. Тоже очень просто и вкусно: отварное мясо, квашеная капуста. Позже – сыр и вино. Мы не раз возвращались к знаменитой фразе: «Сижу не жрамши!» – мол, главный балетный рецепт похудения. Майя Михайловна смеялась:

– У меня всегда был зверский аппетит, я ела много. Но когда надо было, худела – работала на репетициях.

– Откуда же эти слова, журналисты придумали?

– Нет. Однажды, чтобы отвязаться от французской журналистки, я так сказала...

Словом, с того момента, когда я приехал в Москву показать Плисецкой уже готовое нижегородское интервью, сложилось у нас какое-то взаимопонимание. А с моей стороны – чистый мальчишеский восторг, страх и трепет. Она всегда просила показать написанное. В тот первый раз мы просидели над интервью чуть не полдня: Майя Михайловна читала очень внимательно, даже запятые правила. Всегда тщательно относилась к слову, чужому и своему: неудивительно, что ее книга, выдержав столько переизданий, бестселлер – до сих пор.

В ней не было той строгой царственной дистанции, что у Галины Вишневской: кто она, а кто ты... Могла просто сказать: «Мы с вами работаем уже несколько часов, в туалет не хотите? Не стесняйтесь, вон там направо».

Могла позвонить совершенно неожиданно и просто так: узнать, как дела, чем занимаюсь. И всегда, прощаясь, добавляла: «Вашим дамам большой привет, я к ним питаю очень нежные чувства». Со «своими дамами» (женой или дочкой) я не раз бывал у них с Щедриным и дома, и на концертах. Кстати, все приглашения на свои юбилейные торжества или музыкальные вечера Родиона Константиновича Плисецкая присылала или передавала обязательно на двоих-троих. От безупречности воспитания – и от того что, как мало кто, понимала ценность семьи.

Их союз с Щедриным поистине уникален – по глубине вранья друг в друга, по абсолютной взаимной преданности, по душевной наполненности, даже по длительности этих исключительных отношений... Празднование золотой свадьбы Майи Михайловны и Родиона Константиновича: концерт в Московской консерватории, впереди – банкет в одном из столичных ресторанов. Сидим, ждем машину, Родион Константинович носится где-то по делам, вот-вот должен спуститься. «Колечка, если б вы знали, как болят ноги. Это все травмы...» Она никогда не жаловалась – а тут вдруг вырвалось. Потом подкатило авто, поехали праздновать дальше. И опять – никаких теней на лице, все с радостью и удовольствием. В 83 года – ослепительная!

«Вашим дамам большой привет, я к ним питаю очень нежные чувства». Подарок на память – шарф с дивным лебедем...

Как ей это удавалось, как давалось, чего стоило – не говорила никогда.

И люди ее окружали – под статью. Что, впрочем, и понятно. «Майя Михайловна, когда в Москву?» – спрашиваю во время одного из мюнхенских звонков.

– Да мы теперь чаще в Питере бываем. Там и премьер больше, и концертов. Гергиев дирижирует.

– Как он только всюду успевает?! То в Питере, то в Лондоне, то в Нью-Йорке?!

– Гергиев – глыба, титан. Он такой – не может никак остановиться! Он, как Слава Ростропович, который спал по четыре часа...

Как-то, не удержавшись, спросил: она сама такая особенная, потому что рыжая? Считается, рыжие талантливы и непредсказуемы! Плисецкая строго сказала: «Поверье очень поверхностное и глупое», но, не удержавшись, припомнила удивительную «рыжую» историю. Рядом с их литовским домом – озеро, куда каждый год прилетают лебединые стаи. И однажды навстречу выплыл лебедь с рыжей головой!

– У меня есть фотография, потому что люди не верят. А он приплыл, рыжий, и мы его сняли.

– До сих пор там живет?

– Сейчас еще не видела, но в прошлом году был.

Вот так: природа улыбнулась, и на память остался образ рыжего лебедя – одного на миллион...

Чаепитие в гостеприимном доме Плисецкой и Щедрина. На одну из встреч я взял дочь Веру.

В октябре 2010-го я прилетел в Мюнхен. Договорились сделать большое интервью накануне юбилея – 85-летия. Привез бородинский хлеб, ее любимую «селёду»... А разговор решили записывать в сербском ресторанчике, недалеко от дома. После обеда Щедрин оставил нас работать, мы разговаривали еще часа четыре, если не пять: наверное, это была самая долгая наша беседа.

Майя Михайловна была как никогда откровенна и вдохновенна. На столе лежала ее только что переизданная книга, куда вошла уже и вторая часть – «Тринадцать лет спустя». Мы листали страницы с многочисленными фотографиями. И даже выпили пива, которое она очень любила (как и ходить на футбол – с пивом это почему-то рифмуется очень правильно).

Плисецкая вспоминала и вспоминала... Я не знал, повторится ли такой вечер. В какой-то момент не выдержал, достал видеокамеру – и держал ее одной рукой несколько часов. Чувствовал, что рука просто немеет. Но прерваться было нельзя – я понимал, что тут говорит история...

Провожая Плисецкую до дома, подумал, что она наверняка устала, но – опять-таки балетная закалка – держится молодцом. Поговорив еще немного с Щедриным и попрощавшись, пошел в отель. На обратном пути – прямо на площади уличный оркестрик с виолончелью и... роялем. Я заслушался. Нежданный аккорд – финал счастливого дня! Слушателей-полуночников было не так мало, музыканты резвились вовсю.

Вдруг звонок. Нервный голос Майи Михайловны. Ей кажется, что интервью неудачное: может, не стоило делать видеосъемку. Пытаюсь успокоить – разговор-то был замечательным. Договорились, что с утра приеду, вместе всё посмотрим.

Как шутил Щедрин: «Растворяем плохой холестерин».

Приезжаю. Родион Константинович и Майя Михайловна, немного взъерошенные: Щедрин сердит – о видеосъемке вообще не договаривались. Я каюсь – Майя Михайловна так была хороша, так рассказывала чудесно, что вот, не удержался.

Но чем дальше мы разговаривали, тем больше ощущалось, что Плисецкая и Щедрин настроены решительно: съемку никуда не давать, или переделать, или еще что-то придумать.

Берем паузу. В полном раздрае иду пройтись по осеннему Мюнхену – не понимаю, что сделал не так. Интервью-то, чувствую, хорошее: так душевно говорили... Все-таки надо попытаться убедить Майю Михайловну и Родиона Константиновича: тут ведь настоящая история, загубим съемку – сам себе потом не прощу.

Возвращаюсь и включаю камеру:

– Давайте хотя бы посмотрим.

Минут через десять раздается голос Родиона Константиновича:

– Маюша, а неплохо, по-моему.

Смотрим дальше.

– Маюша, ты зря переживала, очень хорошо.

Через час мы уже сидели за столом с бокалами вина, Плисецкая быстро почистила авокадо, сварила макароны. Голоса теплели, напряжение спадало. Это были лучшие в моей жизни макароны...

Полгода назад (до трагического майского дня, когда Майи Михайловны не стало, оставалось совсем немного – но тогда и помыслить о таком было невозможно) в кабинете, где я спешно собирался на утреннюю планерку, раздался звонок из Мюнхена.

– Вот смотрим с Родионом Константиновичем фильм *(на основе той самой съемки был сделан мини-фильм для сайта «Комсомолки»: не только интервью, но и фрагменты самых известных балетов Плисецкой . – Авт .)*. Родион Константинович с утра сказал – давай Колин фильм посмотрим. И были как магнитом притянуты. Все-таки очень симпатично получилось: я свой голос услышала... Родион Константинович говорит: и правда, ты – хорошая балерина.

– Ну да, ну да – он только сейчас это понял!

Плисецкая рассмеялась с чудным женским лукавством: «А он мне это еще раз сказал!»

– Вы сами, Майя Михайловна, как произведение искусства.

– Вот как?! Колечка, вы прекрасно исполнили свою роль...

На планерку я давно опоздал – да и бог с ней! Когда повесил трубку, подумал, что, наверное, это и есть тот счастливый момент, когда ты сумел доставить людям радость – а для меня, быть может, эта радость была гораздо значительней. Ведь те, кому понравился наш фильм, – Плисецкая и Щедрин, а значит, радость – двойная. Как хорошо все-таки, что тогда, в октябре 2010-го, ничего не стерли в нервной предъюбилейной горячке...

Плисецкая была неповторимой женщиной. О возрасте она никогда не говорила, но и не скрывала его: круглые даты праздновались ярко и красиво. При этом сама ничего не организовывала. Много на собственных юбилеях было для нее сюрпризом. Она скучала по публике, по аплодисментам, по стихии творческого полета и восторженного зала. И любила ломать любые сценарии.

...Совершенно, кстати, неудивительно, что ее любимые французские духи назывались *Vandit*: впервые их привезла в Москву Эльза Триоле, гонкуровская лауреатка, жена поэта Луи Арагона и сестра Лили Брик. Той самой возлюбленной Маяковского, в доме которой, собственно, и познакомились Плисецкая и Щедрин. Не случайно тянуло Майю и Лилию друг к другу: обе рыжие, обе с несгибаемым характером и острым как бритва языком. Даже последняя воля обеих оказалась схожа... Когда Майю Михайловну спрашивали, с кем она близка, Плисецкая неизменно отвечала: я не ищу тех, кто мне близок, я общаюсь с теми, кто мне интересен.

А она была интересна всем.

На одном из ее юбилеев, который отмечался в Кремлевском дворце, кого только не было на сцене: и шаолиньские монахи, и брейк-дансеры, и хор Александрова. А знаменитейший испанский танцовщик Хоакин Кортес так лихо отстукивал на сцене фламенко, так манил прекрасную даму к себе, что Плисецкая не выдержала – руки грациозно взметнулись, и она страстно, под стать ему, прошла в танце истинной гитаной. А как раз накануне юбилейного концерта мы сидели в каком-то закутке в Большом, и вдруг в разговоре я остро почувствовал: как же ей хочется танцевать! Но теперь она – только зритель... Так что Кортес зажег чертовски вовремя, а Плисецкая не была бы Плисецкой, если б упустила такой подарок.

К слову, Майя Михайловна никогда не сетовала, что уже не танцует, но, как признался однажды Родион Константинович, когда он включал музыку – она начинала импровизировать...

А последний раз мы разговаривали в апреле. Майя Михайловна вся была в планах предстоящего 90-летия – конечно же, в Большом.

– Знаете, там ожидается что-то грандиозное. До конца мне не раскрывают, что будет, но уже чувствуется. Я так хочу еще выйти на сцену Большого. Наверное, уже в последний раз.

– Майя Михайловна, что за мысли у вас, столько всего намечено...

– Колечка, каждый день сейчас дорогого стоит.

– А Родион Константинович как? – пытаюсь увести разговор с грустной ноты: говоря о Щедрине, она всегда оживает.

– У него в этом году в Мариинке опять премьера, представляете?!

– И что будет?

– Пока не скажу. Не хуже «Левши»!

А «Левша» запомнился не только тем, что это монументальная и по-щедрински виртуозная опера, написанная специально для Гергиева и Мариинского театра. Накануне ее премьеры мы с женой приехали в Питер. Собирались встретиться с Плисецкой и Щедриным. Но едва услышав в трубке голос Родиона Константиновича, я понял – что-то случилось. «Майя вчера на репетиции сломала ногу».

Оказалось, все дни, пока на Новой сцене Мариинки шли репетиции, Плисецкая была рядом с мужем. В какой-то момент решила сходить за водой для Щедрина: тот не мог прервать репетицию. А на Новой сцене – сложное закулисье, да и свет горел не везде. Неудачно оступилась – но никому не сказала, выдержала генеральную до конца. Когда врач осмотрел ногу, стало ясно, что придется отлеживаться в отеле: на премьеру ехать невозможно. Платье от Кардена так и осталось висеть в шкафу.

Майя Михайловна на фотовыставке, посвященной ее творчеству.

После «Левши» Щедрин был нарасхват: поздравления, телеинтервью, цветы. Дух удалось перевести только за кулисами: Гергиев открыл шампанское, пили за искрометную премьеру, за талант композитора и, конечно, за его музу. Но взгляд Родиона Константиновича оставался грустно-озабоченным. И мы поехали в отель к Майе Михайловне.

Она тут же принялась со всеми подробностями расспрашивать, что и как прошло. Радовалась столь шумному успеху. И нисколько не стеснялась своего непривычного для меня вида: «Что ж я буду перед вами «улыбку держать» – свои же люди. Давайте есть пирожные, свежайшие!» И с таким удовольствием откусила эклер, что я понял – ее знаменитое «сичу не жрамши» тут не работает! Эти эклеры, кстати, прислали трубачи гергиевского оркестра, огорченные тем, что Плисецкая не смогла быть на премьере.

А совсем поздним вечером мы с женой сидели за столиком итальянского ресторанчика на Крюковом канале, пили вино, смотрели на самый театральный из петербургских видов и поражались: как несправедлива бывает судьба! Два года подряд неизменно на всех (!) репетициях она рядом с ним – и вот тебе... Обидно-то как!

Но уже через полгода Плисецкая – снова на ногах. И в зале Мариинки она слушала «Левшу» в том самом карденовском платье, которое не удалось надеть на премьеру. Хотя, казалось бы, в ее возрасте такое быстрое восстановление почти немислимо. Тем более что за несколько лет это была вторая серьезная травма.

Первая случилась в Риме, где Плисецкая возглавляла жюри балетного конкурса. В собственный день рождения попала каблучком в какую-то выемку мостовой – и целая зима операций и клиник... Своего литовского врача-спасителя она потом пригласит на юбилей в Москву и будет с радостью представлять всем. Она умела быть благодарной. А вообще, какие бы травмы ни случались со стойкими балеринскими ногами, они ее не подводили. Она любила повторять: мои ноги – мое мнение.

Подвело сердце. Как сказал Родион Константинович, ее сбilo влет, как птицу.

Тем утром она позвонила Гергиеву, чтобы поздравить с днем рождения: он был в поезде, ехал на гастроли и репетировал прямо в вагоне. А буквально за неделю до того они с Щедриным побывали в Питере и Москве. Увлеченно общались, обсуждали предстоящий юбилей, ходили на концерты, даже просидели до четырех утра на дружеском банкете.

Я был в отъезде, мы не виделись. Жалеть буду до конца дней.

Они всю жизнь влюблены друг в друга...

Она жила так стремительно и ярко, так неслась и неслась вперед, что, словно пламенная ракета, сгорела сразу. Поразила всех в последний раз – завещала развеять свой прах, никаких панихид не устраивать. Это задело многих поклонников: несколько майских недель страна рьяно обсуждала ее уход из жизни – не только скорбя, но и сожалея о несостоявшемся прощании.

Но так они решили с мужем: соединиться когда-нибудь навсегда, стать русским ветром, бесконечными облаками, теплым дождем, зеленой травой и листвой...

Думаю, по-другому и произойти не могло. Разрыв шаблона – это как раз про нее. Больше всего в жизни она не любила заранее заданного, обязательного трафарета – ни в чем. И терпеть не могла прощальных речей: мол, это всегда далеко от правды. Проникнуто ложным пафосом. И для себя не захотела никаких почестей и ритуалов, особенно – быть похороненной на Новодевичьем кладбище. Хотя там покоится большая родня. Даже это не остановило. Иначе она не была бы Плисецкой.

Удивительно: ей так много было дано Богом, что я за долгие годы так и не понял, как это все соединяет в себе одна хрупкая женщина. Ведь талант, сколь бы ни был велик, сам по себе не определяет масштаб личности. Но когда человек и его дар совпадают, происходит чудо.

Она ушла в девяносто, так не успев до конца отдать миру всю свою энергию, весь жар и огонь, воплотить все мечты, растратить все любопытство, юмор, ум, бунтарство, любовь, жажду жизни.

Она так и не успела состариться.

Июль 2015 г.

«Я была с ленцой, а то бы многого еще добилась»

В грандиозный тур по городам России отправился «Русский Имперский балет» Гедиминаса Таранды с премьерой спектакля «На балу у Плисецкой». В нем участвует сама великая балерина.

Во время пресс-конференции в Нижнем Новгороде.

– В последние годы вы если и выступаете на родине, то лишь в Москве или Петербурге. И вдруг гастроль сразу в шести провинциальных городах России.

– Интересно посмотреть на людей, узнать, чем они живут. Как они реагируют. Мне всегда было это интересно. И еще как-то поддержать их. «Бал» состоит из «Болеро» Равеля и «Дивертисмента», сделанного Тарандой вместе со мной и Аллой Коженковой, модным, стильным художником.

– А вы не боитесь, что в зале будут сидеть одни новые русские? Самые дешевые билеты – 50 – 100 тысяч рублей.

– Недавно мне рассказали анекдот: двое новых русских пришли на симфонический концерт. Один другого спрашивает, показывая на дирижера: «Это Моцарт или Бетховен?» «Откуда я знаю, – возмущается тот. – Он же спиной стоит».

Новые русские тоже разные. Публика вообще не бывает плохой. Любой человек чувствует ненастоящее в искусстве. Я в этом убедилась за свою долгую сценическую жизнь. Когда я хуже танцую, то и меня хуже принимают. Говорят: человек ничего не понимает в искусстве. Но это даже лучше, когда в зале неискушенные люди.

Я не помню сейчас, кто из великих сказал, что, если пещерного жителя привести в картинную галерею, он ткнет пальцем в шедевр.

А уж где добывать деньги – дело импресарио. Я знаю, что вот в Нижнем Новгороде часть билетов благодаря спонсорам получила интеллигенция.

«Плисецкая – полюс магии».

– ***Вы теперь постоянно выступаете с труппой Гедиминаса Таранды?***

– Как и все в жизни, это случайно получилось. Нас пригласил японский импресарио. Гедиминас сделал режиссерскую картинку. Получилось красиво. Я попросила срежиссировать мой юбилей. Он сделал очень хорошо. Потом еще один юбилей. В общем, мы уже три года вместе разъезжаем по всему миру. Они захотели, чтобы я была президентом. Я всегда поддерживаю молодое, новое. Мне интересно, что будет, а не что было. Труппа совсем молодая. Гедиминас серьезно отбирает артистов. Они приезжают из разных городов. Очень хороший репертуар. У Таранды есть вкус. Он приглашает хороших хореографов на постановки.

– ***Большой театр по-прежнему лихорадит, несмотря на обновление руководства.***

– Заменить человека на посту – это не значит сделать лучше. Самое главное – в театре должен быть профессиональный хозяин. Вся беда в этом – нет хозяина, нет человека, который думал бы прежде всего о театре. Я Америки не открываю. Если этого не сделать, то будет все хуже и хуже. Что мы и наблюдаем. Жалко. Но что сделаешь?!

Вот в дореволюционной России был Всевожский, директор императорских театров. Он Чайковскому заказывал оперы и балеты. Он был настоящим хозяином. Если же назначать все время то бывшего хореографа, то бывшего танцора или певца, потому что он хорошо пел или плясал, ничего не получится. Это ведь, знаете, совсем другая профессия.

Великие хореографы и режиссеры сами плохо танцевали. Как и педагоги в большинстве случаев. Это совершенно другое. И когда говорят: раз не может танцевать, пусть учит других, – это неправильно. У нас всегда это почему-то смешивалось. И все время плохой результат. Большой – самый изумительный театр на свете. Но балет и оркестр – почти все разъехались по миру. Это печально.

– ***А как вы относитесь к скандальным постановкам классики, как сделал Владимир Васильев с «Лебединым озером»?***

– Мне кажется, Васильев не считает такой спектакль скандальным. Каждый создатель влюблен в свои творения. Но стоит ли утверждать публично, что только я один ставлю хорошо?

– **Советский Союз, как известно, был по балету впереди планеты всей. А что Россия?**

– Сейчас так все перемешалось. Русские танцоры есть в любой труппе по всему миру. И там они тоже многому научились. Вот тот же Ратманский, которого я высоко ценю. Он был несколько лет в Канаде. Приехал оттуда совершенно изумительным танцовщиком и хореографом. На моем юбилее в Большом театре танцевал с Филиппьевой в постановке Баланчина – «Тарантелла». Впервые я это видела в Америке в труппе самого Баланчина.

– **Вы столько ездили и ездите по миру. А где вас лучше всего принимали?**

– Наверное, вы удивитесь, если я скажу – в Японии. Это особая для меня страна. Я там была двадцать пять раз, собираюсь опять. Это взаимная любовь. Они первые перевели мою книгу. И уже четыре переиздания. Как на русском языке. Но у нас все понятно. А там я даже не знала, будет ли это интересно японцам. Оказалось, да. Они вообще много ездят по миру и смотрят балет. Приглашали многих педагогов. Они очень восприимчивые. Единственное, что у них не получается, – это с фигурами. Они ведь коротышки. А в балете ноги должны быть из горла.

То самое фото после пресс-конференции в Нижнем Новгороде, когда, узнав, что я из «Комсомолки», Майя Михайловна согласилась на интервью.

– **Нет ли желания открыть школу Майи Плисецкой?**

– При театре должна быть школа. А как отдельно я открою? Ну дадут кусок земли, и что дальше? Строительство ведь миллионы стоит.

– **Во что вы верите в жизни?**

– Правды мало. Я все-таки люблю правду, честность. Это сейчас все реже и реже. Говорят, что красота спасет мир. Я не знаю. Так воюют, дерутся, так ненавидят друг друга.

Перед тем, как уйти, Майя Михайловна одарила всех своей неповторимой улыбкой.

– Если красота не спасет мир, тогда для чего балет?

– Мы ведь существуем не для спасения. Если люди хотят это видеть, им надо показать. Они по-прежнему живут плохо. Пусть будет хоть какая-то радость.

– А как вы относитесь к нашей интеллигенции, которая, как многие считают, повинна в бедах России?

– Та интеллигенция, которая была до 1917 года, прозевала все и допустила революцию. Они ходили, переживали, влюблялись без взаимности друг в друга. Все как у Чехова. Вот все и прозевали. Сейчас новые люди, я люблю новых людей. Всегда интересуюсь, чем живут они, и особенно совсем маленькие.

Гастроли в ГДР – стране, которой больше нет: с Натальей Бессмертной.

Мне кажется, что они более развиты, чем были мы. Интеллигентный человек должен быть интеллигентным в душе. Не стоит село без праведников. Конечно, это редкость – такие люди, но все же они есть. Иначе было бы совсем плохо.

– А не напоминают ли вам отношения интеллигенции с нынешней властью то же, что было раньше, в советское время?

– Да, наверное, то же самое. Человек не станет другим животным. Никогда. Вы посмотрите всю историю человечества. Абсолютно все то же самое. Возьмите Наполеона. Он был гениален, но назначил своего брата королем Испании!..

– Мотаясь постоянно из одного конца света в другой, вы успеваете видеться с мужем – композитором Родионом Щедриным?

– Я на днях в Амстердаме виделась с ним. Там исполняли «Запечатленного ангела»: в церкви, хор молодежи. Было так красиво. В конце зал встал. Потрясающе. Сейчас Щедрина очень много исполняют. Появился новый скрипач – Венгеров. Знаете, он планку так поднял, что все знаменитости во всем мире растерялись. Одна немка мне сказала: а я не знаю, играл ли так Паганини. Самые большие дирижеры приглашают Венгерова к себе, он нарасхват. Для него Щедрин написал сонату. Ростропович исполнил сейчас три новые вещи Щедрина.

– **Вы продолжаете общаться с Карденом?**

– Он построил на юге Франции театр: действительно двадцать первый век. Его это больше интересует. Сейчас он решил сделать ретроспективу моды – от 50-х годов до двадцать первого века. В Петербурге и Москве. Красотки модельерши и балерины. Будет спектакль. Начнется с того, что я выхожу с Карденом в платье 50-го года. На компьютерах, наверное, сделает это платье. Одним словом, Пьер задумал что-то невероятное. Билеты будут дорогие. Сбор пойдет в пользу конкурса «Майя» – для наград победителям.

– **Какие надежды вы возлагаете на свой конкурс «Майя»?**

– У меня вообще организаторских способностей не очень много, я – балерина, исполнительница. Как организатор я даже к своему конкурсу «Майя» не имею никакого отношения: мне не могло бы и в голову прийти – устроить конкурс в Петербурге. Это идея петербуржцев. Но дело оказалось плодотворным. Конечно, это был невероятный нонсенс, что он в честь московской балерины. Первый раз в Мариинку мы допущены не были, но гала-концерт был там. Должна сказать, что конкурс для меня важен тем, что открывает новые имена, которые мы раньше не знали.

Например, я очень люблю балерину Елену Филиппьеву из Киева. Так, как танцует Филиппьева, я вообще не видела. В Америке у нее был громадный успех, в Японии еще больше. Но Филиппьеву не узнали бы, если бы она не взяла «золото» на первом конкурсе.

– **Говорят, что на любом конкурсе едва ли не все решается за кулисами?**

– У нас очень престижный состав жюри – знаменитые, маститые хореографы. И если они так оценили – это значит действительно успех. Я вообще молчала! Они отдали в компьютер данные, и он ответил, кто победитель. Ни одна кандидатура вслух не обсуждалась. Да, обычно на конкурсе не так.

Помню первые конкурсы в Москве, когда я была членом жюри, – просто ужас. Так передергивали, как будто человек не набрал ничего. Делали, что хотели, со всеми. Был Джером Робертс, очень знаменитый хореограф. Он сидел, сидел и под утро уже, когда все передрались, сказал: «Поскольку я ничего не понимаю, что тут происходит, я голосовать не буду, просто хотя бы потому, что я не понимаю». И всегда я слышала про конкурсы, что это не слишком справедливо. В моем конкурсе компьютер победителя выдает. Члены жюри не видят ничьей оценки.

«Во многих легендах обо мне ни слова правды...»

Ведущие хореографы мира с удовольствием приезжают. В этот раз будет еще и Альберто

Алонсо, постановщик «Кармен-сюиты». Нам в прошлый раз с изумительной любезностью и щедростью дирижер Александринского театра Савченко предоставил свою сцену. А теперь мы сами хотим эту сцену. Добрые дела нельзя забывать.

– **Вы не устали от славы?**

– Человеку свойственно любить славу. Но ты должен сам чувствовать, понимать и не думать, что делаешь все идеально. Нужно себя видеть со стороны. Не так давно одна балерина сказала, что Наде Павловой с таким лицом нельзя было выходить на сцену. Но она в сто раз хуже Павловой. Я хотела сказать: сама посмотри в зеркало.

– **Где ваш дом все-таки?**

– Конечно, в России. И все планы мои связаны с ней. У меня и культура российская. Я, кстати, вообще не говорю на иностранных языках. Очень ленивая, не смогла заставить себя выучить. Да и в балете репетировала немного всегда. Даже Левашов как-то сказал по телевизору, что я была с ленцой, а то бы многого еще добилась.

А когда мы все начинали работать, танцевать, то не полагалось знать языков. И даже было несколько опасно.

– **У вас сильная обида на советскую власть?**

– Чувство обиды – не то чувство, когда речь идет об НКВД, КГБ, ГПУ. Их заставили – такая власть. Но и люди сами по себе жестокие. Им было приятно измываться. Я не думаю, что наши люди, которые надо мной издевались, лучше, чем фашисты. Как приказывали, так и делали и те, и другие. Я вообще считаю, что советская власть изуродовала людей и в головах, и в душах: они изрезаны внутри, как Гуинплен у Гюго внешне.

Новое поколение, я думаю, будет другим. Нет такого адского страха. Когда Ойстраху задали вопрос: как вы могли подписать что-то ужасное, вступили в партию? – он ответил: у нас было девять этажей, где я жил, и каждый раз в пять-шесть часов утра где-то останавливался лифт. Это значило, что людей пришли арестовывать. Мы жили на девятом этаже. Идет лифт, и все не спят и думают: на каком этаже остановится. Все теперешние люди этого никогда не поймут. Этого адского страха. Когда сделали коммуналки, чтобы люди друг на друга доносили. На Западе до сих пор не понимают, как это можно жить в коммуналке, и считают фантастом писателя Зощенко. Не верят, что он писал правду.

– **К Григоровичу ваше отношение не изменилось?**

– Ну что вы, как это возможно?!

– **Вы не раз выступали перед королевскими семьями. Это как-то влияло на спектакли?**

– Как можно было не думать, когда я танцевала Марию Стюарт, а в зале сидела королева, герцогиня Альба, которая из Стюартов? Как это могло на меня не влиять? Конечно же, во время действия я о них думала.

– **О вас ходит огромное количество легенд. Как вы к ним относитесь?**

– Не так давно ваша газета напечатала одну статью, где как раз ни слова правды. Что якобы у меня в Мексике в отеле украли драгоценности, что Мария Шелл дом Щедрину подарила. Откуда это все? Пушкин когда-то сказал: «Я оболган хвалами». Вот это тот случай, автор похвалила так... А очень больная Мария Шелл просто спасла жизнь Щедрину, когда нужна была срочная операция в Германии. Она нашла в этот же день самого лучшего профессора. На нее молиться надо. А потом очень помогла мне, когда я работала в Риме и тогдашний директор Большого театра Иванов мне не платил зарплату. Приехав в Рим, Мария увидела, в каком жутком номере я живу и не имею денег оплатить даже такой номер... Она заплатила. Она абсолютный друг.

– **Суламифь Михайловна Мессерер, ваша тетья, балерина и педагог, очень резко**

отзывается о вашей книге.

– Она иначе реагировать и не могла. О ней сказано то, чего бы она крайне не хотела. Я написала, что было, и отвечаю за каждое слово. Но ей это неприятно. И поскольку у нее очень скандальный характер, она это высказала. Это ее право.

– *Чем вы снимаете стрессы?*

– Ничем. Они есть – куда их денешь. Трудно себя уговорить, так живу.

Октябрь 1995 г.

Майя Плисецкая: Я снова выйду на сцену Большого!

В день своего 75-летия прославленная балерина будет танцевать.

– *Правда ли, что Морис Бежар уже преподнес вам свой подарок – приготовил специально для вечера небольшую постановку?*

– Правда. Этот номер я и станцую. Называется он «Аве Майя», на музыку Баха – Гуно. Номер маленький – на три минуты, но, по-моему, очень красивый.

– *Вы уже приготовили специальный наряд?*

– По желанию Бежара я выйду на сцену в обычном, небалетном костюме.

– *Майя Михайловна, кого вы хотите видеть своими гостями?*

– Конечно же, мою любимую московскую публику. Но я знаю, что из других городов и стран тоже приедут желающие увидеть этот вечер.

– *Будут ли еще какие-то сюрпризы?*

– Весь вечер не шаблонный. В первом отделении станцуют лауреаты моего конкурса. Во втором – будет «Кармен-сюита» в постановке Матса Эка из Швеции. Это полная противоположность нашей «Кармен-сюите». Такую Кармен Москва еще не видела! Исполнять будет балет Варшавского оперного театра: Матс Эк посоветовал их. Он сам приезжал в Москву, смотрел сцену. И будет присутствовать на спектакле. Так что все делается полностью под его руководством.

– *А вы специально задумали показать другую Кармен?*

– Я хотела, чтобы зрители увидели что-то новое. Матс Эк, которого я глубоко уважаю, абсолютно современный хореограф и очень талантливый.

В третьем же отделении будут выступать мировые звезды. Номер под названием «Соло для двоих» покажет первая исполнительница Кармен в балете Эка Ана Лагуна из Швеции. Из Нью-Йорка приедут мировые звезды Палома Херрера и Анхел Кореа, из «Гранд-опера» – Хосе Мануэль Коренью, выступят золотые призеры моего конкурса Бенжамин Пэш и Милани Хюрель. Еще один лауреат конкурса, испанец Игорь Йерба, станцует Лебеда. Вот такой сюрприз. Выступят также танцовщики из Нидерландов, Дании, Германии, Питера, Москвы, Италии. И конечно же, ансамбль Моисеева.

– *В Большом театре в очередной раз случилась смена руководства. Была вероятность, что ваш вечер отменят?*

– Сейчас Министерство культуры взяло все в свои руки. Вечер состоится. Главным спонсором является РАО «ЕЭС».

– *Есть ли шанс, что театр вернет себе былую славу?*

– Приветствую появление Бориса Акимова во главе балетной труппы. Он – доброжелательный, порядочный человек, отличный педагог, высокий профессионал. Да и думает об искусстве больше, чем его предшественники.

Для Плисецкой каждый букет был неповторимым.

С Рождественским же у меня связан его дебют в Большом театре. Он начинал со «Спящей красавицы», которую как раз я танцевала. Он первый исполнил «Кармен-сюиту», «Конька-Горбунка». Больше того, в одном из моих вечеров в Большом он потрясающе дирижировал «Франческа да Римини» Чайковского. Он может хорошо работать, но захочет ли?

Автограф с цветами. В этом доме свободных ваз не бывает.

– *Возобновление сейчас прежних постановок Григоровича – это, на ваш взгляд, возврат к старому или же попытка новых руководителей спасти ситуацию?*

– А нельзя ли поставить еще одно «Лебединое озеро», которое будет лучше, талантливее прежних?!

– *А что с вашим знаменитым конкурсом?*

– Конкурс был задуман и организован петербуржцами. Я думаю, что это было и полезно, и интересно. Но без денег ничего не выходит. В последний раз мне самой пришлось влезать в долги, чтобы расплатиться по всем счетам.

– *А что подарит вам муж, Родион Константинович Щедрин?*

– Он сказал, что пока это секрет.

– *Галина Вишневская в свой юбилейный вечер в Большом театре сказала, что «простила Большой». А о чем бы вы хотели сказать сейчас?*

– Говорить ничего не буду, лучше я станцую.

20 ноября 2000 г.

Путин убедился: характер у Плисецкой есть!

Что осталось за кадром телетрансляции юбилейного вечера в Большом театре.

Ее юбилейный вечер не мог пройти традиционно: бесконечные и утомительные восхваления и подношения гостей. Она всегда сама преподносила поклонникам царские подарки: показывала на сцене Большого то знаменитый бежаровский балет «Болеро», считавшийся у нас тогда запретным, то совершенно необычную «Даму с собачкой».

Юбилейный вечер в Большом театре. Поздравляет Владимир Путин. Царственная статья балерины...

В этот раз она нисколько не изменила себе. Лишь два чиновника вышли на сцену. В самом начале вечера Владимир Путин вывел великую балерину, одетую в черное платье со шлейфом от Кардена. И вручил ей орден «За заслуги перед Отечеством» II степени. Причем президент перед этим так заговорился за кулисами с Майей Михайловной, что их выход объявляли дважды. Президент расспросил балерину о ее детстве на острове Шпицберген и о современном балете. И уже на сцене признался, что за эти 10 минут общения с великой балериной понял: характер у Плисецкой есть. И добавил: то, что вчера казалось невозможным и неправильным, после вмешательства ее таланта становится классикой. Кстати, президент вручил имениннице аж два букета: сначала лично за кулисами, а потом уже вынесли на сцену официальный – из 75 роз.

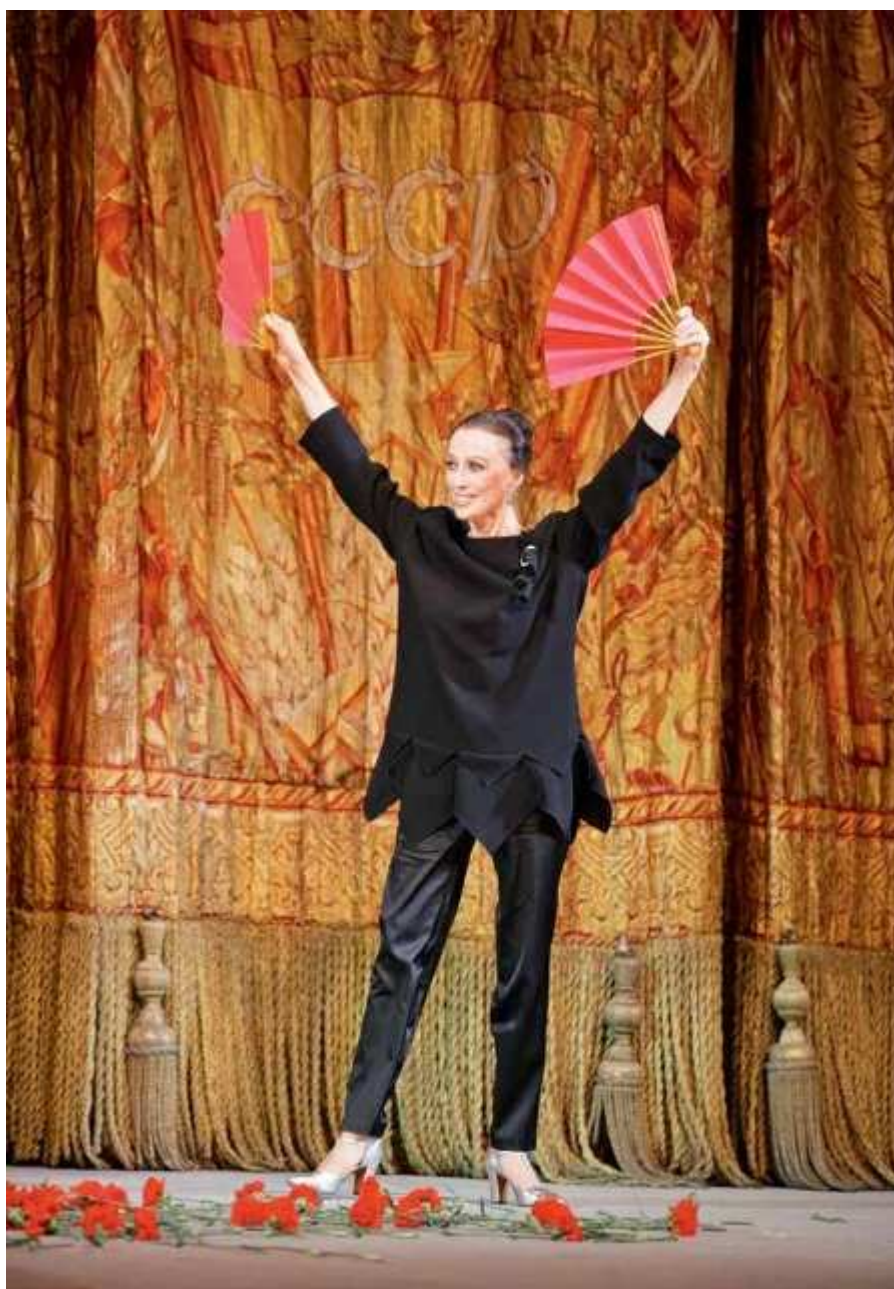
А в самом конце вечера появился министр культуры Михаил Швыдкой. Извинившись, он объявил, что вынужден это сделать – нужно заполнить паузу, пока Плисецкая будет переодеваться для следующего выхода. Правда, у Швыдкого стал отказывать микрофон. Но министр не растерялся и крикнул в сторону кулис: «Нельзя так относиться к начальству, ребята, всех уволью!». После этого микрофон работал безупречно.

Президент не остался на само представление по уважительной причине – его ждал в пивном ресторане прилетевший в Москву английский премьер-министр. А вот Людмила Путина смотрела гала-концерт из ложи. Зато Наина Ельцина сидела в обычном ряду партера. И в антракте заглянула к Плисецкой в грим-уборную, чтобы лично поздравить. От волнения у нее даже навернулись слезы. В Большом просто рябило в глазах от огромного количества знаменитостей из числа политиков, артистов, высокопоставленных чиновников. Опоздавшие Иосиф Кобзон с женой рассаживались, уже когда гас свет. Муж Плисецкой, композитор Родион Щедрин, скромно сидел в партере.

Однако в зале было немало и простых зрителей. Кто-то купил билеты, а кого-то провели через служебный вход сердобольные билетерши. С рук билеты продавали по 50 – 200 долларов. Здесь же, у центрального входа в театр, стояли продавцы известной книги «Я, Майя...». А в театральных буфетах можно было купить невероятную коробку конфет «Майя» – отборный сотовый мед в шоколаде. Такую же коробку, но размером с добрую столешницу, Майе Михайловне вручили на сцене артисты «Имперского балета». Один из ярых поклонников балерины рванул к сцене и прямо через оркестровую яму стал охапками бросать цветы, неистово крича: «Браво!». Специально из Парижа прилетел знаменитый французский танцовщик Микаэль Денар с удивительным букетом белых роз. Морис Бежар, к сожалению, в Москву приехать не смог – он в больнице, на операции – но прислал очень теплое поздравление.

На вечере не было самой, наверное, верной поклонницы таланта балерины – тети Шуры. 50 лет назад Плисецкая встретила ее у театрального подъезда. И все эти годы она была незаменимым помощником семьи Плисецкой и Щедрина в их московском доме на Тверской. И вот летом Александра Борисовна погибла во время взрыва на Пушкинской площади.

В этот вечер на сцене блистали звезды мирового балета. Москва наконец увидела знаменитую «Кармен» шведского хореографа Матса Эка. Сам он выскочил на сцену, когда зал без конца бисировал, прямо в рабочем костюме. Репетиции шли до последнего момента. Правда, в зале с ностальгией вспоминали: нет, все-таки «Кармен» Плисецкой затмить нельзя. Но «юбилейная» Кармен была просто другой. Новаторский поиск – в духе искусства самой Плисецкой. Не случайно на вечере на сцене появились два Лебеда. Один традиционный – хрупкий и умирающий. А вторым поразил публику испанец Игорь Йерба. И, конечно же, ярко выступали лауреаты конкурса «Майя». Плисецкая все время, пока была не на сцене, стояла за кулисами и смотрела гала.

Юбилейный вечер в Большом театре. Майя Плисецкая «Танец с веерами». Еще старая (до ремонта) ее любимая сцена, тот самый советский занавес.

Сама она танцевала дважды. Сначала в сцене из балета «Айседора», поставленного Бежаром специально для нее. А потом показала премьерную миниатюру «Аве Майя»,

подаренную ей также Бежаром. Балерина была в элегантном небалетном черном костюме в восточном стиле от того же Кардена. Овации были столь оглушительны, что она повторила номер.

Вечер в Большом театре, посвященный 75-летию Плисецкой.

На фуршете после концерта Майя Плисецкая, несмотря на пятичасовой юбилейный марафон, летала по залу. На вопрос «КП» о ее впечатлениях сказала: «Я просто счастлива!» Ей некогда было даже выпить бокал шампанского – осаждали гости. Кто сфотографироваться, кто взять автограф. Кстати, и в этом случае Плисецкая не изменила себе. На фуршете были лишь друзья балерины и выступавшие на вечере артисты. Да несколько умудрившихся пробраться в банкетный зал самых рьяных ее поклонников.

23 ноября 2000 г.

Фурцева кричала мне: «Майя, прикройте ляжки!»

Плисецкая улыбнулась и добавила: «Я рада, что сейчас все на сцене голые, я в восторге. Вот вам, получайте!»

Такого у нас в редакции давно не было: вместо запланированных полутора часов «Прямая линия» с читателями продолжалась больше двух. Майя Михайловна махнула рукой: раз уж я пришла, то буду общаться, пока не замолкнет телефон! А потом еще три с половиной часа отвечала на вопросы журналистов «КП».

Что сказал Путин за кулисами?

- *Смена гимна вызвала неоднозначную реакцию, и в первую очередь у интеллигенции.*
- Глинка был гениальным человеком и написал хороший российский гимн. Но его не играли круглые сутки подряд, поэтому к нему и не привыкли. Музыка же Александрова – милитаристский марш, написанный для партии большевиков. Но поскольку его крутили с утра

до ночи всю жизнь, то все знают. Люди привыкают к любому мотиву, если крутить его без конца.

– А в итоге получаем «кентавра»: мелодия из советских времен, а слова о жизни капиталистической?

– А сейчас все так перемешалось! В Большой театр пришел новый массажист, у него на шее прямо во-о-от такой крестище. А в кабинете висит портрет Ленина! Я говорю: «Вы знаете, что за этот крест Ленин бы вас расстрелял?» Совсем не понимает ничего. Или вот ваша газета: такая прогрессивная, молодые ребята работают, хорошо пишут, а называется «Комсомольская правда». Разве у комсомольцев есть правда?

– Кроме нас, и нет. Одна осталась. А о чем вы с Путиным разговаривали за кулисами во время юбилейного вечера?

– Он спросил про мой конкурс «Майя». И действительно ли я провела детство на острове Шпицберген. Ну и еще несколько вопросов...

Самое страшное для советского государства – секс

– В Большом театре опять большие перемены?

– Как все будет развиваться, невозможно угадать. Гениальную хореографию нельзя выкидывать, иначе мы разучимся танцевать. Говорят, что классика надоела, нафталином пахнет. А где новое? Ни черта не могут. То, что ставили в последние годы, – это чудовищно. Максимум, что смогли, – переделывать классику. Я считаю это творческой импотенцией.

– И как долго такая ситуация может длиться?

– Судя по тому, что московской балетной школой сорок лет управляет непрофессиональная Головкина, – может быть, долго. Ее все время поддерживают, потому что чьи-то дочки, внучки занимаются балетом. Причем, когда человека снимают с высокой должности, ребенок вылетает из школы механически уже на следующий день.

– А вы можете назвать молодых артистов, которые скоро могут засверкать на балетном небосводе?

– В Большом сейчас есть очень сильные танцовщики. У них техника просто на грани фантастики. Причем школа хуже, а танцуют лучше.

Нынешняя молодежь может ездить куда глаза глядят, смотреть что хочешь, учиться. Нас за границу не пускали. И мы не видели постановок Баланчина. Просто позор! Дальше «Лебединого озера» не пошли. Когда я наконец увидела «Болеро» Бежара, то подумала, что сойду с ума. А в СССР «Болеро» запрещали!

– Чем балет провинился?

– В «Болеро», так же, как и в «Кармен», было самое страшное для советского государства – секс. Мы должны были все быть кастрированными. Фурцеву я не вспоминаю плохо, она сама страдала и мучилась из-за того, что советская власть на нее давила. Но «Кармен» она принять не могла, ее бы просто сняли. Фурцева говорила мне: «Майя, прикройте ляжки!» И это при том, что в пачке-то классической ляжки открытые, то есть логики никакой! Мне говорили: вы сделали женщину легкого поведения из героини испанского народа! А это что, Долорес Ибаррури?!

Не успела Плисецкая переступить порог редакции, как к ней бросились за автографами.

Я рада, что сейчас все голые, я в восторге. Вот вам, получайте!

– А что сохранилось из ваших спектаклей?

– Ничего. Даже смыли пленку с моим творческим вечером, когда я танцевала «Болеро». Мне всегда хотелось нового. Одно и то же невыносимо. Я даже меняла пачки, головные уборы. Это действовало на мое поведение на сцене – хоть что-то иное!

«Фотоаппарат зафиксировал как раз то мое движение, которое было настрого запрещено Министерством культуры с диагнозом – «чрезмерно сексуально»!..» Майя Плисецкая

– Как случилось, что такая балерина, как Надежда Павлова, осталась не у дел? Говорят, это ваших рук дело?

– Наоборот, я ей помогала. Надя сама об этом не раз говорила. И пресса писала тоже. Она очень хорошо танцевала, и в последнее время даже лучше, чем в молодости. Я давно ее не видела. Если вас так интересует этот вопрос, мой совет: обратитесь к самой Надежде Павловой.

«Уланова боялась людей...»

– Почему Галина Уланова прожила такую совершенно закрытую жизнь?

– Уланова не допускала до себя никого. Это была стена. Она даже не шла, а пробегала по коридору, боясь с кем-нибудь встретиться глазами. Как-то один поклонник шел за ней: «Галина Сергеевна...» – нет ответа. И только на третий раз она повернулась и сказала: «Сколько вам надо?» Этот мальчик чуть в обморок не упал. Она абсолютно боялась людей. И потому даже умерла одна.

Майя Михайловна: «Ну как мы смотримся?»

Когда мы вместе репетировали «Лебединое озеро» и я звонила ей по телефону, то сразу быстро произносила: «Это Майя, Галина Сергеевна, здравствуйте». Если бы я не сразу представлялась, возможно, она бы бросала трубку.

Женщина есть женщина.

– *Но на сцене она выглядела очень человеческой.*

– Она была талантливой актрисой. В жизни Уланова доверялась только своей помощнице Татьяне, которую не любили все и прозвали Цербером.

– *Уланова сама ушла из театра или ее вынудили? Ведь она могла еще танцевать!*

– Она катастрофически не прошла в Каире. Казалось бы, ну что Каир – не Нью-Йорк, не Париж, не Москва, подумаешь! Но она при своей гордости не могла с этим смириться. Этого, кстати, никто не знает. Иногда она говорила мне такие вещи, о которых, это точно, никто больше не знал.

– *А в балете вообще можно ли быть открытым, простодушным?*

– Все люди разные: кто добрый, кто жадный, кто завистливый. Вот Катя Максимова – замечательная балерина и совсем не завистливый человек. Это большая редкость среди артистов. А Григорович завидовал всем и всех ненавидел. Лифарь – мировое имя, балетмейстер «Гранд-опера» – мечтал поставить в Большом театре «Федру». Сказал: «Если мне разрешат, я подарю России принадлежащие мне письма Пушкина». Григорович сказал: «Нет». Письма Пушкина ушли в Швейцарию. На пушечный выстрел не подпустил Лифаря. А теперь Григорович – председатель жюри конкурса имени Лифаря в Киеве, куда отказались ехать французы, зная эти отношения.

– *Как у вас складывались отношения с вашими звездными партнерами?*

– Всегда хорошо. Ни с кем никогда в перебранках не была, ни разу в жизни. Хотя у каждого были свои плюсы и минусы. Больше всех я танцевала с Фадеечевым. Кроме него, из моих партнеров в живых уже почти никого нет. Все поумирали – и наши, и иностранные. Печально!

– *А почему у Лиены так трагически сложилась судьба?*

– Он сам себя терзал. И был совсем непростой человек. Когда человек хороший, то в трудную минуту он не остается один. Это мои наблюдения. А он остался одишешенек.

– *Кто реально мог бы вывести Большой театр из кризиса?*

– Наверное, такие люди есть, не знаю. Я вообще считаю, что должен быть директор – хороший администратор, а не балетмейстер, не режиссер.

Щедрин ради меня отказался от своих замыслов

– *Как сейчас строится ваша жизнь, где вы проводите большую часть времени?*

– В России бываем меньше. В основном – в Германии и в Литве, где у нас есть дом возле озера. В Мюнхене снимаем квартиру. За последний год Щедрин написал четыре больших произведения.

– *Он сейчас на компьютере работает?*

– Это несерьезно. На компьютере можно писать только поп-музыку.

– *А свою книгу вы писали на компьютере?*

– Нет. Я до сих пор не знаю, что такое компьютер. Хотя дети трехлетние уже умеют на нем работать.

Для великой балерины был важен каждый звонок.

– *И как только двум таким личностям удалось прожить долгую счастливую семейную жизнь?*

– Мы любим друг друга, вот и весь секрет. Он мне очень помогает. Невозможно даже сказать, как он помогает. Еще 25 лет назад я могла уйти со сцены. Но ради продолжения моей сценической жизни он написал пять балетов. Хотя для его карьеры это было необязательно, у него было задумано несколько замечательных опер вместо моих балетов. Спасибо, что написал «Мертвые души», которые, кстати, хорошо продаются на компакт-дисках на Западе.

– *Вас с Щедриным познакомила Лиля Брик?*

– Да. Я таких умных женщин вообще не встречала. У нее всегда был дом полон гостей. Она изумительно слушала. Люди же говорят хором. Им даже часто все равно, что им ответят. Иногда мне корреспонденты задают вопросы, хотя им не нужен ответ: они сами себе отвечают. Как хотят. Но с Лилей этого не могло быть.

Она очень всем помогала, когда за Маяковского платили авторские. Она просто швыряла деньгами. Но однажды, когда она пошла получать в очередной раз деньги, ей сказали: все, гуд-бай!.. Оказалось, Хрущев снял все авторские. Без предупреждения. А тогда были еще живы две сестры Маяковского, наследники Горького, Толстого. У всех отняли.

Звонки от читателей

О гимне и власти

– *Я восхищаюсь вашим творчеством. Но хочу вам посоветовать вдуматься в слова президента: «Неужели за советский период существования нашей страны нам нечего вспомнить, кроме сталинских лагерей и репрессий». От себя хочу спросить: куда же мы денем Майю Михайловну Плисецкую?*

– Вы позвонили для того, чтобы меня переубедить?

– *Нет, нет. Я просто вам советую, чтобы вы прочли Путина.*

– Хорошо.

Плисецкая шутила, рассказывала анекдоты.

- *Это пенсионерка Наумова. Вы не думали, когда Путин вручал вам орден, что нам придется пережить такую стрессовую ситуацию с гимном?*
- В те дни речь об этом не шла. Это полная неожиданность.

С шеф-редактором «Комсомольской правды» Владимиром Мамонтовым. Декабрь 2000 г.

– *Майя Михайловна, добрый вечер. Ну как вы можете отказаться от музыки Александра?!*

– Очень легко.

О Большом и Мариинке

– *Олег Иванов из Саратова. Между Большим театром и Мариинским всегда существовало некое творческое соперничество. Какой сегодня театр считается главным в России?*

– Главная все-таки Москва. Но и Мариинский не отстает. Там очень хорошая школа, которая идет еще от Вагановой.

– *А вы бы согласились танцевать в Мариинском театре?*

– Я бы хотела учиться у Вагановой, но танцевать в Большом. Там сцена лучшая в мире, и по размеру, и по доскам, и по наклону.

– *Майя Михайловна, у нас внучке 4 года, ей нравится балет. А если ее кому-нибудь показать?*

– Для балета рановато. Приводите ее в школу хотя бы в 8 лет.

– *Звонят из Казани. Мансур Гараев. Я хочу открыть вам одну вашу тайну. Вы ведь танцевали балет «Шурале»?*

– Да.

– *У меня хранится интервью с вами в «Комсомолке» от 31 декабря 1954 года. Я всегда с гордостью цитирую вас.*

– Спасибо.

– *Майя Михайловна, а почему сейчас наши хореографы не ставят балет «Красный мак», «Шурале» и «Барышня-крестьянка». Я их видела, когда была молодая, мне уже сейчас за 80.*

– Вот как? Но голос у вас очень бодрый. К сожалению, забытый балет уходит, как вода в песок. Его не помнят.

Майя Михайловна изумлена: читатели помнят ее балет «Шурале» начала 50-х.

– *Скажите, а где сейчас Владимир Васильев?*

– Он сейчас в Италии.

– *А он вернется в Большой театр?*

– Вряд ли.

– *Клочкова Кристина, мне 11 лет. Я хотела спросить: что вас, великую актрису, заставляет выходить до сих пор на сцену?*

– Очень много интересных предложений.

О шее и золотых нитях

– *Майя Михайловна, вы в детстве никогда не были толстой?*

– Нет.

– *Вам повезло. А я и сейчас довольно-таки полная. И это трагедия. Стараюсь не есть сладкого, но, наверное, все-таки ем. Но это все равно ничего бы не спасло.*

– Да нет, это вообще помогает. В ленинградскую блокаду люди даже со слоновьей болезнью очень худели.

– *Здравствуйте. Как вам удалось сохранить шею в таком состоянии? Лицо можно сделать, а шею нет.*

– Вы знаете, меня даже в школе называли «длинношЕЕЕ»...

– *А вот говорят, что вы пользуетесь золотыми нитями?*

– Такие вещи надо делать только в молодости. В советское время об этом не могло быть и речи. Вот Катрин Денёв, как она сама говорит в своих газетных интервью, действительно пользовалась золотыми нитями.

«В пивные хожу через день»

– *В Мюнхене к вам приходят гости?*

– Надо сказать, что мы прожили всю жизнь, в общем, без гостей. Щедрин всегда считал каждый потерянный час и предпочитал работать.

– *Вас там на улице узнают?*

– А я мало и давно танцевала в Германии. А вот в Москве меня знают даже дети. Здесь и в Питере люди потрясающе ко мне относятся. И еще в Токио меня знают. Как в Москве.

– *Где вы лучше себя чувствуете – в Москве или в Мюнхене?*

– В Токио. Мне вообще там ужасно нравится.

– *А Новый год где собираетесь встречать?*

– В Литве. В нашем доме на озере Тракай. Я Новый год люблю все равно где, я его люблю вообще. Везде елки, везде свет. Я люблю яркий свет, наряды, города.

– *Мюнхен, как известно, пивная столица Европы. А вы часто ходите в пивные?*

– Почти каждый день. Пиво там потрясающее. Много не могу, но одну кружку – с удовольствием.

«Меня рисовали много, но плохо!»

– *Когда у вас бывают грустные минуты, как вы их пытаетесь развеять?*

– Вы знаете, когда грустно – тогда грустно. Даже у животного не может быть одного настроения.

– *Удивительно, что художники вас так мало рисовали.*

– Рисовали много, но ужасно плохо. Есть лишь несколько хороших моих портретов художников Фонвизина (он висит у меня дома) и Галенца – тоже дома.

– *Один художник наивного искусства из Казани сообщил нам по интернету, что хочет предложить вам картину «Майя Плисецкая в Африке».*

– Я бывала в Африке, Бармалея не встречала, хотя если допустим, что Гамаль Абдель Насер – Бармалей, то встречала. Он мне подарил вот такую огромную серебряную шкатулку.

– *У вас много таких интересных подарков?*

– Индира Ганди подарила небольшую старинную чашу, ей 200 лет. Такую же очень старую серебряную чашу мне подарили в Аргентине. Но я не собираюсь делать выставку подарков, как Сталин.

– *А какой из подарков наиболее дорог?*

– Думаю, от Бежара. Тот танец, который я исполняла на своем нынешнем юбилейном вечере. Он назвал его «Аве Майя» на музыку Баха – Гуно «Аве Мария». Я танцевала этот номер на концерте в Большом театре в день моего юбилея.

– *Бежар – идеальный для вас хореограф?*

– Он поставил 240 балетов и ставит сейчас. Фантазия какая! Он не был на моем юбилее, потому что коленку свернул, ему делали операцию. Он вообще весь изрезан. У него оба бедра сделаны. И глаз ему оперировали. Но мозги работают – и как!

– *А почему на юбилейном вечере в Большом не было вашего друга Кардена?*

– Карден застрял в своем Китае. Он принимает активное участие в восстановлении Китайской стены. А еще помогает Италии в восстановлении Венеции. Он же итальянец, и его настоящая фамилия – Кардини.

«Я бываю резкой, но потом раскаиваюсь»

– *Ваш главный рецепт сохранения себя – «не жрать». А что еще?*

– Я о себе говорю: не жрать. Но я не сказала этого вам. Кушайте, пожалуйста.

(Майя Михайловна принимается активно угощать всех нас бутербродами. Сама лишь чуть-чуть пригубила шампанское.)

– *У вас есть свой повар?*

– Какой повар?! Я сама все делаю дома и очень примитивно. Все специальное, жареное – это вредно. А съесть риса, или салата, или картошки – не повредит.

Наряд, как всегда, от любимого Кардена.

– *Сладкое любите?*

– Я спокойно могу жить без этого.

– *А вообще какую кухню предпочитаете?*

– Японскую, причем в Японии. Японская кухня в Мюнхене – невкусная. И здесь, в Москве.

– *Рассказывают, что из-за вас Карден менял своих поваров.*

– *(Заразительно смеется.)* Действительно, один раз, обедая у Кардена, я сказала: «Невкусно». Видимо, повар был виноват. А кто это ему скажет, что у него невкусно?! Пьер был потрясен, но ничего не ответил. Когда я там была в следующий раз, мне понравилось, о чем я и сказала. Тогда он произнес: «Я поменял повара». Так что все равно, какой ресторан, – важен повар.

– *А вы всегда говорите все, что думаете?*

– Всегда. Сколько раз случались неприятности, и какие! Ну ляпну – иногда нарочно, иногда нечаянно, а потом уже поздно.

– *А муж как к этому относится?*

– А он что может сделать?! *(Смеется.)* Вы знаете, иногда я бываю резкой, но потом всегда раскаиваюсь, мучаюсь, понимаю, что так нельзя.

– *Вам сны снятся?*

– Иногда, хотя чаще – нет. Может быть, потому, что я пью снотворное. Всю жизнь пью снотворное. Из-за этого память теряю.

– *Майя Михайловна, а в приметы верите?*

– Я – нет, а Родион Константинович верит, страшное дело. Даже если чайник носиком на тебя смотрит, то он поворачивает чайник.

– *Вы носите что-нибудь в качестве талисмана?*

– Никогда. И вообще я побрякушки не люблю.

– *А говорят, у вас бриллиантов много.*

– Нет у меня бриллиантов. Было две пары серег, которые я потеряла, да еще три пары подарила. А теперь ничего нет, и я очень рада – никаких забот. И вообще все украшения так мешают танцевать, что я уже привыкла ничего не иметь. Вот певицы могут себе это позволить.

– *А машину водить умеете?*

– Пользуюсь такси или меня возит Щедрин.

– *Домашние животные у вас есть?*

– Две большие собаки. Они живут в Литве. Волкодав Шамиль – у него совершенно пасть волчья, и ротвейлер Аста. Все теряют сознание, когда ее видят, а она добрая.

«Бандит» от Марадоны

(Вдруг, заметив футбол по включенному без звука телевизору, Майя Михайловна вся припадает к экрану: «Гол!»)

– *А вы что, футбол любите?*

– Обожаю.

Майя Михайловна всегда говорила все, что думала.

– *За кого болеете?*

– За тех, кто лучше. Знаете, я очень не люблю судей. Просто не уважаю, потому что они себя безобразно ведут. Ни за что вдруг дают пенальти – и все, проиграли. От них зависит судьба. С самого начала я любила Понедельника. А вообще начала любить футбол еще с Григория Федотова, когда мы первый раз, в третьем или в четвертом классе, пошли на стадион. И с тех пор болею за ЦСКА. Но моя трагедия была в том, что, когда против ЦСКА играл Понедельник, я разрывалась на части. В общем, я должна сказать, что футболисты – это современные гладиаторы, я их люблю и уважаю. Они работают на износ.

Майя Михайловна во время «Прямой линии» «КП»: «А это все мои поклонники, как они проникли в редакцию?!»

Когда Марадону все стали ругать, я в одной из газет, наоборот, сказала о нем добрые слова. Он узнал об этом и прислал в подарок мои любимые духи «Бандит».

Домработница Катя всегда говорила: «Смотри в хребтуг!»

– Во время взрыва в переходе на Пушкинской площади погиб близкий вам человек, ваша помощница?

– Да, ее звали Шура. Она с нашей родственницей шла от Центрального телеграфа к нам домой, несла какие-то партитуры. И на Пушкинской площади Шура говорит: «Я пойду по переходу, там спокойнее, нет машин». Они договорились встретиться на углу. И ровно через минуту прогремел взрыв. Это была ее судьба. Какая-то мистика.

– Она у вас долго работала?

– Шура была моей поклонницей. Обычно они стоят около театра, и их называют «сырами». Причем они все менялись, но Шура была неизменно и всегда. Она посвятила мне жизнь, отказавшись от всего личного. Когда умерла Катя, проработавшая у нас 37 лет, Шура заменила ее. Она скрывала от своих родственников, что она со мной. И в моей книге попросила не называть ее фамилии. Она была абсолютно предана нам. Родион Константинович очень тяжело переживает ее гибель и до сих пор в состоянии стресса.

– А это ведь целое явление – люди, которые посвящают всю свою жизнь вам, великим. Вишневская в книге пишет про свою знаменитую Римму, у Улановой была Татьяна, у вас – Шура и Катя.

– Ой, какая она была изумительная, эта Катя. Она знала Щедрина еще мальчиком.

– А Катя понимала балет?

– По-моему, да. Она всегда смотрела в корень, «смотри в хребтуг» – говорила. Из моих

спектаклей она абсолютно принимала Лебеда и Кармен.

Она отпускала неожиданные реплики, когда, например, смотрела телевизор, и никогда я не угадывала, как она прореагирует. И вообще ее философия была: нельзя никого убивать. Как у Толстого. Хотя, кто такой Толстой, она не знала.

Или вот показывают передачу «В мире животных». Крокодил огромный лежит. Кто бы ни пробежал – хлоп, и нету. А потом наоборот – показывают охоту на крокодила. Накинули на него удавку... И тут Катя тихо изрекает: «От человека никто не уйдет!»

Или показывают праздничный «Огонек»: одну известную балерину партнер поднимает так, что пачка у нее кверху задралась. «Вот, всех поздравила!» – раздается тут же голос Кати.

Ей очень нравился Сережа Радченко, мой «тореадор». Он для нее был лучше всех. Однажды я приехала из Аргентины. Она сидит на полу и тупым ножом чистит рыбу. По старинке. Я рассказываю, что Сережку обманули свои же, он выдавал деньги, так как был парторгом. Катя спрашивает: а он партийный? Ну, значит, хоронить с музыкой будут... И так неожиданно было всю жизнь про все.

Есть совсем чудная история. Мы смотрели по видео американский балет, который был невероятно здорово смонтирован. И мы все время восторгались: какой монтаж! А там танцевал негр в обтягивающем трико. Понимаете, как он выглядел. И тут проезжает по нему крупно камера. Совсем крупно. «Ех, вот это монтаж!» – не удержалась Катя.

– *Мужчина был у нее?*

– Нет, она девицей так и осталась. Говорила – все пьяницы и потому не пошла замуж.

А под конец встречи опять телевизор вмешался. Когда в кадре появился муж, Майя Михайловна не удержалась:

– Ой, Щедрин! А погромче можно...

Родион Щедрин как раз говорил о своем неприятии «старого нового» гимна. И тут же этот гимн прозвучал, но на стихи Войновича.

– А знаете, как пела наша Катя Гимн СССР? «Союз нерушимый голодный и вшивый...» Это она из деревни своей привезла.

Звонки читателей

«Разделяю ваши чувства...»

– *Дорогая Майя Михайловна, я очень волнуюсь, у меня просто голос дрожит. Причем это волнение у меня каждый раз, когда я смотрю ваши спектакли.*

– Ну не делайте так, чтобы я тоже заплакала.

– *После той неземной красоты, которую вы дарите нам, выходишь на улицу, и становится страшно. Я вот представляю благотворительную общественную организацию, которая занимается проблемой туберкулеза в России. Мы на пороге катастрофы.*

– Это страшно. Я очень разделяю ваши чувства, но не знаю, чем могу помочь.

О Новом годе и эликсире здоровья

– *Майя Михайловна, вас беспокоят из Кропоткина. Как традиционно вы отмечаете Новый год?*

– Обыкновенно. Ничего специального.

– *В кругу семьи, с друзьями?*

– Как когда. Смотри где праздник застанет.

– *Какой тип мужчин вам больше всего нравится?*

– Мне нравится мой муж.

– *А какой стиль в одежде вы предпочитаете?*

– Я предпочитаю уже много лет персонально Пьера Кардена.

– *Что для вас является эликсиром жизни, помимо балета?*

– Эликсира у меня специального нет.

– *Что вас поддерживает в этой жизни?*

– Пока здоровье и существование Щедрина.

– *Майя Михайловна, меня зовут Ирина Николаевна. Я сама дочь репрессированных родителей. Родилась и окончила школу в местах не столь отдаленных. Хочу спросить: какая вы в жизни, с кем общаетесь? Как праздники проводите?*

– Ни одного нет, чтобы было одинаково.

– *Это дружеские или все-таки семейные торжества?*

– Большой семьи у меня нет, у меня есть муж.

«Я независима ни от кого и ни от чего...»

– *Здравствуйте, Майя Михайловна. Вы являетесь для меня эталоном женской красоты, ума. Я слышала, что вы пользуетесь духами «Бандит».*

– Очень старая парижская фирма, еще довоенная, «Робер Пиге». Теперь она продана в Америку. Действительно совершенно изумительный запах.

– *Майя Михайловна, город Благовещенск вас беспокоит. Вы всю жизнь шли против течения и добивались независимости в жизни и творчестве. А сегодня вы считаете себя независимым человеком?*

– Пожалуй, да.

– *Независимой от чего и от кого?*

– Вот именно, что независима ни от кого и ни от чего.

– *Это у вас с детства или с годами пришло?*

– С тех пор как начала ходить.

О мечте детства

– *Кем были ваши родители?*

– Отец в 1937 году был расстрелян. Мать была и в тюрьме, и в ссылке. Отец не имел никакого отношения к артистам, он работал советским консулом на Шпицбергене. Мать – киноактриса, дядя и тетя у меня балетные. Еще брат и сестра мамы – драматические артисты. Так что я росла в театральной семье.

«Ну, давайте за вас!» Во время встречи с журналистами «КП».

– *Кем мечтали стать в детстве?*

– Никем. Это теперь мечтают. А тогда меня просто отдали в балет. Если бы не отдали, возможно, я бы в драму пошла. Всегда нравилась сцена.

Журналисты «Комсомольской правды» (слева направо): Валентина Львова, Илья Огнев, Николай Ефимович, Борис Войцеховский, Анна Добрюха, Александр Милкус, Игорь Вирабов, Игорь Коц, шеф-редактор Владимир Мамонтов и Майя Михайловна. После многочасового марафона «Прямой линии» – фотография на память.

О загранице

– *Плохо мы живем, посоветуйте, как нам совсем не упасть, где силы взять?*

– Это самый трудный вопрос – где взять силы, чтобы жить лучше? Я знаю, что народ очень плохо живет, за чертой возможного. Есть такие вещи, которые за границей даже не могут себе представить, они даже не верят, хотя там тоже не все здорово живут.

– *А за границей мы, русские, нужны?*

– Там своих девать некуда.

О скандалах

– *Меня зовут Алексей Хлунин. Вы служите высокому искусству, и в то же время, особенно в последние годы, ваше имя часто сопровождают скандалы, как будто бы вы эстрадная звезда.*

– Как только человек делается известным, немедленно к нему прилипают никчемные люди, желающие доказать, что все такие же, как они, с пороками.

– *Якобы у вас есть дочь, которую вы не признаете?*

– Полная чушь. Я в это самое время танцевала в Австралии с Большим театром. В эти же дни, когда она родилась в Ленинграде.

– *А вы сильно переживаете или уже привыкли?*

– Очень противно все-таки. Что завидуют, что хотят поддеть, опозорить, что хотят затоптать. Затоптать всегда хотели, но теперь уже и такими гнусными способами. Но я все-таки сопротивляюсь, как видите.

– *А вы знаете тех людей, которые все это организуют?*

– Всех поименно.

– *Они из балетного мира?*

– Да, они поработали, а газеты подхватили, чтобы продать как можно больше экземпляров. Это и есть свобода печати, свобода от правды.

– *Я хочу пожелать, чтобы вашу жизнь не омрачали подобные эпизоды.*

– Спасибо!

26–27 декабря 2000 г.

Родион Щедрин: Мне нравится смех Майи!

Знаменитый композитор, которому 16 декабря исполняется 70 лет, рассказывает о своей музыке и музе – Майе Плисецкой.

«Я, как очарованный странник...»

Первым делом меня усадили за стол.

– Вы наверняка за работой не успели поесть! – сказала совершенно по-домашнему Майя

Михайловна.

Великая балерина угощала самой русской едой – отварное мясо, квашеная капуста, малосольные огурцы.

– С каким удовольствием я бы тоже отведал, – с аппетитом сказал, показывая на банку с соленьями, зашедший на кухню юбиляр. – Но сейчас не могу.

– В Мюнхене такой капусты не купишь. Не скучаете по России, Родион Константинович?

– А мы никуда не уезжали. Мы сидим с вами у себя дома в Москве. Здесь все: библиотека, рояль, гараж... В Мюнхене снимаем квартиру вместе с тарелками, скатертью, постелью. Проживание там очень помогает в работе с моим немецким издателем, с охраной авторских прав – с этим в России по-прежнему неладно. Мы подолгу живем в Литве. А сколько времени проводим в поездах, самолетах!

– Но тяжело вот так скитаться по свету...

– Это наш пережиток: что, если ты не появляешься в стране полгода, ты – предатель. Глинка жил в Испании годами, умер в Берлине. Не хотел ездить на приемы в Петергоф и предпочитал бургеров. Мы полны советских пережитков, которые в нас вбили молотками. Если надоест в Мюнхене, я в другое место перееду.

– Пока не надоело?

– Я не могу сказать, что мы с Майей Михайловной превратились в верных жителей Мюнхена. Но, когда приезжаем туда, всегда идем в ресторанчик, где самое лучшее пиво. А утром я покупаю свежайший хлеб, равного которому нет в мире. Какие-то радости чисто мюнхенской жизни мы вкушаем, чего греха таить. Но я бы себя больше определил как скитальца или, если хотите, очарованного странника, но без той тяжелой судьбы, которая выпала на его долю.

– Значит, премьера оперы «Очарованный странник» в Нью-Йорке в декабре 2002 года не случайна?

– Этот будоражающий меня сюжет я обхаживал давно. Он представлялся мне такой лакомой вещью – поразительно музыкален! Грушенька – цыганка, певица – через голос вызывает к себе любовь Ивана Северьяновича. Повесть Лескова поразительна по описанию ментальности русского человека тех времен, его трагичнейшей судьбы. Помните, как засеченный монах говорит: «Будешь много раз погибать и не погибнешь, а как придет погибель настоящая, вспомнишь знамение...» Весь русский человек в этом.

– Поймут ли прагматичные американцы все тонкости душевных хождений русского человека?

– Они мне сами заказали сочинение такого рода. Откровенно говоря, у меня есть большая тревога – Лесков от них очень далек.

– Там, на Западе, ваша музыка звучит все время?

– Иначе на что бы я жил? Лавки с папиросами у меня нет.

– Из современных русских композиторов мало чей юбилей отмечается на Западе так громко – Год Щедрина.

– Мне грешно жаловаться. В преддверии фестиваля в России были фестивали в Италии, Англии, Голландии, Финляндии, Германии.

– На открытии фестиваля в Большом Кармен танцевала самая громкая наша балерина Анастасия Волочкова. Это ваш выбор?

– Имя у Волочковой звонкое, есть почитатели, есть ниспровергатели. В искусстве иногда это даже нужно. А партию Кармен ранее она уже танцевала.

– *В России прозвучат только ваши прежние «хиты»?*

– Будут и сочинения, неизвестные в России. За последние годы я написал много новой музыки. И хотел бы показать ее своей публике.

«Я пишу по заказу...»

– *Вы пишете музыку по заказу. А говорят, что только муза может «заказывать» композитору.*

– Уже в вопросе я вижу сочувствие: бедный раб на галерах. Но это не так. Вот когда я писал музыку по заказу для советского кино, мне доставалось крепко. Я был еще совсем юн, когда написал музыку к «Коммунисту» Райзмана. Режиссер замечательный, но с музыкой у него отношения были натянутые. Он послушал и сказал: музыка хорошая, играйте ее на моих похоронах, но к фильму не подходит. Я за два дня написал новую. Он опять: не то. Лишь с третьего раза я попал в цель. Это у нас такая ментальность.

Игорь Ильинский, ставя пьесу в Малом театре, признался: думаю позвать художника Пикассо. Я был молод совсем и говорю: Пикассо такое напишет, что вам вряд ли подойдет. Ну мы его поправим немножко, ответил Ильинский.

– *А с западными оркестрами, дирижерами такое случается?*

– Нет, Бог миловал. Это глубокое заблуждение, что музыка по заказу заведомо плоха. Возьмем Сикстинскую капеллу. Это же был заказ Римского Папы. А «Бранденбургские концерты» Баха? Есть и легенда, что банкир, страдавший бессонницей, заказал Баху цикл вариаций, чтобы они убаюкивали вместо снотворного. По заказу работали крупнейшие классики прошлого. Это чисто творческий процесс. Я совершенно свободен в отказе от того, что мне неинтересно. И сейчас пишу столько, сколько я никогда в жизни не писал. Как говорит Майя Михайловна: «Ты работаешь 24 часа в сутки».

У рояля с музой.

- *Прямо с утра садитесь за инструмент?*
- Я просто в ночи иногда встаю.

«Лолита» в России

- *Увидят ли в России вашу знаменитую оперу «Лолита»?*
- Кажется, ее взялись ставить в Перми.

- *Но права на сюжет романа выкуплены Голливудом?*
- Об этом я узнал, когда опера была уже написана.

Презентация книги «Родион Щедрин. Автобиографические записи».

- *Удалось договориться с капризными американцами?*
- Только благодаря Ростроповичу и сыну Набокова.

- *А сам роман вы впервые на Западе прочитали?*

– Нет, в России. Лиля Брик дала мне эмигрантское издание еще в 60-е годы. У нас эту книгу свели к педофилии. А там масса глубоких философских взглядов, иногда совершенно парадоксальных. Для меня она не так однозначна. У Набокова все непросто. И «Лолита», может быть, одна из самых загадочных книг. Я пытался какие-то из тайн открыть своим музыкальным ключом, но до дна так и не добрался.

– *Сейчас в Германии вышла книга о вас с предисловием Мстислава Ростроповича. Вы по-прежнему дружны?*

– Он прилетал в Литву – играл с оркестром филармонии целый вечер моей музыки. Он неутомимый, гениальный человек. Энергия у него термоядерная. То он играет в честь Елизаветы II в Лондоне, то летит в Буэнос-Айрес, звоню ему – он уже в Мадриде.

- *А когда же просто посидеть, рюмочку пропустить, поговорить о жизни...*

– А мы так и делаем. После каждого концерта всегда застолье до 3–4 часов утра – надо расслабиться, раскрепоститься, рассказать новые шутки. Слава – замечательный рассказчик. Одна история смешнее и колоритнее другой. Вообще у русских музыкантов это принято. Западные музыканты академичнее и суше.

– *Судя по «Озорным частушкам», у вас душа часто просит чего-то разухабистого.*

– Человек без юмора скучен и тяжел. У меня первая мысль была назвать пьесу «Матерные частушки». Но в 1963 году это было невозможно. В частушках и народных русских песнях скабрзные слова всегда подаются с такой изумительной чистотой. Ничем заменить это невозможно.

«Меня хотели даже побить!»

– *А провалы у вас были?*

– Моя опера «Не только любовь» с треском провалилась во многих театрах, включая и Большой. Хорошо что в Новосибирске я быстро нашел выход из театра – там автора хотели побить. Зато в Перми был удачный спектакль.

– *Это зависит от публики?*

– А почему случился провал «Чайки» в Александринке с гениальной Комиссаржевской?! Тут много обстоятельств. Может быть, публика не созрела для такого рода тихой оперы: в Большом всегда со знаменами и хоругвями на авансцену выходили.

– *А у вас что было?*

– Женщина бальзаковского возраста безудержно влюбляется в молодого паренька, начинает его преследовать. Тот не понимает, чего от него хотят, у него невеста. Это сюжет по повести С. Антонова «Тетя Луша». Я после войны в Белоруссии видел деревни – глубокие старцы, либо безногие инвалиды, либо молокососы. И бабы бросались на четырнадцатилетних парней в надежде утолить что-то такое, что продиктовал им Фрейд.

– *И такой «порочный» сюжет попал в 1961-м году на сцену Большого театра?*

– Может, потому, что главная героиня – председатель колхоза. Комиссия могла прозевать и не такое. В опере «Мертвые души» одно известное слово вслух не произносилось, просто было «заплатанный», а я вставил «куль заплатанный». Это мне Вознесенский подсказал. Когда человек поет в полный голос слово «куль», то в зале звучит слово иное.

– *Родион Константинович, не устали от музыки?*

– Наоборот, когда начинаю работать, уже испытываю чувство радости. Если кто-то меня отрывает, то я расстраиваюсь. Жду этого момента, предвкушая его. И на симфонический концерт с классикой в программе я иду с ощущением праздника.

– *Сейчас у нас не все могут позволить себе сходить на концерт.*

– Но и за границей билеты дорогие. Недавно мы с Майей Михайловной посмотрели на Бродвее мюзикл – 100 долларов за билет.

– *Москву тоже захлестнула волна мюзиклов.*

– Боюсь, что они не приблизились еще к совершенству мюзиклов на Бродвее. Это очень национальный вид искусства. Но пускай люди смотрят, жанр замечательный. Я тоже написал один мюзикл на японском языке, он шел больше ста раз в Японии.

Репетиция – любовь моя...

– *У вас не было опасения, что это не ваше?*

– Заказали. Был азарт сделать за два месяца. И я это сделал, не веря сам себе.

«Конечно, я ревновал жену»

– *А вы человек азартный?*

– Каждый день меня жжет именно азарт.

– *В казино не ходите?*

– Иногда. Но в этом смысле я не игрок, слишком хорошо знаю Достоевского. А в покер всегда очень любил играть. Но у меня достаточно силы воли, чтобы проиграть и уйти.

– *Майя Михайловна рядом наблюдает?*

– Недавно в Майнце мы зашли в казино интереса ради. Она просто смотрела, а я проиграл несколько сотен в рулетку.

– *Она вам не попеняла?*

– Нет, она замечательная. Когда я только на ней женился, мой дядя приехал с поздравительным тортом. Я его уронил на лестнице. Весь этот шоколад расплылся. Ковер загублен. Дядя расстроился из-за того, что мне сейчас попадет от Майи. А Майя даже глазом не моргнула. Он меня обнял: поздравляю – у тебя такая жена!

– *Быть мужем одной из самых красивых женщин в мире – это непросто?*

– Наверное. Но мы живем совсем мирно, совсем нескучно, немножко скитальчески.

– *Вам случалось ревновать Майю Михайловну?*

– Конечно, во мне всегда присутствует все то, что заложил в мужчине Господь Бог. Но у нас отношения превосходнейшие.

– *Как удастся, имея за плечами такую жизнь, сохранить их?*

– Мы ничего не пытаемся делать специально. Все идет само по себе. Я смотрю на многих моих знакомых и вижу, как часто их друг в друге все раздражает: как кто держит вилку, сидит, говорит. Меня, наоборот, все умиляет в Майе. Как она говорит, как она встает со стула, как звонит по телефону, как открывает дверь, как смеется, как она себя ведет, когда утром просыпается. Смех ее мне нравится. Мой у нее тоже не вызывает отрицательных эмоций. Я думаю, что это естество. Намеренно искать какие-то рецепты, чтобы сохранить свои отношения, – мне кажется, их на свете нет.

– *Вы счастливый человек.*

– Не знаю, что меня ждет впереди. Но я считаю, что у меня в жизни было много радости. И то, что у меня такая жена, как Майя, это тоже великая радость.

3 декабря 2002 г.

Майя Плисецкая: В Москве я станцую!

Сегодня у легендарной балерины день рождения. Накануне мы позвонили в Мюнхен, чтобы поздравить ее и узнать, где и как она собирается отметить этот славный день.

– 20 ноября я буду здесь, в Мюнхене, который нам с Щедриным очень нравится. Как отметим? Наверняка вместе с Родионом Константиновичем сходим в пивной бар – призналась Майя Михайловна.

– *А в Москву собираетесь?*

– Конечно. 29 ноября в «Новой Опере» фонд Андриса Лиепы устраивает специальный вечер с гала-концертом и презентацией новой книги, мне посвященной. Там будет около 300 фотографий. Многие из них публикуются впервые. Например, репетиции в Париже. А главное, к каждой фотографии я сама написала небольшие комментарии. 300 фотографий – это ведь целая жизнь!

– *А сами вы выйдете на сцену?*

– Надеюсь.

– *Но ведь у вас в прошлом году случилась травма колена?*

– Как раз в мой прошлогодний день рождения, на международном конкурсе балета в Риме. Все пили за мое здоровье, но вот не помогло. Всю зиму я провела в Паланге, там замечательные врачи. И сейчас могу даже станцевать номер Бежара. В Каннах, где этим летом мне вручили на международном фестивале балета специальную премию за жизнь в искусстве, я уже попробовала. Там участвовали премьеры со всего мира. Во Франции прошел также и десятидневный фестиваль музыки Щедрина.

19 ноября 2004 г.

Ave Майя

В «Новой Опере» Плисецкая опять показала свою «Кармен».

Вся культурная (и не только) Москва с огромными букетами ломилась в театр «Новая Опера». Фонд имени Мариса Лиепы давал концерт-презентацию в честь премьеры фотоальбома, посвященного великой балерине. Более 300 уникальных фотографий собраны ее многолетним преданным поклонником и известным фотографом Василием Головицером по всему миру. Но народ стремился не только полистать уникальный фолиант, но и предвкушал, что без сюрприза не обойдется. И не ошибся.

Появление Плисецкой в зале зрители встретили шквалом аплодисментов. Среди зрителей – министр культуры Соколов, Людмила Зыкина.

Звезды были и на сцене, и в зале. Зал под завязку был набит знаменитостями и важными персонами – главный балетмейстер Большого Алексей Ратманский, Белла Ахмадулина с Борисом Мессерером, Людмила Зыкина, министр культуры Александр Соколов, Анатолий Чубайс...

Плисецкая наслаждается восторгом зала, а зрители – ею.

На сцене блистали Нина Ананиашвили, Илзе Лиела, Николай Цискаридзе. Импровизацией, не предусмотренной никаким сценарием, стало трогательное выступление Андрея Вознесенского. Потом был документальный фильм «Ave Майя», куда вошли многие архивные кадры. Зал дружно рассмеялся, слушая комментарий о том, «как балерина Большого театра, комсомолка Плисецкая готовит главную партию в «Лебедином озере». И наконец на сцену поднялась сама Майя Михайловна. Танец с веерами, поставленный старинным другом Морисом Бежаром, должен был стать своего рода «Лебедем» Плисецкой, прощальным лирическим аккордом вечера.

Но не стал. Потому что неожиданно для Плисецкой загремела «Кармен-сюита»! И тут случилось то самое чудо, какое происходит только с истинно великими артистами. Годы мгновенно слетели с ее плеч: руки, лицо, глаза танцевали! На губах возникла та дразняще вызывающая улыбка, что сводила с ума полмира. Легкий поворот, взмах гениальных рук, победный взгляд вечной Кармен... Такой же свободной и гордой, как много лет назад. Зал зашелся от восторга, засыпал балерину цветами и упорно не отпускал ее за кулисы. Браво,

Майя!

А потом Плисецкая еще два часа, до ночи, подписывала фотоальбом всем желающим...

Майя Плисецкая: Когда вдруг зазвучала «Кармен», я поняла, что должна станцевать!

– Вечер превзошел все мои ожидания. Зал был такой, о котором можно только мечтать. Это дорогого стоит. У меня в горле ком стоял. Я почувствовала, что в этот вечер отвлекла моих дорогих зрителей от всего плохого. Это было видно по их глазам. А когда вдруг зазвучала «Кармен» – такой неожиданный сюрприз приготовил мне Андрис Лиэпа, – то поняла, что Я ДОЛЖНА СТАНЦЕВАТЬ!

Илзе Лиэпа и Николай Цискаридзе показали сцену из «Пиковой дамы».

Майя Михайловна сама любила экспериментировать, неудивительно, что на ее творческом вечере показывали не только балетную классику.

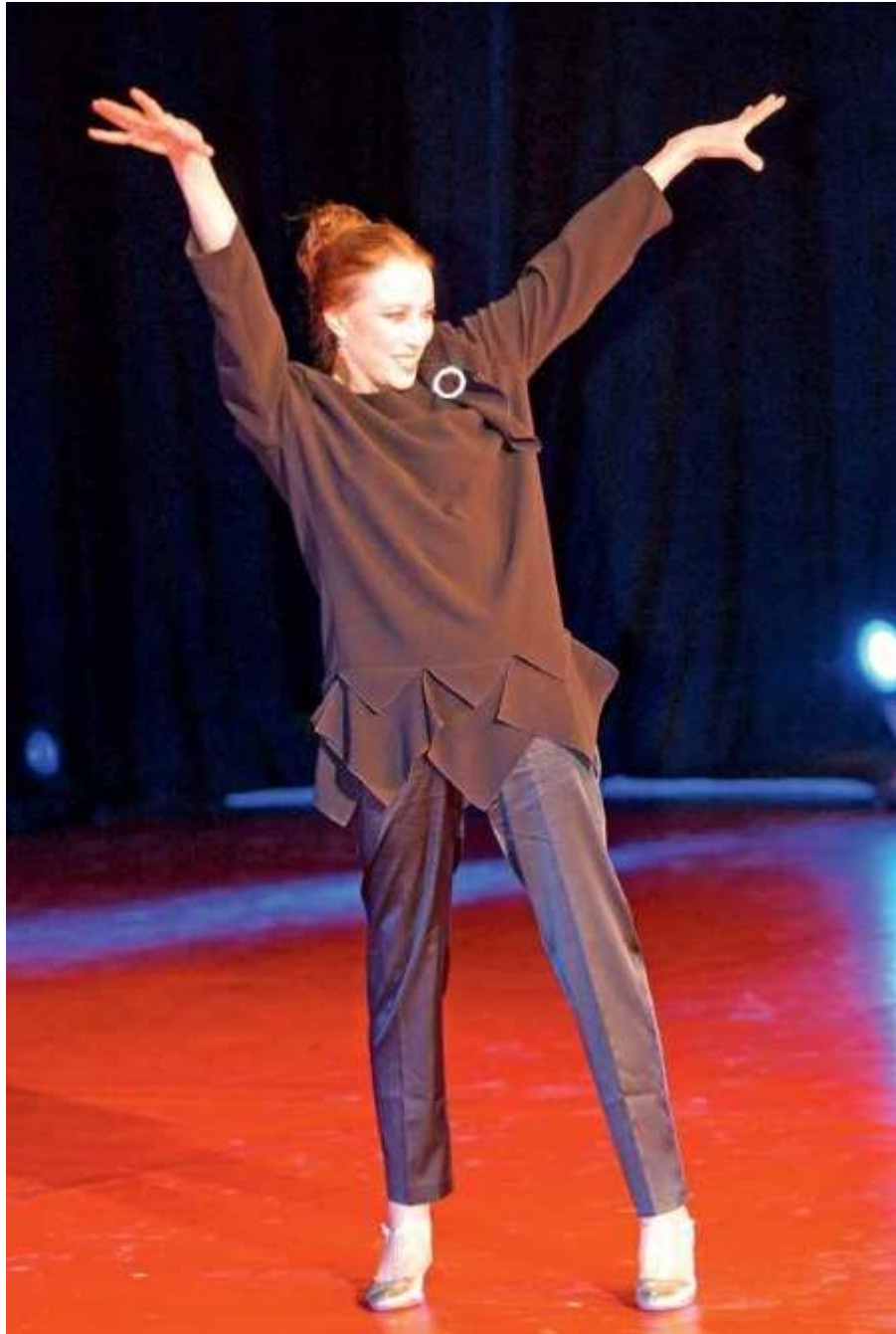
Нина Ананиашвили – «Умиравший лебедь».

Майя Михайловна всегда рада цветам.

Каждый поклон зрителям – это «плисецкий стиль».

Вот он, царственный темперамент... и ослепительно прожигающий взгляд. Звучит «Кармен», и руки великой балерины уже танцуют.

Чтобы дать автограф всем желающим, одного фломастера не хватало. Помощники держали наготове запасные.

После концерта Плисецкая еще часа два подписывала только что выпущенный фотоальбом «Ave Майя».

Андрей Вознесенский приехал на концерт балерины, чтобы прочитать новые стихи, посвященные ей.

С Илзой Лиэпа за кулисами.

С организатором вечера Андрисом Лиепой.

Андрей Вознесенский
Нет альтернативы
Водораздел суров,
Незрячих спор и глухих.
Есть в мире страны сыров,
Россия – страна сырих¹!
На источники не сетуя,
Я читаю в прессе мира:
«Эмигрирует Плисецкая,
Ощувив нехватку сыра».
Байконуром стал Плесецкий.
Есть альтернатива тира.
Нет альтернативы сердца.
Гении нам не по средствам.
Шостаковичу и Тищенко,
Януковичу и Ющенко
Не усесться по-соседски.
Нет альтернативы сердца.
Жизнь идет интерактивно.
Майе Михайловне Плисецкой
В мире нет альтернативы.
Зал осенне-польсевший,
Видит, как она красива,
Гений мира и России.
Да здравствует Майя Плисецкая!
Утроим производство сыра.

1 декабря 2004 г.

¹ Сырихи – так называли в прежние годы поклонниц известных артистов. (Ред.)

Людмила Зыкина щедро, по-русски обняла Майю Михайловну.

Майя не изменяет себе и Кардену

Фонд Андриса Лиепы устроил в атриуме Новинского пассажа грандиозное чествование

Майи Плисецкой. Балерину засыпали цветами и вручили невероятный торт «Кармен».

Майя Плисецкая с размахом отмечает свое 80-летие. На Новой сцене Большого театра покажут ее любимые «Лебединое озеро», «Дон Кихот» и «Кармен-сюиту». В роли Кармен – прима Большого Светлана Захарова. Плисецкая специально приезжала на ее репетицию. Тем более что балет возобновил сам Альберто Алонсо, знаменитый кубинский хореограф, который в свое время поставил «Кармен». 20 ноября, в день рождения, в Кремлевском дворце пройдет гала-концерт в честь Плисецкой.

11 ноября 2005 года. Радостно увидеться в такой вечер: юбилейные торжества в Новинском пассаже Москвы.

Фонд Мариса Лиепы также устроил в Москве свое чествование великой балерины – концерт «Ave Майя», – где собрались звезды и многие деятели культуры и политики. Перед началом представления можно было полюбоваться выставкой замечательных фотографий юбилярши.

Николай Цискаридзе любовался обожаемой балериной из зала.

Конфетти закружилось в танце вместе с Плисецкой. Майя Михайловна счастлива! Зрители тоже!

Казалось бы, финал вечера, Плисецкая выходит на сцену поблагодарить зрителей и гостей. Но раздается музыка «Кармен-сюиты», и Майя Михайловна не может устоять...

В конце вечера Майе Михайловне организаторы праздника преподнесли еще и невероятный торт, который Плисецкая тут же предложила разрезать и угостить всех.

Плисецкая традиционно была в наряде от Кардена. Только она вошла на сцену, как зазвучало «Болеро» Равеля. И Майя Михайловна исполнила несколько изумительных па. Зал неистовствовал от восторга... Андрис Лиэпа следовал своему неизменному ритуалу: преклонив колено, преподнес цветы. И огромный букет из белых роз вручил совладелец Новинского пассажа.

Когда в конце Майя Плисецкая вышла на сцену поблагодарить публику, оказалось, что Андрис Лиэпа приготовил балерине еще один подарок – зазвучала ее любимая «Кармен». Понятно, что Майя Михайловна устоять не смогла. А тут еще в праздничном танце закружилось разноцветное конфетти...

Кстати, не все приношения были музыкальными: организаторы юбилейного вечера в финале вручили Плисецкой грандиозный торт «Кармен», весь в кружеве розового сахара, который напоминал цыганскую юбку.

17 ноября 2005 г.

Майя Плисецкая: Я никогда балетом не увлекалась!

Ясно было сразу: как только Плисецкая прилетит в Москву, ее станут просто рвать на части организаторы юбилейных торжеств, журналисты, поклонники... Поэтому об интервью с Майей Михайловной договорились заранее: встретимся после пресс-конференции в Большом.

Однако не успела она завершиться, как секьюрити театра встали мертвой стеной. Видимо, организаторы опасались, что огромная толпа журналистов и поклонников сметет их вместе с юбиляршей. Интервью катастрофически срывалось.

Но тут один из охранников на мгновение потерял бдительность, и я рванул к лифту, на котором Майю Михайловну уже собирались увозить в недра театра. И, набрав в легкие как можно больше воздуха, во весь голос закричал: «Майя Михайловна!» А что оставалось делать?!

Плисецкая обернулась и, улыбнувшись, раскинула свои лебединые руки, чтобы обнять... Важная свита изумленно расступилась.

После легендарного «Спартака». Две четы – Хачатурян – Макарова, Щедрин – Плисецкая.

Но некогда было им рассказывать, что Плисецкая несколько лет назад приезжала в редакцию на «Прямую линию» с читателями, что продержалась до последнего звонка, число которых перевалило далеко за сотню. Что именно в «Комсомолке» родился популярный слоган: «Путин – наш президент! Бодров – наш брат! Плисецкая – наша легенда!». Что читатели звонят в эти дни без конца и спрашивают: а будет ли интервью с их богиней?..

«Сидеть на юбилее в ложе – это не для меня»

– Майя Михайловна, легендой себя чувствуете?

– Когда вот так преклоняются, и так смотрят, и так говорят, то получается, что да. Хотя до сих пор не могу привыкнуть к этому. И просто наблюдать – это действительно не для меня. Мне неинтересно сидеть сложа руки в юбилейной ложе.

– Говорят, что вы придумали для каждого вечера фестиваля, устроенного в эти дни в Москве в вашу честь, какой-то эффектный выход.

– Я думаю, что выйду все-таки один раз – на гала-представлении в Кремлевском дворце, которое состоится как раз в день рождения – 20 ноября.

– Там будет невероятная программа: и поздравления от выдающихся танцоров мира, и ансамбль Александрова, и шаолиньские монахи, и даже брейк-данс...

– Сама я до конца все, что там будет, не знаю. Большой делает это в секрете от меня. А брейк-данс просто обожаю.

– *Вы сразу, без сомнений, решили отмечать юбилей в Москве?*

– Я вообще не планировала ничего, потому что Большой театр закрылся. Мой театр, в котором я проработала всю жизнь. Его нет. Спектакли идут только на Новой сцене. И где-то я это обронила в прессе. Тогда гендиректор Большого Анатолий Иксанов сказал мне: «Майя Михайловна, не сбрасывайте Большой театр со счетов. Мы очень хотим устроить ваш юбилей на Новой сцене». А еще будут фестивали в Токио, Лондоне, Париже...

– *Большой специально к вашему юбилею восстановил знаменитую «Кармен-сюиту». Главные партии будут танцевать звезды Большого...*

– Я должна признаться, что очень люблю Ратманского (*главный балетмейстер Большого . – Ред .*). Он был в Большом моим последним партнером. Изумительный артист, замечательно танцевал. Я ему полностью доверяю.

А потом – приехал Альберто Алонсо, автор этого спектакля. Который каждый раз (а он минимум десять вариантов «Кармен» поставил) делает новую версию, не похожую на другую. Правильно, что театр пригласил Альберто. Все-таки он создатель! Мне интересно посмотреть, что будет в этот раз.

– *Вы показали новой исполнительнице главной героини Светлане Захаровой свою Кармен?*

– И не только ей. Я была на репетиции. Часа два там провела.

– *Понравились солисты?*

– Да, я довольна. Все они – и Светлана Захарова (Кармен), и Андрей Уваров (Хосе), и Марк Перетокин (Тореро) – работают до десятого пота. Захарова по-своему видит роль. И это правильно.

В «Кармен» безумно важно, зачем ты на сцене и что означает жест, глаза, нога, взгляд. Там все про это, там обязательно ноги драть.

– *Вам «Кармен» немало крови стоила. В итоге вы смелость даже возвели в художественную категорию.*

– Для нас это была даже не новая, а новейшая хореография. Настолько непривычная, что люди даже поначалу этого не приняли. Не говоря уже о начальстве, которое было просто в панике. И это мягко выражаясь. Вместо «Кармен» поставили «Щелкунчика». От греха подальше. Война была за этот спектакль. Но жизнь показала, что «Кармен» победила.

«Главное для меня – не ногу задрать!»

– *А у вас есть фавориты в Большом?*

– Говорить о фаворитах очень опасно, потому что есть много замечательных танцовщиков и балерин, которых я обязательно обижу, если не назову.

– *Если бы вам сейчас предложили полную и безоговорочную власть над Большим театром, что бы вы изменили?*

– В Большом театре много интересного и в балете, и в опере. Сегодня пожалуйста – творите, никаких преград.

– *Майя Михайловна, многие артисты балета говорят о том, что не могли бы состояться без вас. Хотя вы не были их педагогом. А кто действительно продолжает ваши традиции?*

– Я думаю, что все продолжают. В Большом театре очень хорошие балерины. Первого класса! А еще – есть русская балерина Полина Семионова, которая танцует в Берлине. Есть Эгле Шпокайте в Вильнюсе. Изумительные артистки. Я это больше всего ценю. Для меня самое главное – не ногу задрать, а быть артисткой. Слышать музыку и знать, зачем ты на сцене, что ты хочешь сказать, а не показать. Это нужно не только в балете, но и в драме, в кино.

– *А на одной технике можно выехать?*

– Когда нет ничего в глазах, жестах, движениях, то вряд ли. А вообще раньше не было такой техники, как сейчас. Даже старые фильмы балетные сейчас смотреть трудно. И на балерин, которых мы считали кумирами, богинями. Как-то даже удивительно – чем же мы восторгались? А это просто времена меняются.

– *А у вас бывает ностальгия по ушедшим годам?*

– Ностальгия у меня всю жизнь по Большому театру. Она у меня была даже тогда, когда я выходила на сцену Большого. Я ее обожала и обожаю, считаю ее самой лучшей сценой мира. Можете мне поверить, потому что я танцевала почти на всех сценах мира. Такой сцены, как в Большом, на свете нет.

– *Отчего вы не преподаете? Видя вас, хочется стать лучше. Вам есть что сказать.*

– Я во многих странах даю мастер-классы. Не то что выворачиваю детям ноги, а показываю им партии балетные и роли. Считаю, это важнее. Потому что в пятую позицию может, в общем, поставить всякий педагог.

Фидель Кастро и «Кармен»

– *Вы все время пытались устроить в балете революцию. А зачем? Вы и так царили на сцене.*

– Я танцевала все классические балеты. Но сделать что-то оригинальное первой всегда было моей мечтой. Конечно, в мою молодость было совершенно нереально думать о новом. Даже наших новых хореографов не пускали на сцену Большого театра. Уж не говоря об иностранцах.

– *А как же прорвался Альберто Алонсо с «Кармен»?*

– Это ведь политика. Он с Кубы. Как можно было ссориться с Фиделем Кастро?! Тут повезло. А все остальное было недопустимо. Это, конечно, было жалко. Потому что мы знали, что есть Баланчин, есть Бежар... Но все совершенно недоступно.

– *Поэтому вы сами делали себе роли?*

– Это был выход из безысходной ситуации. И пять балетов на музыку Щедрина я все-таки станцевала. Бог был милостив ко мне. И появился Бежар. Конечно, очень жаль, что я танцевала его немножко поздно. Один из моих любимых номеров Бежара – «Болеро». Я так ни один балет не хотела танцевать, как «Болеро». Когда я увидела его первый раз, то совершенно обомлела, как это было здорово. Бежар сказал как-то Карле Фраччи, знаменитой итальянской балерине: «Если бы я Плисецкую знал на 20 лет раньше, балет был бы другой». Интересно, что бы он тогда сделал?

О принцах, Кардене и Тарасе Бульбе

– *В середине октября вы встречались с принцем Астурийским. Он опять предлагал вам пожить в Испании?*

– Совсем нет. Я получила из его рук премию. Очень престижную, испанскую «нобелевку». Впервые за 25 лет дали балету. Это было очень торжественно, шикарно, по-испански.

– *Вы специально к этому дню какой-то новый наряд приготовили?*

– Нет. Я была в своем платье. Конечно, карденовском – черном с двумя красными пуговицами. Я не люблю одеваться вызывающе.

– *А по жизни ваш принц – это Щедрин?*

– Конечно. Он – один на свете.

– *Вы как-то сказали в интервью, что он всегда прав, что бы он ни утверждал, ни говорил.*

– Да. Когда я делала не то, что он советовал, сказал или настаивал, каждый раз я проигрывала. Каждый день начинается с его совета. Если послушала его, значит, правильно. Во всем – в искусстве, в жизни, на сцене. Даже платья мне он выбирает у Кардена.

– *А вы в одежде по-прежнему верны Кардену?*

– Я считаю его человеком с абсолютным вкусом. Вот этот пиджак, который сейчас на мне, тоже его.

– *А муж, как всегда, готовит вам ко дню рождения сюрприз?*

– Пока не признавался. Но он мне в свое время сделал фантастический подарок. Подарил музыку «Дамы с собачкой» в день моего рождения. Что может быть дороже?!

– *Каждый раз, когда звонишь вам, не перестаешь удивляться: вы то в одной стране, то уже в другой. Не устали по миру колесить?*

– Да нет, это интересно. Сидеть дома, что ли?! Вот, к примеру, сейчас я была в Японии председателем жюри балетного конкурса. Увидела, как танцует весь мир. Причем танцы все новые, модерны. Я бегала сюда-туда, чтобы посмотреть как можно больше. Так интересно. Представьте себе, кореяночки – стройненькие, с фарфоровыми личиками, по 18 лет. Танцуют все – и «Лебединое озеро», и модерн. Изумительно.

– *Где еще, кроме балета, вы могли найти себя?*

– Есть такой анекдот. Спрашивают: «Вы играете на скрипке?» – «Нет, не пробовал, но, наверное, играю». Я не пробовала другое. Мне всегда нравилась драма. Поначалу больше, чем балет. Во всяком случае балетом я никогда не увлекалась. Но меня отдали в балет.

Карден и Плисецкая.

«Читая жизнь свою...».

А я интересуюсь всяким искусством. Интересуюсь вообще жизнью. Очень много сейчас читаю. Причем абсолютно несистемно. А уж когда совсем ничего не хочется, люблю пасьянсы раскладывать.

– Майя Михайловна, не могу не спросить, читатели не простят. Как вам удается так прекрасно выглядеть?

– Я как-то случайно напала на собственную байку. И возможно, что так и существует в жизни. Я в жизни получила очень много цветов, роскошных роз. Я за ними ухаживала всегда – подрезала стебли, на следующий день снова подрезала и меняла им воду. При том что я совершенно одинаково за ними ухаживала, проходило два, три дня. Постепенно одна головку повесит, другая, третья. И в конце концов через неделю из всех цветов стояла одна роза. Так же происходит с людьми. Кто-то завял рано, кто-то подольше, как эти розы.

– А в какое время вам было интереснее всего жить? Никогда не хотелось оказаться прямой императорского театра?

– Мне было бы интересно родиться в XXIII веке.

18 ноября 2005 г.

Майя Плисецкая: Путин позвонил мне в машину, когда я ехала в театр!

В Москве, в Кремлевском дворце, прошел юбилейный гала-концерт.

Очередь за балетом

И в 80 лет Плисецкая сводит с ума зрителей так, как попсовым звездам и не снилось.

Вечером в минувшее воскресенье в Москве, у Кремлевского дворца, очередь желающих попасть на юбилейный вечер великой балерины растянулась на несколько километров.

Несмотря на снег с дождем, народ терпеливо ждал, пока кремлевская охрана пропустит всех через «рамки безопасности». Как у нас всегда случается, работали они не все. Тут же бродили бравые ребята, предлагавшие за мзду провести вне очереди. Кто-то соглашался. Остальной народ вспоминал толпы, стоявшие за водкой в горбачевские безалкогольные времена, или просто шутил. Или злился, когда соседи по очереди случайно наступали на ногу. Но все упорно стояли. И было ради чего.

На кремлевской сцене

Майя Михайловна в своем знаменитом платье от Кардена блистала на сцене. Сначала просто вышла поблагодарить всех, кто пришел к ней на юбилей. Потом знаменитый испанский танцор Хоакин Кортес в конце своего зажигательного выступления вывел Плисецкую на сцену, и они вместе продолжили будоражить зрителей классным фламенко. Народ в зале уже рыдал от восторга. Вдруг Кортес решительно снимает танцевальные ботинки и преподносит их Плисецкой. В качестве подарка. Майя Михайловна не растерялась и, вскинув гордо руки с ботинками горячего испанца, как с самым дорогим подношением на свете, продолжала царить на сцене.

А в финале, конечно же, исполнила свой коронный номер последних лет «Ave Майя». Публика захлебывалась криками «браво». Прославленная балерина подошла к оркестровой яме, к дирижеру: ну что, повторим еще раз? Ну разве тот мог отказать?!

Майя Плисецкая с примой-балериной Большого театра Светланой Захаровой, которая станцевала свою Кармен.

Сам вечер был выстроен не просто в виде балета «Дон Кихот», в котором не раз танцевала сама прима. Это было бы скучно, а Плисецкая не была бы собой, если бы не похулиганила. После классической вариации из «Дон Кихота» на сцену выскочила вдруг группа брейк-данса Da Voogie Crew. Плисецкая заявила: а теперь посмотрите, как должен выглядеть «Дон Кихот» сегодня. И парни стали вытворять на сцене такое, что балетным критикам и в страшном сне не приснится.

Но это были еще не все сюрпризы. Шаолиньские монахи показали невероятное шоу рукопашного боя. Оказалось, Майя Михайловна их просто обожает. Как и танцоров ансамбля песни и пляски имени Александрова, которые с блеском отплясали «Казачью кавалерийскую».

Майя Плисецкая и Родион Щедрин перед началом гала-концерта в Кремлевском дворце. Ноябрь 2005 года.

Ну и, конечно же, весь вечер публику радовали звезды балета: Светлана Захарова, Андрей Уваров, Николай Цискаридзе, Мария Александрова, Диана Вишнёва из Мариинского театра, французы Лоран Илер и Карл Пакетт, датчанин Йохан Кобборг, Алин Кожокару из труппы Королевского театра Великобритании, русская балерина Полина Семионова из Берлина... Трудно всех даже назвать.

«Танец рук» был специально как подарок для Плисецкой сделан знаменитым Морисом Бежаром.

И в этом ярком смешении стилей, жанров, имен и музыки чувствовалась стихия по имени Майя. Большой стиль Плисецкой. Она сама всегда стремилась к новому, к революционному. Хотя во времена, когда Плисецкая танцевала в расцвете сил и таланта на сцене Большого, это было не так просто.

«Дон Кихот» стал сквозной темой юбилейного вечера.

Но по-другому она и не могла. И не может до сих пор. Даже если речь идет о юбилейных фестивалях. Ей претит сама мысль о торжествах, пропитанных нафталиновой классикой. «Для меня главное – доставить наслаждение людям!» – сказала балерина в интервью «КП». Неудивительно, что в зале было полным-полно не только VIPов, но и простых москвичей. Многие из них помнят, как танцевала «наша Маечка».

На приеме

Здесь, конечно, было больше важных персон: явно постарались спонсоры-организаторы. Мелькали люди из администрации президента. Все стремились приложиться к ручке великой балерины, а заодно представить своих жен, дочерей и подруг... А вот знаменитый кузен, художник Борис Мессерер, сделавший гениальные декорации к «Кармен», бродил по залу без жены Беллы Ахмадулиной. Другой семейной четы, традиционно присутствовавшей на юбилеях балерины – Андрея Вознесенского и Зои Богуславской, – и вовсе не было. Болеют.

Церемония награждения Майи Плисецкой в Екатерининском зале Кремля орденом «За заслуги перед Отечеством» 1-й степени. Лента орденосца должна выглядеть безупречно.

Владимир Путин: «Вам, великой балерине современности, рукоплескали зрители всех континентов, восхищались красотой, грацией и уникальным творческим долголетием...»

Майя Михайловна, несмотря на усталость, с улыбкой расцеловывалась с послами, режиссерами и просто друзьями. И вдруг бросилась на шею высокому представительному мужчине в очках. «Это же литовский профессор Нарунас Парваняцкас! – радостно воскликнула Майя Михайловна во время телефонного разговора на следующий день. – Именно он сделал мне операцию на сломанной ноге. Без него я вообще не вышла бы нынче на сцену!»

Кортес расписался на подметках ботинок, подаренных Плисецкой

Несмотря на закончившийся накануне далеко за полночь юбилейный вечер, вчера утром Майя Михайловна была уже на ногах. Фестиваль в Москве продолжается. Каждый день проходит какое-то торжество – и так все дни до 28 ноября.

А воскресным гала в Кремлевском дворце балерина очень довольна.

– Все было на таком прекрасном подъеме, на взводе. Все так старались. Меня очень тронули капельдинеры Большого, станцевавшие с корзинами цветов.

– Знаменитый испанский танцовщик Хоакин Кортес подарил вам прямо на сцене свои ботинки, в которых только что отплясывал фламенко. Это была импровизация?

– Чистейшей воды. Грош цена, если бы я это срепетировала. Потом за кулисами он расписался на подметках этих ботинок. У испанских танцоров это считается наивысшим подарком – преподнести танцевальные ботинки, в которых они выступают. Кортес в этих ботинках танцевал на сценах многих стран мира. Кстати, он сначала вообще отказался выступить на вечере.

– А почему?

– Ему не выделили время и место для репетиции. Во дворце в эти дни все работали даже ночами, так готовились. И все было занято. Он обиделся. Тогда я сама пошла к нему в гримуборную перед спектаклем. И стала просто умолять: не для них, а для меня станцуй. И он сказал: хорошо, только для тебя.

– *Кстати, а как вам восстановленная Большим «Кармен», которую театр показал в минувшую пятницу?*

– Вы знаете, хорошо сделали. И очень правильно, что меня не копировали.

– *Майя Михайловна, поздравляем вас от имени всех читателей «КП». И с юбилеем, и с наградой – орденом «За заслуги перед Отечеством» I степени.*

– Как орденом? А я еще ничего не знаю!

– *А разве вам Путин не звонил?*

– Он позвонил мне в машину в воскресенье, когда я ехала в театр. Президент звонил из Японии. Извинился, что не может лично поздравить. Произнес много прекрасных слов.

– *А про награду?*

– Он сказал только, что вручит ее к концу года. Но какая – не говорил.

– *Орден «За заслуги перед Отечеством» I степени в России вручают очень редко. Им награждены Борис Ельцин, Жак Ширак, Алексей II, нобелевский лауреат Алфёров...*

– Ну что ж, компания знаменитая. Мне приятно.

– *Майя Михайловна, а кому ж еще, как не вам, вручать такие ордена?!*

Плисецкая засмеялась. И как-то неуверенно произнесла:

– Ну, может быть, политикам...

22 ноября 2005 г.

Родион Щедрин: Я всю жизнь мечтал о «Боярыне Морозовой»

В Москве – мировая премьера оперы о церковном расколе в России.

Телефон в московской квартире Щедрина и Плисецкой в эти дни не замолкает ни на минуту. Но все же «КП» удалось дорваться до автора громкой премьеры.

– *Родион Константинович, правда, что вы хотели сделать главным героем сначала протопопа Аввакума, а потом все-таки остановились на боярыне Морозовой?*

– Эта идея жгла меня очень давно. Церковный раскол в той России – это конфликт колоссальной мощи и силы. Анафема, которой предали старообрядцев в XVII веке, снята была через 300 с лишним лет, в 1971 году, Синодом Русской православной церкви.

Я уже начинал страницы партитуры писать. И это была история протопопа Аввакума, где фигурировал патриарх Никон, юродивые вокруг него. А потом меня осенило, что это слишком статично будет. Все-таки когда в центре стоит такой сильный женский образ, как Морозова, да и сестра ее, это сразу придаст другую температуру всему замыслу – 39,9, а то и все 40 градусов!

– *Мы со школы знаем картину Сурикова, на которой боярыня Морозова – старуха с фанатичным взглядом, в богатой шубе.*

– К сожалению, я должен поднять руку на Сурикова. Он великий был художник, но исторической правды не придерживался. Я много копался в литературе, разбираясь в теме церковного раскола в России. Во-первых, Морозовой было 39 лет, а не 70, как у Сурикова.

Знаменитая раскольница с картины художника Сурикова ожила на сцене.

Арестовали ее в час ночи, как это делается всегда в России. Ее сестра, княгиня Урусова, пришла к ней в гости. Когда в дом ворвались стражники, она спряталась в чулане. Ее выволокли оттуда с вопросом: «А ты как веруешь?» Она сказала: «Я, как и моя сестра» – и перекрестилась двумя перстами. Ее тоже арестовали. Их везли в деревянных шейных колодах, скованных цепями. Женщин раздели, били плетью на снегу, мучили. А Суриков показал богатство Морозовой. Она действительно была самая богатая женщина в России – 8 тысяч крестьянских дворов. А брат ее мужа был наставником царя, сама она являлась царской кравчей. Фамилия Морозовы – одна из самых древних, видных российских. Морозова отказалась идти на свадьбу царя с новой женой. Она по чину должна была сидеть рядом с ним и управлять торжеством. Ее отказ стал последней каплей, переполнившей чашу терпения царя.

– Это ведь вечная российская проблема – быть на вершине власти, богатства, а потом оказаться на дне жизни?

– Она пошла на это из-за веры. У нее было много моментов, чтобы отречься и перекреститься тремя перстами. После премьеры ко мне подошли мои немецкие издатели, приехавшие специально в Москву. Одна женщина, потрясенная судьбой Морозовой, сказала мне тихо по-русски: «Вы знаете, я бы сама тремя перстами перекрестилась, пятью, семью, но только бы спасти сына...» Отречься от сына во имя убеждений, не менять веры своей, как сделала Морозова, – это нужно иметь колоссальную силу характера, души.

Щедрин и Плисецкая вышли на сцену поблагодарить Бориса Тевлина, дирижера камерного хора Московской консерватории, за прекрасное исполнение оперы.

– *Настоящая русская боярыня.*

– Вот именно. Через ее образ чувствуешь всю нашу ментальность. На Западе спрашивают: что такое русская душа? Так вот она, русская душа.

– *А ведь это тоже русская традиция – хоровая опера. Когда нет оркестра, только труба, литавры и ударные.*

– Но эти три музыканта – Кирилл Солдатов, Виктор Гришин и Михаил Дунаев – заменили настоящий оркестр. И играли так, что порой сотрясали стены бедной консерватории. Но это уже моя музыкальная «химия».

– *А почему вы так редко балуете нас подобными премьерами? Последняя – «Мертвые души» – была в Большом еще в советские времена.*

– Куда зовут, там я и показываю премьеры. Но «Боярыня Морозова» – настолько она наша, национальная, что делать ее надо было обязательно в Москве. Иностранцы могут не понять нашей души. Хотя они уже проявили интерес к ней. Я очень рад, что мировая премьера именно в Москве состоялась. Все было в очень короткие сроки сделано. Я написал либретто, музыку в конце июля. А в конце октября – уже на сцене. А все благодаря тому, что российский оперный продюсерский центр «Классика Вива» работает, как на Западе. Хотя репетиций было мало. Но в итоге все исполнители без исключения проявили себя потрясающе!

Родион Щедрин счастлив: «Боярыня Морозова» удалась!

– Я видел, с какой заразной страстью аплодировала Майя Михайловна.

Тут Щедрин передает трубку Плисецкой: «Ты вправду была вчера в восторге, Майя?» И смеется:

– Она сейчас сама скажет. Только не хвали меня сильно!

Плисецкая :

– Часто говорят: впечатление такое, что слов нет, как это описать. У меня они всегда есть. А вот вчера впервые мне показалось, что всех слов, которые я знаю, мало. Это та музыка, которая остается в истории. И через сто лет ее будут тоже исполнять.

Репортаж из зала

Плисецкая подпрыгивала от восторга

Охотиться за лишним билетиком меломаны-«классики» стали еще часа за два до открытия Международного фестиваля современной музыки «Московская осень-2006». Не каждый день в

столице случаются мировые премьеры, да еще такого композитора, как современный классик Родион Щедрин, который живет сейчас все больше в Мюнхене. Последние его громкие премьеры – оперы «Лолита», «Очарованный странник» – прошли в Стокгольме, Нью-Йорке...

А тут не просто опера, а «Боярыня Морозова» – о кровавом церковном расколе в России. В стране у нас до сих пор около 3 миллионов старообрядцев. Говорят, что среди зрителей были и они.

Когда Родион Щедрин с Майей Плисецкой вошли в Большой зал консерватории, он буквально взорвался аплодисментами. В ответ знаменитая балерина взмахнула бесподобными руками, словно напоминая о своем бессмертном «Лебеде». Рядом с ними сели такие же именитые творческие семейные пары: Борис Мессерер и Белла Ахмадулина, Александра Пахмутова и Николай Добронравов. Из Большого был его главный дирижер Ведерников, а также Черняков, автор новаторской постановки «Онегина», вызвавшей такой гнев Вишневецкой, что она отказалась отмечать юбилей в родном театре... Кстати, партию протопopa Аввакума в «Боярыне Морозовой» спел как раз австралийский тенор Эндрю Гудвин – Ленский этого скандального спектакля Большого.

После финальных аккордов Щедрина устроили овацию: зал требовал бисов без перерыва минут двадцать. А звездная жена композитора буквально не могла усидеть на месте: балерина даже подпрыгивала, азартно рукоплещала. Автора завалили цветами. Он тут же на сцене раздаривал их всем женщинам – не только солисткам, но и хористкам. И, конечно же, дирижеру Камерного хора Московской консерватории Борису Тевлину, с кем Щедрин дружен и которому, собственно, подарил мировую премьеру «Боярыни Морозовой». Известный дирижер как раз в эти дни отметил свое 75-летие.

1 ноября 2006 г.

Родион Щедрин: В Большом театре убоялись секса

В канун своего 75-летия популярный в мире русский композитор встретился с корреспондентом «КП».

Родион Щедрин с Майей Плисецкой в эти дни просто нарасхват. И обычные-то их приезды в Москву производят фурор, а во время юбилейного фестиваля, организованного Московской филармонией, все просто зашкаливает.

Но для «КП», как всегда, Родион Константинович выкраивает время. И мы сидим, говорим уже часа два, но заглядывает Майя Михайловна и усаживает за стол с шуткой: надо бы растворить плохой холестерин. Родион Константинович, разливая вино по бокалам, вспоминает:

– А знаете, откуда эта фраза? Когда Слава Ростропович ставил мою оперу «Лолита» в Стокгольме, он приходил в театр в полвосьмого утра и уходил глубокой ночью. И говорил: ну что, пошли растворять холестерин! И мы шли в ресторанчик. Он дирижировал 12 спектаклей подряд. Ни на одном месте он так долго не задерживался...

– Больше полугодом молчит его виолончель...

– Это невосполнимая потеря. Я до сих пор не понимаю, как так – земля вертится, а Славы нет. Для музыки это просто черная дыра. Он столько давал жизни каждому! Мы осиротели. Он всегда был участлив. Множеству людей помогал.

– Вы ведь для него тоже писали?

– На фестивале прозвучит «Парабола» – концертная притча для виолончели с оркестром, ему посвященная. Моя виолончельная соната, концерт ему подарены. Слава дирижировал в 2005 году «Гамлет-балладу» – мое сочинение для тысячи виолончелей. Тогда я сказал: вот, мол, рекорд – 1167 виолончелей играют в концерте. «Нет, было 1168, – поправил Слава. – Я ведь тоже виолончелист, хотя и дирижировал». Это была моя последняя премьера под его рукой.

– Как удалось собрать на юбилейный фестиваль такое созвездие: Гергиев, Башмет,

Темирканов, Плетнёв, Федосеев, Мацуев?

– Не буду кокетничать. Конечно, я радуюсь, что юбилей для моих коллег-музыкантов не прошел незамеченным. Но это заслуга дирижеров и директора Московской филармонии Алексея Алексеевича Шалашова – организатора фестиваля.

– Похоже, вас уже в живые классики записали? Одна из музшкол Москвы названа вашим именем.

– Когда мне говорят, что я живой классик, я отвечаю: «Больше всего радует первое – что живой. А потом уже классик». Хотя вот на днях в Малом зале консерватории классиком себя немножко почувствовал – студенты кафедры Сергея Доренского исполняли мои фортепьянные сочинения. Уровень игры был просто поразительный. В наше время так не играли. То, что обычно исполняют по нотам, они играли наизусть. Майя была просто поражена.

– Вас считают едва ли не последним романтиком из выдающихся русских композиторов. Где же новые Прокофьевы, Шостаковичи?

– Есть талантливые люди. Есть. Но время, которое сейчас на дворе, не способствует: это время сплошной коммерциализации. Раньше государство было спонсором. Сейчас композитор сам должен деньги искать. Получив идеологическую свободу, он попал в финансовую кабалу. И в свободном западном мире при очевиднейшей одаренности непросто прорваться.

– Время великих безвозвратно ушло?

– Знаменитый французский композитор Оливье Мессиаен сказал: «Музыка всегда ждет нового гения». Но композитору, помимо таланта, нужны еще удача, счастливый случай. Артуро Тосканини – выдающийся итальянский дирижер – играл в оркестре на виолончели. Заболел дирижер. Отменять спектакль? «Да нет, – говорят. – Вон сидит Тосканини, пускай попробует». У многих великих исполнителей все начиналось со счастливого случая. Майя успешно снялась в «Бахчисарайском фонтане», потому что Алла Шелест попала в автокатастрофу, ей ветровое стекло разрезало лицо. Несчастный случай для одного становится счастливым для другого. В искусстве без этого не обойтись.

– Родион Константинович, вы ведь едва не стали композитором-песенником? «Не кочегары мы, не плотники...» на слуху до сих пор.

– При советской власти деньги можно было заработать только киномузыкой. Я получил за оперу «Мертвые души» – гигантскую работу – 80 тысяч рублей. Они все ушли на банкет в «Интуристе», который устроил я для всех участников – 550 человек. На серьезную музыку было не прожить. Шостакович же не зря написал музыку почти к 40 фильмам. Наша кооперативная квартира куплена на гонорары за киномузыку, машина, дача – тоже. Причем если фильм был успешным, как «Высота», «Коммунист», «Нормандия – Неман» или «А если это любовь?», то фильму присваивали первую категорию. Тогда ты получал еще больше. Когда вокруг запели «Не кочегары мы, не плотники...», стали платить авторские.

Майя Плисецкая и Родион Щедрин. 1971 г.

– *И до сих пор идут?*

– Идут...

Майя Михайловна, прислонившись к плечу Щедрина, засмеялась: «А мы пенсию вчера получили – 18 тысяч рублей на двоих...»

– *Но вас никто не заставлял писать эту музыку?*

– Это была мечта любого композитора – получить заказ.

– *А как вам та музыка, что звучит сегодня в наших сериалах, фильмах?*

– Это «консервная» музыка, которую производят на компьютерах, на синтезаторах из экономии. Ее невозможно слушать. Просто уши вянут. Пожалуй, единственное исключение – «Мастер и Маргарита», в котором написанная Корнелюком попсовая музыка смоделирована на классических образцах. И это точно совпадает со зрительным рядом.

– *Говорят, что композитора-киношника коллеги и композитором не считают.*

– У нас для кино писали музыку и Прокофьев, и Шостакович, и Шнитке. Это не считалось зазорным.

У меня в Германии есть друг Франц Хуммель, он написал оперу «Горбачёв», которая шла в Бонне с успехом. А он всегда очень бедствовал. Но потом написал мюзикл «Людвиг Второй», который идет уже пять лет каждый день. Все билеты раскуплены наперед. Хуммель купил дом, новую машину, поменял жену. Но из круга серьезных композиторов он сам себя вычеркнул. Его классическая музыка перестала исполняться.

Прима, спортсменка, красавица.

И в Голливуде, если вы написали музыку для кино, вас за композитора больше не считают. Ты приглашен туда – у тебя вилла, яхта. Но твоего имени в филармонических афишах нет. У нас такого выбора не было.

– ***Вы ведь мюзиклами тоже баловались?***

– Это целая история. По сказке Маршака «12 месяцев». Я получил в 1988 году пригоршню приглашений от японцев прочесть либретто по этой сказке. Я решил, что меня разыгрывают: мюзиклов никогда не писал. И я не отвечал на их факсы и телетайпы. Потом из Министерства культуры попросили принять японцев, мол, это серьезные люди. Приехали три аккуратнейших японца, показали мне замечательное либретто. Вольготные условия, неплохой гонорар. Но я стал отказываться: сроки жуткие – надо за два месяца написать 35 номеров партитуры и клавир. Да еще на японском языке.

– ***И надо было еще ответить на анкету, где выясняли, пьете вы или нет?***

– Ну им же важно было, чтобы автор вдруг, не дай бог, не запил. Ведь тогда он не успеет в срок. У них уже был назначен день премьеры, который предсказал астролог.

Меня Майя уговорила согласиться. Мне обещали дать музыканта-ассистента, владеющего русским и японским языками. И я рискнул поехать. И успел к сроку. Жил на берегу океана – в городе Шимода – с персональным поваром, все было организовано безукоризненно. Это было

интересное испытание для меня. Последний номер дописал накануне премьеры.

– *А почему японцы выбрали вас?*

– Они сказали: ваше имя назвал компьютер. Начинал писать японский композитор, но он не мог передать русский дух. Через компьютер задали кучу вопросов, он выдал мою фамилию. Спектакль шел больше ста раз в Токио, а затем в Осаке. Когда-то Лиознова намеревалась сделать по этому мюзиклу спектакль.

– *А у нас некуда повести детей, чтобы они увидели национальную сказку. В Большом шел ваш «Конек-Горбунок», но давно сняли.*

– «Конек» был поставлен два раза. Первый раз (это была моя дипломная работа) с Майей. Он шел долгие годы.

Потом поставил Николай Андросов. Там были замечательные декорации Мессерера, Волочкова танцевала премьеру. Это была, на мой взгляд, ее лучшая партия. Ей очень подходила роль Царь-девицы. Но балетный мир и пресса отнеслись отрицательно к этой постановке. Хотя музыку не ругали, она давно написана. Валерий Гергиев говорит, что хочет «Конька» поставить в Мариинском театре. Было бы замечательно!..

– *А как относитесь к экспериментам на сцене? Вишневская, возмущенная новой постановкой «Онегина» в Большом, даже пресс-конференцию собрала.*

– В данном случае я с этой оценкой Галины Павловны не соглашусь. Если бы она сейчас посмотрела, что вытворили в Мюнхене с тем же «Онегиным», волосы встали бы дыбом. Онегина и Ленского сделали педерастами. Их дуэль – в постели. Зритель негодует, пресса плохая. Или возьмем поставленную в том же Мюнхене «Пиковую даму». Лиза – проститутка, Германн – милиционер советский с портфелем в руках. Он ее раздевает одной рукой, второй держит портфель. В спектакле «Риголетто» действие происходит на Марсе, все герои – обезьяны. Тенор отказался петь. А у Юрия Темирканова был примечательный случай. Он прилетел ставить «Пиковую даму» в Лион. И отказался, когда увидел, что творится на сцене. Оплатил неустойку. И сказал: «Это был самый дорогой отпуск за всю мою жизнь».

– *Это что, такая мировая мода?*

– Мода. Хотя и в ней иногда бывают художественные открытия, интересные трактовки. «Борис Годунов» в Зальцбурге, «Леди Макбет» – яркая постановка в Амстердаме.

– *Люди ходят на это?*

– Ходят. Ведь такая модернизация не меняет ни одной ноты партитуры. Как правило, участвуют первоклассные певцы, замечательные хор, оркестр, дирижеры. Если вы – как Гомер – будете только слушать, то получите огромное удовольствие. Высочайший уровень исполнения. Но чем громче скандал, тем больше людей это интересует. Когда украли Мону Лизу, у пустой рамы стояли толпы.

– *В искусстве без скандала не обойтись? А у вас случилось в жизни такое?*

– Премьера «Кармен-сюиты» была скандалом. Когда ставили мою первую оперу «Не только любовь» в Большом, она с треском провалилась. Четыре следующих спектакля были заменены «Травиатой». И Евгений Светланов часто мне говорил: «Меня один раз в жизни освистали, это была премьера твоей оперы в Большом!»

– *Так зрителям не понравилась?*

– Константин Симонов, который был на премьеры, сказал: «Опера провалилась, потому что боялись секса». Что правда. Все репертуарные комиссии обрадовались, что это опера про колхозников. А в сюжете фрейдовский мотив – немолодая женщина полюбила 17-летнего паренька. Председательница колхоза в телогрейке – и вдруг в ней проснулась эта женская сексуальная тяга. Жажда материнства. В 1961 году для Большого театра то было абсолютным нонсенсом. Есть такой неприличный анекдот. (И с присущим ему мастерством Щедрин

начинает травить: на танцевальной площадке танцует пара. «Как вас зовут?» – «Наташа». – «А где учитесь, работаете?» – «Я окончила Московский университет». – «А какой факультет?» – «Филологии». – «А где вы живете?» – «Я живу: Ленинский проспект, 13, квартира б, шестой этаж». – «А почему вы так странно разговариваете?» – «Скулы светло, так е...ся хочу».) Опера была об этом.

В подмосковном лесу. 1962 г.

Режиссер Георгий Анисимов в ходе репетиций стал бояться этого конфликта. И сделал тенора такого же возраста, как героиня. В итоге пропало все – исчезла интрига. А там декорации делал Александр Тышлер. Единственная его работа в Большом. Дирижировал Евгений Светланов, пела Ирина Архипова.

– Многих композиторов советского времени до сих пор упрекают, что они писали музыку к датам.

– Я тоже написал «Ленин в сердце народном» в 1970 году. В 1968 году ввели войска в Чехословакию. И я отказался подписать письмо в поддержку этого. И «Голос Америки» каждый час говорил, что три представителя художественной интеллигенции отказались подписать: Твардовский, Симонов и Щедрин. С Майей в театре перестали здороваться.

В танцклассе Асафа Мессерера.

Надо было как-то выходить из положения. У власти всегда тысячи возможностей нас придушить. Андрей Вознесенский написал поэму «Лонжюмо». А тут как раз ленинский юбилей. Я взял документальный текст воспоминаний охранника Ленина, который оказался жив (из латышских стрелков по фамилии Бельмас). Я даже пригласил его на премьеру. Это его воспоминания в день смерти Ленина, когда он был на дежурстве в Горках. Это был мой компромисс для выхода из ситуации.

– И вас не терзают сомнения, что потратили свой талант на это?

– Мне не стыдно сегодня ни за одну ноту этого сочинения. Хотя сегодня я уже не буду писать о Ленине. Но в то время мы думали, что если бы Ленин остался жив, а не пришел бы тиран Сталин, то, может быть, все и по иному пути пошло. Идея была очень распространена. А музыкальные плюсы там, думаю, есть. Потому что я подружился после исполнения этого сочинения с Иегуди Менухиным. Ему музыка пришлось по душе. Она даже англичанами записана на компакт-диск. Дирижировал Рождественский, Зыкина пела бесподобно сказительницу Крюкову. Эйзен пел красногвардейца. Это было замечательное исполнение. Темирканов потом блестяще играл сочинение в Петербурге. Исполняли его и в Лондоне, и в

Париже, и в Берлине.

– ***А это правда, что там оперную партию Лев Лещенко пел?***

– Это было исполнение оратории во Владимире. После 6-летнего запрета. Люся Зыкина приехала, а вот Эйзен не смог. И вместо него действительно пел Лёва Лещенко. Он только появился. Мне его порекомендовали. А еще туда приехал Слава Ростропович. Он не слышал этого сочинения. Добирался на своем «Мерседесе». У него тогда уже жил Солженицын, так что его останавливали на каждом посту. Проверяли документы: куда едете? Он однообразно говорил: «Вперед!» Выпивка потом серьезная была. Лещенко смотрел на нас такими глазами. (*Щедрин тут же показывает .*)

– ***Шуман говорил, что музыканту нужны воздух и комплименты. А вам еще и муза по имени Майя?***

– Нам хватит одного воздуха и совместных комплиментов на двоих.

– ***А тяжелые периоды в жизни были?***

– У меня была очень сильная депрессия. Настоящая. Причина – усталость. Психолог Владимир Леви мне сильно помог. Я ему бесконечно признателен. Он меня просто поднял. Он мне сказал: «Лучшие свои сочинения вы еще напишете». А мне казалось, что я уже вообще ничего не могу написать. Это был 1979 год. Я до сих пор каждый день следую его советам.

– ***Например?***

– Я пришел домой и переоделся во все домашнее. Даже если мне через три минуты уходить. И потом опять надеваю партикулярное. Это помогает мне. Он меня вытащил из этой депрессии. Приходил каждый день. Абсолютно бесребрено.

Майя Плисецкая:

– Он пришел к нам домой: можно я схожу, посмотрю. И говорит: «Вот это уберите...» А это был портрет Стравинского, который он мне подарил. С дружественной подписью. В Голливуде.

– ***И вы убрали?***

Щедрин:

– Майя его отдала в Бахрушинский музей.

– ***В наступающем 2008 году у вас золотая свадьба?***

– 2 октября.

– ***Родион Константинович, а помните первое признание Майе Михайловне в своих чувствах?***

– Я просто помню, что я тогда написал музыку к фильму «Высота» и на гонорар купил себе «Победу». Даже номер помню – 74–44. Я ждал Майю у подъезда Большого театра, она меня пригласила на «Спартак». Мы уже были знакомы. Она выбежала в белой накидке, еще в гриме. Абсолютно ослепительная. Рыжеволосая, с огромными серо-зелеными глазами. Устоять было трудно.

Когда мы жили на даче в Снегирях, нам помогал по строительству некто Леша Леденев – славный русский парень. Он как выпивал хоть сто граммов, бил свою жену за то, что она отдалась ему в первый же вечер. Я Майю за это не бью.

Тут Плисецкая и Щедрин озорно засмеялись. И стало понятно, что они так же молоды и счастливы, как и много лет назад. Так же трепетно и восхищенно относятся друг к другу. Просто одно целое... Сама Плисецкая пишет в своей книге, что ее брат шутил: «Щедрину за Майю надо давать Героя Советского Союза!»

Им можно давно почивать на лаврах. А у них главный предмет – что в московской квартире, что в мюнхенской, что в литовском доме – открытый чемодан. И жажда жизни, жажда творить такая, что молодым остается только завидовать. Плисецкая не пропускает

ни одного концерта Щедрина. Сидит каждый раз не шелохнувшись, словно впервые слышит его музыку. У них даже есть свой ритуал. Как только смолкает оркестр, Майя Михайловна тут же взмахивает вверх своей лебединой рукой, давая мужу понять: музыка опять удалась!

14 декабря 2007 г.

Увидев Плисецкую, Щедрин не смог устоять.

Родион Щедрин порезал «Анну Каренину»

В эти декабрьские дни москвичи буквально осаждали Большой зал консерватории, где проходил музыкальный фестиваль, посвященный 75-летию композитора.

Каждый вечер в самом престижном музыкальном зале столицы выступали, сменяя друг друга, оркестры Михаила Плетнёва и Владимира Федосеева, король альты Юрий Башмет, самый популярный российский пианист Денис Мацуев, камерный хор Московской консерватории под управлением Бориса Тевлина... Из Германии специально прилетел известный виолончелист Давид Герингас. А открывал фестиваль хоровой оперой «Очарованный странник» (Лесков – любимый писатель Родиона Константиновича) Валерий Гергиев с оркестром и хором Мариинского театра...

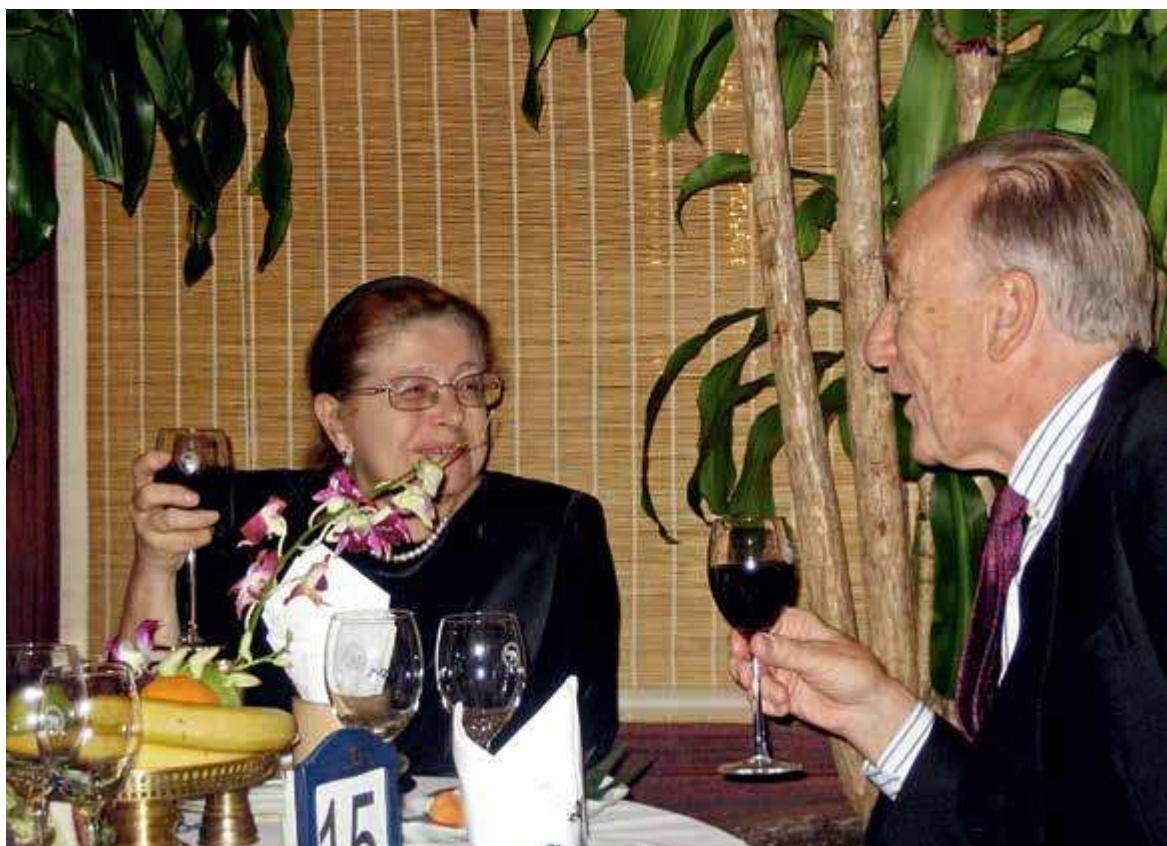
Вся музыкальная транскрипция точно, до ноты, была выписана шоколадом.

Разрезать съедобную музыкальную партитуру к балету «Анна Каренина» Щедрин взялся сам.

Слева направо: Андрис Лиепа, Михаил Плетнёв, главный виновник торжества Родион Щедрин и Майя Плисецкая.

Юбиляр с Ириной Шостакович – вдовой великого композитора.

Почти целую неделю музыкальная Москва пировала. Ведь какие бы произведения Родиона Щедрина ни звучали – хоровая опера «Боярыня Морозова», романтическая музыка к

балету «Анна Каренина», «Старинная музыка русских провинциальных цирков» или концерт для фортепьяно с оркестром, это всегда истинный музыкальный пир.

Неудивительно, что в зале сидело немало известных людей. И непривычно было видеть, к примеру, того же Владимира Спивакова не на сцене, а рукоплещущим в партере. Или наблюдать, как бессменный худрук «Ленкома» Марк Захаров в антракте, словно обычный фанат, прорывался то к Щедрину, то к Плисецкой за автографом. «Ты такая великая, что к тебе просто не пробиться!» – попенял по-дружески Марк Анатольевич, обнимая Майю Михайловну. Юбиляр, к которому в артистическую каждый раз после концерта выстраивались очереди поклонников, в конце концов не выдерживал и сам, спускаясь по лестнице, благодарил и расцеловывал почитателей.

Звездный выход на поклонны: Денис Мацуев, Владимир Федосеев, Родион Щедрин.

Свой юбилей Родион Щедрин отметил в московском ресторане тайской королевской кухни. У знаменитостей он, похоже, в чести: именно здесь праздновали Андрей Кончаловский, Андрис Лиэпа, Михаил Плетнёв. Кончаловский даже снимал здесь заключительные кадры последнего своего фильма «Глянец». Не любящие помпы и славословий Родион Щедрин и Майя Плисецкая собрали на праздничный ужин только самых близких и верных друзей. Вел вечер Андрис Лиэпа.

Пианист-виртуоз Денис Мацуев, исполняя джазовую импровизацию на щедринские «Не кочегары мы, не плотники...» (*песня из фильма «Высота»* . – Ред .), так разошелся, что казалось, рояль сейчас взлетит.

Один из гостей подарил юбиляру мобильник с последней модной фишкой – двумя сим-картами. И пошутил: чтобы композитор смог одновременно звонить в Питер и Гергиеву, и Темирканову! Так что теперь есть шанс, что он будет писать в два раза больше!

Очередь за автографами...

Марк Захаров: «Ты такая великая, что к тебе не пробиться!..» Знаменитому режиссеру так понравилась эта фотография, что он позвонил в редакцию с просьбой сделать для него такой

портрет – и повесил его дома.

Юбилейный ужин: целый вечер за роялем Денис Мацуев.

Майе Михайловне одной не справиться с юбилейными букетами.

Тайские кондитеры приготовили удивительный сюрприз – торт в виде партитуры к балету

«Анна Каренина», в котором царила Майя Плисецкая. Причем вся музыкальная транскрипция точно, до ноты, была выписана шоколадом. На это ушел не один час работы. «Майя! Ты только посмотри на это чудо!» – изумлялся юбиляр, когда официанты преподнесли вкусный подарок. Торт выглядел настолько правдоподобно, что кто-то едва не начал его «листать». Разрезать «Анну Каренину» взялся сам Щедрин. Ему дали огромный нож. И первый кусок торта он, естественно, вручил жене.

В один из моментов праздника в зал, где проходило торжество, заглянул незнакомец с аккордеоном – и сыграл в честь юбиляра. Вообще атмосфера была удивительно теплой, простой и веселой: любой гость ресторана мог поздравить самого известного композитора России.

Сейчас Родион Щедрин и Майя Плисецкая отправляются в Питер, где праздничные концерты продолжатся. Но и это не все: впереди юбилейные фестивали в Европе и Китае.

21 декабря 2007 г.

Майя Плисецкая: Мы люди не показушные – целуемся только дома

Казалось, цветы в этот вечер в Москве закончились. Сцена Малого зала столичной консерватории утопала в бесчисленных букетах. И в этом море цветов лебедиными взмахами рук блистала Плисецкая. Она танцевала свой знаменитый бежаровский номер «Аве Майя». Родион Щедрин специально к выступлению Майи Михайловны сделал переложение музыки для хора а капелла. Такой вот творческий подарок к их золотой свадьбе.

Это не первое посвящение Щедрина Майе Плисецкой. На партитурах балетов: «Анна Каренина» – «Майе Плисецкой, неизменно», «Чайка» – «Майе Плисецкой, всегда», «Дама с собачкой» – «Майе Плисецкой, вечно».

Всегда вместе – и в жизни, и на сцене.

Аплодисменты Майи Плисецкой самому любимому композитору.

Аплодисменты Щедрина – музе всей жизни.

Борис Мессерер и Белла Ахмадулина не могли не поздравить с золотой свадьбой.

Цветами просто засыпали.

Танец под музыку хора.

Александра Пахмутова и Николай Добронравов.

Андрис и Илзе Лиєпа.

Майя Плисецкая и Ульяна Лопаткина, прима-балерина Мариинского театра.

Прозвучало и музыкальное объяснение Щедрина в любви к Плисецкой – «Концертная сонатина» в исполнении изумительной пианистки Кати Мечетиной. В этот вечер блестяще выступали многие музыканты: Никита Борисоглебский, Денис Шаповалов, «Новый Русский квартет», солист «Геликон-Оперы» Михаил Давыдов. Родион Константинович сам виртуозно играл на фортепьяно, что делает очень редко.

«Я никогда не танцевала на фоне хора, под его звучание, – сказала Плисецкая «КП». – Это оказалось так красиво!» После выступления она каждому участнику Камерного хора Московской консерватории под управлением Бориса Тевлина подарила по букету и воздушному поцелую. А когда на сцену поднялся Родион Щедрин, Майя Михайловна бросилась в щедрые объятия любимого мужа. Зал стал скандировать: «Горько, горько!» Но юбиляры держались стойко...

«Мы люди не показушные – целуемся только дома! – призналась «КП» после концерта Майя Михайловна. – Меня часто спрашивают: в чем секрет семейного счастья? Тут одно – только любовь. Никаких рецептов не существует. И вообще давать советы в таких делах опасно».

– А вы помните первое признание в своих чувствах?

Майя Плисецкая:

– Это все было сразу. И навсегда. Без предисловия.

– Любовь на всю жизнь?

Щедрин улыбнулся:

– Притворяться 50 лет просто невозможно...

И потом добавил:

– Это, наверное, все-таки Божье предназначение, что мы вместе.

– Родион Константинович, неужели ни разу за 50 лет не поругались?

– Мы только повышали голос, когда на улице было холодно и я просил Майю укутаться потеплее, а она сопротивлялась – прическу испорчу, – смеется Щедрин.

После выступления Госконцерт, организатор праздника, устроил в честь Щедрина и

Плисецкой ужин в ресторанчике рядом с консерваторией. Домой золотые юбиляры вернулись уже под утро – как в юности.

4 октября 2008 г.

Родион Щедрин: Я готов лететь с Гергиевым хоть в стратосферу!

Худрук Мариинки подарил композитору в день рождения постановку «Очарованного странника».

Валерий Гергиев буквально влетел в гримерку, где после концерта Родион Щедрин принимал поздравления от поклонников и с «Очарованным странником», и с днем рождения.

– Идем, нас ждут, – позвал маэстро друга-композитора.

– С тобой я готов куда угодно, хоть в стратосферу лететь, – рассмеялся Щедрин. И оглянулся в поисках Майи Плисецкой: она в это время увлеченно разговаривала с актером Евгением Мироновым.

Премьера «Очарованного странника» в Москве. Щедрин и Гергиев с артистами.

Щедрин и Плисецкая прилетели в Москву из Мюнхена буквально на два вечера. В рамках музыкального фестиваля «Русская зима» Валерий Гергиев, чей рабочий график расписан, наверное, на десять лет вперед, сначала порадовал москвичей гала-концертом артистов Мариинки, а во вторник, 16 декабря, – оперой «Очарованный странник» Щедрина. Причем впервые представил ее театральную постановку. Как признался сам композитор, он не мог не быть в этот день в зале Московской филармонии. «Получить в день рождения Зал Чайковского, на сцене которого оркестр и артисты Мариинки во главе с Гергиевым, – это суперподарок! Я сам себе завидую!»

В прошлом сентябре Москва слушала «Очарованного странника», но только в концертном исполнении. На этот раз была премьера уже настоящего спектакля в постановке Алексея Степанюка и сценографии Александра Орлова. Сухие ковыли, в которых плутают герои этой драматической истории, – как запутанные лабиринты жизни. Они выводят то к радости, что оборачивается новыми испытаниями, то к трагическому выбору, за которым – духовный просвет...

«Обширная протекшая жизненность» русского человека, монастырского послушника Ивана Флягина тяжкими своими хитросплетениями не сломила, а просветлила его душу. А ведь горше татарского плена и солдатчины оказалась любовь – о ней-то, собственно, и опера.

Всепоглощающая страсть к цыганке Грушеньке, душевные метания, нежность и отчаяние – все это есть в музыке, очень «лесковской». Изумительно звучал хор: то почти фольклорно, то

тающе-прозрачно. Необыкновенно красив покоривший сердце героя романс Грушеньки – парафраз знаменитой цыганской «Не вечерней». Тут надо сказать, что молодая солистка Мариинки Кристина Капустинская и ее Грушенька – одна из главных удач спектакля. Валерий Гергиев славится тем, что, как никто, умеет зажигать новые музыкальные звезды, достаточно вспомнить Анну Нетребко. Похоже, в опере Щедрина взошла сверхновая.

Хороши были и народный артист России Сергей Алексашкин (Флягин), и лауреат международных конкурсов Андрей Попов (князь).

Зал был битком набит, и в каждом ряду именитые персоны: композиторы, артисты, бизнесмены, банкиры... Валом валили иностранцы. Как оказалось, вместе с Гергиевым в Москву из британской столицы, где худрук Мариинки возглавляет Лондонский симфонический оркестр, прилетели многие его английские друзья.

Сам Щедрин с Плисецкой сидели в зале вместе с министром культуры Александром Авдеевым и его женой, с которыми при встрече просто расцеловались. Они не раз встречались в Париже, когда Авдеев был послом России во Франции.

Организаторы фестиваля дали в честь Гергиева и Щедрина банкет. Но чтобы друзья-англичане по-настоящему почувствовали Россию, Щедрин и Гергиев повезли их в русский ресторан – конечно же, на Красной площади. Национальная кухня восхитила всех. Как признался Щедрин, он съел десерт не только за себя, но и за Плисецкую. Имениннику можно!

18 декабря 2008 г.

Майя Плисецкая: Больше всего люблю обычный хлеб с маслом!

У Майи Плисецкой – день рождения. Накануне пришло известие из Рима: знаменитая балерина награждена престижной премией в области культуры, учрежденной президентом Италии. Но телефонный разговор начался вовсе не с поздравлений.

– Майя Михайловна, вы заядлая болельщица. Смотрели, как наши футболисты играли в Словении?

– А как же! Вместе с Родионом Константиновичем переживали за наших ребят. Они, к сожалению, играли не совсем здорово. Хотя известно, что русских судьи всегда засуживают. Вот и Жирков, по-моему, зря получил желтую карточку. Наши футболисты должны были вдвойне лучше играть. И забивать, и забивать голы.

– Сидели и смотрели, наверное, в каком-нибудь любимом мюнхенском пивном баре?

– Нет, на этот раз дома. Но мы действительно любим с Родионом Константиновичем посидеть в пивбаре.

– Пиво в честь дня рождения попробуете?

– Я его не пробую, а хорошо пью! (*Заразительно смеется.*)

– А с чего ваш день обычно начинается?

– Один день не похож на другой. Но когда утром просыпаешься и видишь солнце, то просто душа радуется. В Мюнхене сейчас очень тепло. И солнце постоянно. Так что меня мой месяц радует.

– А вот наши синоптики на днях объявили, что нынешний ноябрь в Москве самый пасмурный за 120 лет.

– Это очень тяжело переносить.

– Майя Михайловна, по Москве не тоскуете?

– Конечно же – я выросла в Москве, очень ее люблю. Но пока здесь, в Мюнхене, больше работы. Прежде всего – у Щедрина: Валерий Гергиев играет сейчас много его произведений. Только что сделали спектакль «Мертвые души». А Денис Мацуев записал 5-й концерт Щедрина.

– *Вы по-прежнему немало ездите и летаете – как вам удается существовать в таком ритме?*

– Если ничего не делать, просто лежать на диване, то не будет никакой формы. Человек «разъезжается» по сторонам, обленивается.

– *Но хотя бы сейчас вы позволяете себе есть все, что хочется? Те же пирожные...*

– Я пирожные, к счастью, не люблю. Я больше пиво с сосисками. Это, наверное, с детства. Мы ходили в театр через магазин Мосторга и там всегда покупали томатный сок с солью, сосиски. А вообще – люди не придумали ничего вкуснее, чем обычный хлеб с маслом.

– *Недаром во многих европейских ресторанах перед едой подают хлеб с маслом, порой еще теплый.*

– Они знают свое дело!

– *Но диетологи говорят, что хлеба надо есть поменьше, если хочешь похудеть.*

– Это больше в теории. А в жизни можно все, но понемногу.

– *Я слышал, в Москве скоро у вас выходит новая книга.*

– На самом деле это две предыдущие книги соединены в одной. Но я написала новое предисловие и послесловие, даже постскрипtum. Многие фотографии заменили. Так что, наверное, приеду на ее презентацию в Москву.

Кстати, здесь, в Германии, выпустили диск с балетом «Чайка»: там мы с Родионом Константиновичем рассказываем о спектакле, сидя как раз в чеховском доме в Москве. А еще немцы переиздали мою книгу «Тринадцать лет спустя», правда, с другим названием – «Сохраняя самообладание»...

– *По-моему, они попали в точку. А были случаи, когда вам с трудом удавалось сохранять самообладание?*

– Много раз. Но я все-таки преодолевала. Необходимо было. Иначе бы заклевали.

– *Майя Михайловна! С днем рождения! Поздравляем и от имени вашей давней поклонницы – «Комсомолки», и от наших многочисленных читателей, которые вас по-прежнему любят.*

– Спасибо. Это просто бальзам на сердце.

20 ноября 2009 г.

«Итак, Равель, танцуем болеро!»²

Казалось бы, Морис Равель сделал все, чтобы «Болеро» не то что в шедевры – даже просто в известные музыкальные опусы не попало.

Ну, во-первых, написано для балерины-любительницы Иды Рубинштейн – особы, не сильно блиставшей на сцене, хотя, конечно, скандально известной в Париже начала прошлого века. Ее портрет даже написал Валентин Серов, и висит он у нас в Русском музее. При этом композитор так спешил, что без конца повторял свою арабо-испанскую мелодию, изменяя в ней лишь оркестровый ритм.

² Николай Заболоцкий «Болеро».

А, во-вторых, разве могут впечатления от грохота молотов, шума приводных ремней и лязга металла способствовать рождению шедевра?! Но биографы уверяют, что именно индустриальный пейзаж возле дома Равеля под Парижем и вдохновил композитора. Он говорил без стеснения: «Этот завод – из «Болеро», – и даже требовал от художников-декораторов изобразить его при постановке. Но разве, слушая завораживающую музыку, можно думать о заводском конвейере?! У виска покрутят окружающие: мол, спятил, милый! Не сдюжил волшебной силы искусства.

Когда пьесу начали широко исполнять, Равель, говорят, всячески ставил палки в колеса: дескать, играете не так, как я задумал. И раз так довел знаменитого дирижера Тосканини (который играл с заметным ускорением ритма), что тот с присущим итальянцам темпераментом заявил композитору: «Вы ничего не понимаете в вашей музыке! Это единственный способ заставить ее слушать!»

Между тем Равель и не претендовал на популярность: говорил, что «Болеро» вряд ли его переживет. И выходит, жестоко ошибался. Да, многие испанцы не сильно жалуют пьесу, считая, что она ничего общего не имеет с местным народным танцем – болеро. Но вот вам реальность – однажды в Париже я с друзьями попал в испанский ресторан, который держат баски: там, несмотря на поздний час, нас просто укормили вкусной национальной едой. Стоял испанистый говор таких же, как мы, запоздалых гостей, звучали смех и музыка. И все вокруг было так пропитано испанским духом, во славу которого и было написано «Болеро», что казалось, сейчас сдвинут столы, в центр вспрыгнет танцовщица и начнет свой «священный

танец боя»... И лишь потом я узнаю, что мать Равеля – не просто испанка, а родом из провинции басков. И прочту свидетельство очевидца премьеры «Болеро» в Париже.

«...Слабо освещенная комната в испанской таверне, вдоль стен, в темноте, за столами беседуют гуляки; посреди комнаты большой стол, на нем танцовщица начинает танец... Они начинают прислушиваться, оживляются. Их все больше захватывает наваждение ритма; они поднимаются со своих мест, приближаются к столу; необычайно возбужденные, окружают танцовщицу...»

В «Болеро» всепоглощающий ритм сплетается в водовороте с такой чувственной, страстной мелодией, напряжение нарастает с такой мощью, что дело кончается звуковой красочной оргией, победным воплем оркестра... Может, именно это и сделало обманчиво простую симфоническую пьесу шлягером на все времена.

«...Это было невообразимо хорошо. Я сошла с ума. Бредила. «Болеро» должно стать моим. Пускай я не первая. Я стану первой. Это мой балет. Мой!..»

Так спустя многие годы писала другая балерина, великая Майя Плисецкая, в своей книге о том, как впервые увидела бежаровский балет «Болеро». И не успокоилась, пока сама не станцевала – с триумфом! «Болеро» и «Кармен» стали визитной карточкой примы. Она до сих пор на своих юбилеях выходит на сцену под эту завораживающую музыку.

...Поэтому мой вам совет, очень простой: когда ежедневная будничная суэта, казалось бы, замордует окончательно, наливаешь бокал хорошего испанского вина – непременно густого, темно-красного – и ставишь равелевский диск с «Болеро». И сразу чувствуешь себя хоть чуть-чуть гулякой на этом празднике жизни. А это уже немало.

Февраль 2009 г.

Майя Плисецкая: Щедрин дарил мне не бриллианты, а балеты!

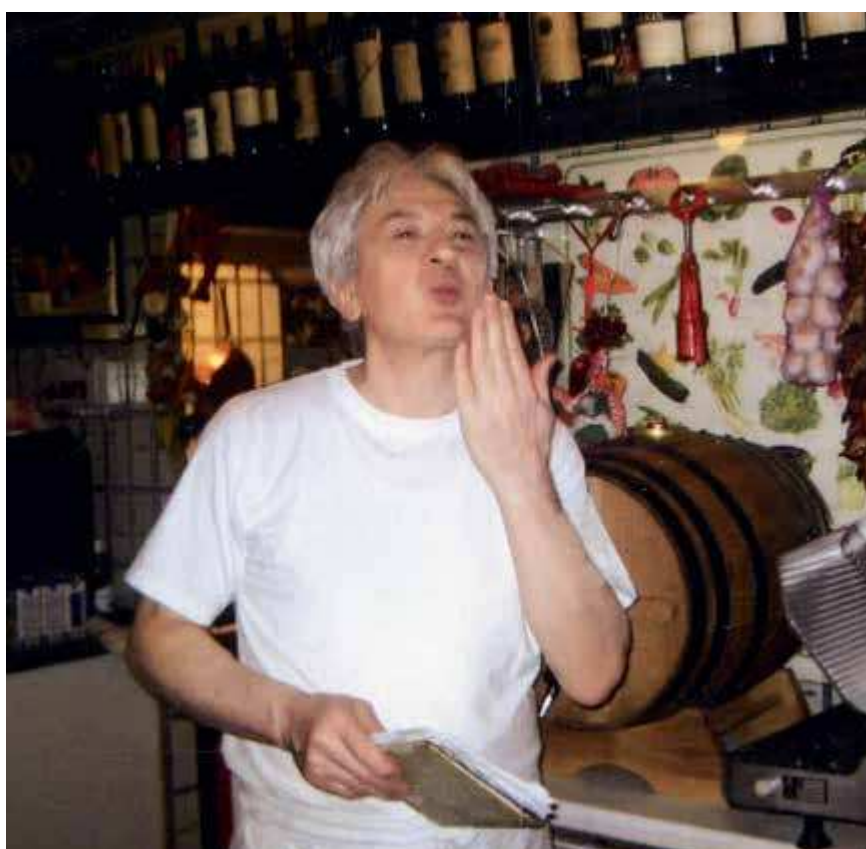
Корреспондент «КП» побывал в гостях у великой балерины и ее мужа, композитора Родиона Щедрина, в Мюнхене накануне ее 85-летнего юбилея.

Вылетая в Мюнхен, я захватил буханку бородинского и банку селедки, так любимой Майей Михайловной (она называет ее величаво – селёда). Знал, лучшего московского гостинца для Плисецкой нет. И действительно, селедку она тут же загорелась открывать. Но Родион Константинович посмотрел на жену с ласковой укоризной: мы же на концерт сейчас идем. Тогда Майя Михайловна отрезала широкий ломоть пахнущего кориандром бородинского. И тут же с удовольствием стала разглядывать номер «Комсомолки» с отрывком из последней своей книги. Конечно, можно посмотреть и в интернете, но все же приятнее держать в руках газету, которую Плисецкая, по ее словам, очень уважает. Они с Щедриным специально ездят на мюнхенский вокзал, где в киоске покупают дайджест «КП».

Выпив кофе с бородинским хлебом, мы отправились в «Принц-регентен театр» – там Мюнхенский камерный оркестр отмечал свой юбилей. Когда подъехали, Майя Михайловна кивнула на здание театра: «Здесь я танцевала свою последнюю «Айседору». И так ностальгически вздохнула, словно готова была хоть сейчас взлететь на сцену...

Мы с удовольствием пропустили по бокальчику пива.

Шеф-повар любимого ресторанчика Плисецкой Илия шлет дорогим гостям воздушные поцелуи.

Олли Мустонен самый красивый букет, полученный от зрителей, тут же вручил Майе Михайловне.

Щедрин с Плисецкой скромно встали туда, где выдавали конверты с приглашениями. Гвоздем юбилейного концерта было выступление финского пианиста и композитора Олли Мустонена, который дружен с Щедриным. Холодный финн играл так по-русски разудало, что казалось, рояль не выдержит напора. А в гримерке, куда Плисецкая с Щедриным заглянули, Мустонен подарил Майе Михайловне самый свой шикарный букет.

Назавтра мы отправились в пивную: где ж еще посидеть в столице Баварии? «Нет большего знатока ресторанов в округе, чем Маюша, – а их тут больше двадцати. Наверное, новая книга будет как раз о ресторанах», – улыбнулся Родион Константинович. Любимым у Майи Михайловны оказалось заведение рядом с домом, которое держит сербское семейство. Едва мы вошли, расплывшийся в улыбке хозяин и шеф-повар Илия послал Плисецкой воздушный поцелуй. Блюда выбирали недолго: ravioli со шпинатом для Майи Михайловны, спагетти для Щедрина, супчик минестроне для всех. Щедрин нашу с Майей Михайловной пивную компанию не поддержал и заказал рюмку граппы. Вот такой получился мюнхенский обед с итальянскими блюдами в сербском ресторанчике.

– А сами вы, Майя Михайловна, готовите? – не удержался я от провокационного вопроса.

– Когда надо, приготовлю. Щедрину нравится. Я с удовольствием готовлю, но никаких изысков. Главное – вкусно, вот и хорошо.

– Я ей каждый раз говорю – наготовила как на маланьину свадьбу, – смеется Щедрин.

– Майя Михайловна, в одной из своих книг вы писали, что у вас всегда был просто зверский аппетит.

– Так оно и есть!

– А как же диеты?!

– А я их не соблюдала! – гордо говорит Плисецкая, с удовольствием уплетая ravioli. И чтобы добить окончательно, добавляет: «Я ела всегда много. И вес мой был чуть-чуть больше, чем нужно. Бывали периоды, когда я худела, но неумышленно – просто из-за репетиций не

успевала поесть». И неожиданно по-домашнему предлагает: «Вкусно как – попробуйте-ка мои равиоли!» От такого приглашения невозможно отказаться.

– А вы наверняка слышали эту смешную историю с Волочковой, когда ее из Большого попросили: дескать, партнер не может Анастасию поднять. Действительно у артистов балета есть такая проблема?

– Смотря какой балет, какой партнер – конечно, бывает и трудно.

– Стандарты меняются. Вас, по-моему, считали высокой балериной?

– Да, для того времени. Я была ростом 165 сантиметров. А сейчас балерины 185. Раньше не принимали высоких, теперь не принимают маленьких. Это мода такая.

– А ваши партнеры не жаловались?

– Первое время жаловался Коля Фадеечев. Я похудела, когда уже стала танцевать без него. Он говорил с некоторой обидой: вот теперь ты худая, а со мной... Когда, допустим, готовили «Даму с собачкой», репетировали круглые сутки, вот я и худела...

Родион Константинович и Мустонен обнялись по-дружески, Олли не раз играл произведения Щедрина.

Заходит разговор о последних московских новостях. Рассказываю о громких публикациях «Комсомолки»: про то, как мошенники захватили квартиру балерины Лепешинской, когда ее не стало. Про детективную историю с исчезнувшими бриллиантами Людмилы Зыкиной.

– И это случилось с Люсей, которая мне говорила: «С собой не возьмешь, и за тобой не понесут!» Она в своей книжке написала, что я, когда приехала из-за границы, открыла чемодан и сказала: бери что хочешь. А там отрезки ткани были – потому что платья-то я не могла ей дать...

Было видно, что тема драгоценностей Майю Михайловну как-то не зацепила. Как сказала сама Плисецкая – были сережки с бриллиантами, но одни потеряла, другие подарила...

Тут Илия подходит узнать, понравилось ли угощение: ради таких гостей он сам встал к плите. «Зер гут!» – восклицает Майя Михайловна. И вдруг сквозь ресторанный гул начинает нарастать музыка. Это же «Кармен»! Илия довольно улыбается – его сюрприз удался.

Здесь, в мюнхенском ресторанчике, и состоялась «Беседка «КП» с прославленной балериной.

А вот поход на футбол, куда мы собирались в эти мюнхенские дни, сорвался; хотя, как признался Щедрин, и билеты были, и знакомые звали – но не срослось. Майя Михайловна была

явно разочарована и несколько раз, с надеждой глядя на Родиона Константиновича, вздыхала: «Может, еще получится?» Плисецкая с Щедриным в Мюнхене ходят на футбол, как на работу. И так сыпят именами футболистов – и немецких, и наших, – что впору работать в «Советском спорте».

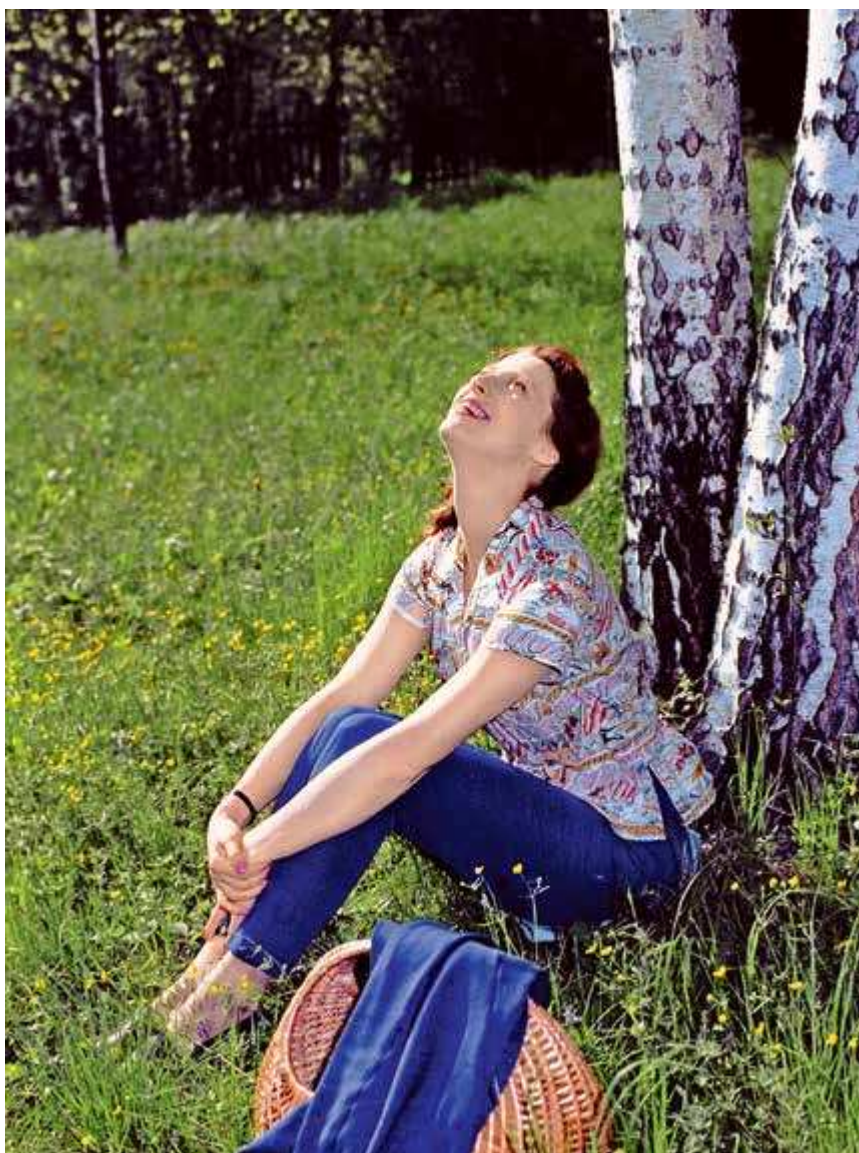
«Я намного проще и обычнее...»

– *Перед нашей встречей вы сказали по телефону: я наслаждаюсь жизнью сейчас, хотя и не танцую.*

– Это правда. Я не должна напрягаться, моя лень отдыхает. Я могу жить жизнью музыки, которая для меня свет в окошке – Щедрин и его музыка.

– *А каково это – находиться в тени своего мужа? В книге вы пишете, что Щедрин сначала был в тени вашего шумного успеха. А теперь вы как бы ролями поменялись.*

– Именно поменялись. У Щедрина сейчас столько премьер, и старые сочинения в новом исполнении, и балеты, симфонии, оперы! Вы знаете, ради этого стоит жить. Как исполнительницы меня уже нет: если что-то есть после меня на пленках – это все, что осталось. Я уже исправить ничего не могу. Я смотрю иногда: ой, всё не так! А знаете как говорят: плохо сняться – все равно что плюнуть в вечность. Потому что это остается, тут уж ничего не докажешь.

Молодость, лето, свобода, счастье...

Знаете, я даже по фотографиям вижу, способный человек или не очень. Это называется «чувство позы» – то, что не вырабатывается, то, что от природы. Артистичность. Сейчас говорят, что в прошлом были балерины. Сегодня бы они не смотрелись.

– **Вы думаете?**

– Уверена.

– **Талант не тускнеет со временем...**

– Если они ушли, значит, таланта не было. Осталась Анна Павлова: не бог весть какая техника – остался в памяти талант. Осталась о ней легенда.

– **У вас традиция – Родион Константинович к каждому вашему юбилею дарит свою музыку. Вы рассказывали, как однажды, целуя вас, сказал: вот это – музыкальный подарок, не бриллианты же дарить!**

– Было такое.

– **Что, так ни разу бриллианты и не подарил?**

– Зачем? Однажды я сказала Славе Ростроповичу, что Родион подарил мне «Даму с собачкой». Он говорит: статуэтку? Я говорю: нет, балет! А он такого никому подарить не мог.

– **Это счастье, наверное?**

– Еще бы! Самое великое счастье, которое только может быть.

– **А вы никогда не ревновали Родиона Константиновича?**

– Не давал повода.

– **Однажды вы рванули к Щедрину из Праги, где были на гастролях, прямо в Карелию...**

– Это первые месяцы нашей совместной жизни. Я приехала к нему в Сортавалу. Мы жили в маленьком домике, без удобств вообще. Там, кроме комаров, никого не было. Вокруг домика лоси бродили. Счастливым был месяц, очень.

– **Счастье той поры и нынешнее – оно разное?**

– Конечно. Разное время, мы другие. Жизнь прожита, и очень непростая.

– **Как важно не растерять это счастье, подковать судьбу...**

– Это уметь нельзя. Это или есть, или нет. Как талант. Когда спрашивают, как, что, почему, – полная ерунда. Если бы люди жили по рекомендациям, может быть, жизнь была бы другая.

– **Однажды жена режиссера Юткевича вам сказала: «Как ты можешь лечь в постель с человеком, у которого в голове всегда музыка?» И правда, как удается жить с таким человеком?**

– Отвечу, как и тогда, – хорошо жить с таким человеком. Просто прелесть. Он совершенно не эгоист. У него мысли о том, как бы мне было удобно, именно мне. И как удобно и хорошо было бы для музыки. Он поглощен музыкой, он создает музыку. Знаете, не просто так лучшие дирижеры его исполняют. Но меня поражали больше звукорежиссеры, которые говорили Щедрину: сразу видно, что вы на виолончели (на трубе, скрипке...) играли, видно по тому, как вы написали. А он в руки эти инструменты не брал! Когда у человека в голове оркестр в сто человек и каждому он пишет правильно его партию – это для меня загадка неразрешимая.

– **Вы признавались, что во времена СССР не уехали за границу из-за Щедрина. А если бы он решился?**

– Он бы не уехал. Он до мозга костей русский человек, внук священника. Ему больно,

когда России больно. Ему больно, когда ругают Россию. Это его плоть, кровь. Он на тысячу процентов из ста возможных русский человек. Вы посмотрите на его произведения: может, единственная тема не русская – «Кармен-сюита». А остальные? Балеты «Чайка», «Анна Каренина», «Дама с собачкой». Великие писатели – Чехов, Толстой. Великий Гоголь – это симфония «Мертвые души». Русские мотивы на русские темы. Балет «Озорные частушки». «Очарованный странник» – гениальная опера. А «Боярыня Морозова» – куда уж более русское?!

– *Но многие считают, что вы давно покинули Россию...*

– Мы – граждане России, у нас российские паспорта. А в Мюнхене у Родиона Константиновича договор со всемирно известным издательством «Шотт». Поэтому мы здесь. Здесь изданы все произведения Щедрина. И главное – исполняются. Это тоже великое дело. Исполняют самые лучшие музыканты, лучшие дирижеры, лучшие оркестры, лучшие солисты поют. А если бы мы жили на авторские гонорары в Москве, мы были бы нищие. Здесь же с авторским правом все нормально, платят по-немецки аккуратно.

– *За 19 лет у вас так и не появилось своего дома в Мюнхене?*

– Вы же видели, мы снимаем квартиру. Это, как в старину говорили, меблированные комнаты. Нас это устраивает. Есть женщина, которая в нашем доме моет лестницу: заодно один раз в неделю убирает у нас. Продукты покупаем сами.

– *И так живет великая балерина?*

– Я не нахожу радости в том, чтобы шиковать. Я нахожу в этом заботы. Если иметь дом, его же надо убирать, содержать. Караул! А так, как в гостинице, – мне удобно. Я знала известных людей, которые всю жизнь так жили. Например, Набоков. Давид Бурлюк со своей женой Марусей. Деньги у них были, могли платить. И я не считаю, что они неправы. Достаточно других забот.

С Мариной Влади.

В жизни я намного проще и обычнее, чем люди думают. Я не считаю, что я золото.

Совсем нет. Какая есть... Хотите – любите, хотите – нет. Я не настаиваю ни на чем.

- *Это главное для вас?*
- Вы думаете, это главное?

- *Главное – не диктовать и не навязывать себя.*
- Да, ни в коем случае.

- *Хотя такая возможность у вас всегда была...*

– Нет. Нет. И нет. У всех свои вкусы. По-старому говорили: кому нравится поп, кому попадья, кому попова дочка. Можно предлагать: такого вида платья, такого вида искусство, такого вида танец... Предлагать! Но не настаивать. И не убеждать, что это единственно хорошо.

Анна Павлова

– *А это правда, что многие документы, памятные вещи вы отдали в архив в Берлине, а не в Москве?*

– Я разделила архив. В Москве, наверное, даже больше. Я подумала: где-то что-то погибнет, а где-то останется. Пускай будет и тут, и там. В Москве до сих пор не разобрали. А в Берлине была роскошная выставка год назад. У меня дома почти ничего нет. Костюмы я отдала в музеи. Больше всего – в Бахрушинский. То, что принадлежало театру, – в театре, потому что в этом танцевали потом другие балерины. В моих костюмах им почему-то было удобно. Костюмы от Кардена в Питере: в Русском музее, в Театральном.

- *У вас была большая коллекция подаренных лебедей...*

– Всё в Москве, в музее. Можете посмотреть. Они все были разные. Из фарфора, из хрусталя. Знаете, даже свечи были (конечно, я их не зажигала). А однажды лебедь был сделан из лепестков роз. Это мне подарил Саша Годунов. На гастролях в Америке. Я просто ахнула. Свежие были, пахли! Я прихожу – стоит лебедь. Я не знала, от кого, он даже не написал записки. Но мне сказали.

- *А что же он сам не вручил?*

– Он так решил.

– *В вашей новой книге много редких фотографий. Вот, к примеру, за кулисами рядом с вами Матроянни.*

– Это в Большом театре. Он был в Москве на спектакле. Зашел за кулисы с переводчиком, когда закончилась «Дама с собачкой». И сказал: «Вы счастливая, у вас есть еще и тело». Потому что у них только слова.

- *Еще одна редкая фотография, где вы примеряете пачку Анны Павловой.*

– Мы всегда были уверены, что у нее на костюме лебедея красный драгоценный камень: кровь, она умирает. Когда я взяла в руки эту пачку, смотрю, он синий. Синий камень. Это бакстовский костюм. И вот вам объективный взгляд: в Петербурге есть театральное кафе, где висят старые афиши, фото, костюмы. Когда я туда пришла в первый раз, я рассматривала множество этих фотографий и только возле одной невольно задержалась надолго – что-то потрясающее, какая поза, какая красота. Артистичность, выразительность – то, что Бог дает. Кто это? Смотрю ближе – Анна Павлова.

Большой и конюшни

– *В Москве с опаской ждут, когда откроют старую сцену Большого. Не уйдет из театра после реконструкции то, что создавало его магию?*

- Очень боюсь, что так случится. В разговорах о ремонте Большого я услышала слово

«бетон». Это самое страшное, что может быть для акустики. Ведь в старом театре было специальное дерево, даже опилки специальные. Взяли и выбросили. А это как раз то, что нужно. Когда разбирали партер, увидели, что там все «подполье» сделано в виде скрипки. Наверное, тоже не случайно. Ложи были сделаны из дерева, которое раньше хранилось в конюшне. Это давало акустику.

– *Мы всегда умеем разрушать, а потом с подвигами восстанавливать...*

– Это наше – не ценить, что было сделано до.

– *Вы как-то назвали сцену своим врагом...*

– Врагом она не была. Но ее надо было опасаться. Занозы могли быть, колдобины. Однажды я упала, поскользнувшись на вот такой длины гвозде: прибывали декорации. Сейчас можно не смотреть под ноги. Сцена такая ровная, можно хоть на заду вертеться, делать какие-то трюки, которые были нереальны. Теперь везде специальный линолеум, а не доски. Для хореографов простор: делай что хочешь.

– *Возможностей море, а ярких имен катастрофически мало.*

– Я бы не сказала, что это так. Сейчас танцуют лучше. У нас черт знает какая форма была у балерин. Маленькие коряги, каракатицы. А сейчас девочки, как модели. Партнеры тоже были невысокие – сейчас много высоких, стройных. Мужской танец вырос неслыханно.

Плисецкая на приеме в московском Доме актера. Слева направо: народный артист СССР Сергей Образцов, народная артистка РСФСР Фаина Раневская, первый англичанин, сыгравший Гамлета в СССР, Пол Скофилд и заслуженный деятель искусств РСФСР Павел Марков.

Как сейчас танцуют мужчины, никогда в жизни так не танцевали. Сначала мужчина был просто подпоркой для поддержек. Дальше начали танцевать. Потом начался виртуозный танец. Сейчас он за пределом. Когда я начинала, не было такого даже близко. Сейчас премьеры прошлых лет не годятся даже в кордебалет. Очень легко проверить: слава богу, есть пленки, которые упрямая вещь.

– *Но как же Годунов, Лиена, Васильев?*

– Это уже позже. До Васильева был другой мужской танец.

– *А Нуриев?*

– Его влияние на всемирный балет огромно. Он был действительно изумительным. Другое дело, его давно уже перетанцевали: сегодня он бы не произвел такого фурора. Но он был первым.

– *Сейчас, кстати, есть молодой Васильев...*

– Замечательный мальчик Иван Васильев. Феноменальные техника и прыжок. Так виртуозно танцевал только его учитель Юрий Владимиров, который, увы, не стал знаменитостью. Сейчас таких много, то есть как Иван Васильев – немного. Но рядом – много. В Петербурге, Москве, в Париже в Гранд-опера. Санкт-Петербург и Москва сейчас первые в мире.

– *Мы по-прежнему в балете впереди планеты всей?*

– Похоже на то.

– *А что питает? Это какая-то особая среда, школа?*

– Нельзя определить. Может, это национальное? Не только в России, но и на Украине такие способные танцовщики и танцовщицы. Я специально не задумывалась – беру кто мне нравится, а потом выясняется, что они или русские, или украинцы.

«Я умру – «Кармен» никогда»

– *А чья «Кармен» за последние годы вам ближе всего?*

– Она не только не устарела с 1967 года, она сейчас лучше. Мне позвонила Диана Вишнева. Она станцевала Кармен только что. И говорит: боже мой, совершенно новый спектакль. Мне Фурцева (советский министр культуры. – *Ред.*) сорок лет назад сказала: «Кармен умрет». Я ей ответила: «Кармен умрет тогда, когда умру я». Сейчас я уже могу сказать: «Я умру, но Кармен – нет». Это больше, чем я думала.

– *Сейчас трудно поверить, но Фурцева обвиняла вашу Кармен в чрезмерной сексуальности.*

– Когда меня Светлана Захарова спросила, что тут такого ужасно сексуального, я ответила: не знаю. Не так тогда понимали слово «секс». Есть вещи, которые не поддаются объяснению. Это или есть, или нет. В дуэте с Хосе я должна была сесть на шпагат...

– *Вы до конца не исполнили задуманное?*

– Сверху опускали занавеску и выключали свет! На это нельзя было смотреть! А когда я танцевала в фильме-балете «Фантазия» (по «Вешним водам» Тургенева)... Сейчас, кстати, выходит документальный фильм, где будет фрагмент из «Фантазии». Так вот, на телевидение пришло 2 тысячи гневных писем – это порнография! Я очень рада, что фильм выходит, чтобы сегодняшние люди на это посмотрели. Когда я вижу сейчас голых, таких, сяких на сцене, я радуюсь и потираю руки: вот вам, ешьте! Нам-то ничего не разрешали! Ведь получалось, что коммунисты в шубах делали своих детей...

– *Об одной из современных Кармен вы сказали: «Все хорошо, замечательно. Но балерина не понимает, что она танцует».*

– Это относится ко многим. Даже не то, что она танцует, а зачем она на сцене. Это так индивидуально, что я не уверена, что это можно внушить, рассказать, заставить... Это человек должен сам. Это как артистичность, музыкальность, способность танцевать музыку. Я столько раз говорила, но меня не слышат.

Как-то сказала Ратманскому: «Какое счастье, сейчас у балерин есть видео! Они могут увидеть себя, могут исправить. Я вот себя не видела, потом смотрела: боже мой! Я бы все сделала не так!» Он спокойно так смотрит и говорит: «Да что вы! Они на себя смотрят с восторгом!»

– *Жаль, Ратманский сейчас уехал в Америку.*

– Увы!

«Лебедь»-пессимист в Кремле

– *В советское время Большой был на 99 % партийный. Только три примы не являлись членами КПСС – Семёнова, Уланова, Плисецкая. Как вам удалось?*

– Вот удалось. Иногда намекали. Но я делала вид, что полная дура, не понимаю, о чем речь. Я знала – костюми лягу, но никаких партий! Все ведали, что я не очень подчиняюсь. Таких либо уничтожали, либо махали рукой. Я была нужна: хвалились, когда кто-то из лидеров стран приезжал. Так бы они не церемонились.

– *А правда, что на кремлевских концертах вам запрещали танцевать «Умиряющего лебедя» в финале?*

– Все артисты просили, чтобы я была последней: после меня выходить было непросто. Всегда бис. Поэтому я танцевала в конце. Но на ответственных концертах танцевала пятой или шестой при девяти номерах. Потому что упадничество. Нельзя было заканчивать такой концерт на пессимистической ноте. Идиотизм советской власти предела не имел. Мы даже в балете танцевали только оптимизм. Побеждали злого гения. Нельзя, чтобы Лебедь умер...

– *Что вам ближе – Лебедь или Кармен?*

– Мне нравятся разные роли. То, что не нравилось или просто чувствовала, что это не мое, – не делала. Я с полной самоотдачей относилась к своим ролям. Делала до конца, как считала нужным, что Кармен, что Лебедь, что Анну Каренину, что Китри. Я не любила роли, которые называются «инженю», где нужна детскость: «Тщетная предосторожность», «Коппелия». Это другое амплуа. Кстати, один человек мне говорил: «Так всю жизнь и не могу уяснить, когда надо говорить «инженю», а когда – «неглиже»...

– *Бывает разрыв между желаемым и действительным. У вас он случался?*

– Я не танцевала такие балеты. «Жизель» не танцевала: она – девочка. Другое дело Джульетта – совсем другая девочка, итальянка! Она уже смолоду не «девочка», не инженерю. Человек чувствует роль или нет: я вот не чувствовала, что я кукла в «Коппелии». Делать вид, что ты – такая, не годится, надо быть такой. А я не уверена, что была бы такой вот куклой... Я не считаю, что у меня есть определенное амплуа. Просто никогда не переносила фальши.

– *Это счастье – делать то, что хочешь?*

– Первую половину своей жизни я делала то, что есть. Мы не выбирали, что мы хотим, нам не разрешали. Не приглашали никогда хореографов со стороны, тем более из-за границы.

– *А как же, допустим, Ролан Пети?*

– Ролан Пети – друг поэта Арагона, чуть не самого главного коммуниста Франции. Только поэтому разрешили.

– *Свой английский вы называете варварским. Как же вы общались?*

– У меня всегда были переводчики. Я, к примеру, обнималась-целовалась при встрече с

Софи Лорен, которую совершенно обожаю. Она так хотела со мной поговорить, но под рукой не оказалось переводчика.

– *А как же с Кеннеди общались?*

– Только с переводчиком.

– *В таких разговорах немножко не хватает душевности...*

– Это не немножко, это совсем ужасно.

– *А правда ли, что после вашей встречи Кеннеди еще долго присылал вам цветы?*

– Я в книге написала все, что было. Придумывать неохота.

– *А, может, стоило выучить язык?*

– Если бы не лень-матушка...

– *Лень? Но труд балерины не самый легкий.*

– Люди немножко преувеличивают, говоря, что это нечеловеческий труд. Делать хорошо все трудно! В любой профессии. Циркачи еще и жизнью рискуют. Преклоняюсь перед цирком. И перед спортом. Для балета, знаете, важен еще хореограф: подходит его стиль вашим ногам или нет. И только для спорта играет роль сам человек. Адский труд – это спорт и цирк.

К спортсменам – особое отношение. Автограф Вячеславу Фетисову.

– *Уважаете то, что трудно?*

– Я уважаю только то, что трудно. Что легко – все могут. Тогда какой опыт в этом? В балете – тоже трудно. Я люблю балет. Я ведь для людей, не для себя. Кто-то говорит: все делаю только для себя – танцую, пишу, сочиняю... Я выходила на сцену для публики и только для публики.

– *Ваш коронный лебединый взмах рукой...*

– Все думают, что это балетный взмах. А я это крыло подсмотрела в зоопарке у птиц. И осанка эта оттуда. В «Лебедином озере» – еще и зыбь воды... Она уплывает – это и крыло, и вода. И настроение, и музыка. Скрипка или виолончель, бас или тенор... Масса нюансов. Объяснить это нельзя. А если стараться объяснить – потеряешь все.

Это как анекдот: идет дед бородатый, мальчишки бегут и кричат: «Дед, когда спишь, бороду на одеяло или под одеяло кладешь?» Стал думать и перестал спать. У меня было такое: когда спросили про «Каменный цветок» в старой еще постановке: как ты его зовешь, Данилу?..

– *И вы задумались?*

– Все. Я больше не могла это повторить. Есть вещи, которые нельзя спрашивать.

– *Тогда спрошу не о творчестве: в училище вас называли «рыжая ворона»?*

– Я была ярко-рыжая. А великая Ваганова никому не прощала, когда что-то проворонят. Но мне прощала. И называла рыжей вороной... Не то что я ей нравилась. Нет, она видела во мне материал для себя. И этот материал, я знаю, до конца не использован и сегодня.

«Уланова – мой репетитор»

– *Живет упорный миф, что вы и Уланова чуть ли не враждовали. Как столь ярким звездам удавалось ужиться в Большом театре?*

– Как ни странно, мы на ролях не соперничали никогда. Мы же такие разные. Юг – Север. Например, «Каменный цветок» Лавровского. Она была Катериной, я – Хозяйка Медной горы. «Бахчисарайский фонтан»: она – Мария, я – Зарема. «Жизель»: она – Жизель, я – Мирта. Это невозможно сравнивать – амплуа другое. Все разное.

– *А как она стала вашим репетитором?*

– Уланова являлась официальным репетитором театра. А у меня как раз и репетитора не было, и постоянного педагога. До всего доходила сама. Много было спектаклей, на них и научилась. Я подумала: может быть, она меня «соберет», порепетирует со мной. Уланова была очень дисциплинированной. Мне казалось, что она и меня организует.

– *Она с удовольствием этим занималась?*

– Она бы не стала без удовольствия.

– *Вы писали, что Уланова вам рассказывала даже то, чего никто не знал.*

– Специально мы ни разу не посидели. Но в театре на репетициях много разговаривали.

– *Говорят, она была закрытым человеком?*

– Очень. Безумно боялась людей. Ходила по коридору, опустив глаза. Уланова была настоящей примой, очень мало танцевала.

С Галиной Улановой.

– *А у вас никогда не было желания стать репетитором – опыт-то колоссальный?*

– Тогда надо было бы сидеть на одном месте. А мне это скучно, я привыкла много ездить. Раньше, когда никуда не пускали, ездили по России. Я танцевала во всех маленьких городах. Плохо было, холодно, ноги мерзли, кривые доски. Ничего, танцевала.

О Кардене, Вознесенском и мифах

– *И вы по-прежнему любите селедку, черный хлеб...*

– Это вкусно. Я уже говорила, что хлеб с маслом – лучшее, что придумали люди. Все мои привычки при мне. И кремы люблю, и пасьянсы раскладывать. Хотя изысканные вещи тоже интересно попробовать. Ношу всегда именно то, что мне нравится. Мне не кажется, что то, что модно, то и красиво. Это необязательно. Да и мода всегда меняется. Нельзя свой вкус менять каждый день!

– *Но вы носите наряды от Кардена...*

– У моего любимого Кардена фантастические силуэты. Небывалые. Как в свое время Боттичелли. Для мировой славы Кардена достаточно, что он первый сделал мини-юбки и черные колготки. Это до сих пор модно.

– *А удается хоть иногда общаться с Карденом?*

– Очень редко. Мы во Франции бываем раз в год, не чаще. А он очень много работает, несмотря на возраст. Работает и в Китае, и в Италии. Помогает восстанавливать Китайскую стену.

– *Каким образом?*

– Простым образом: деньги дает. Еще у него какие-то благие дела в Венеции. Он и там дает деньги на восстановление. Он вообще потрясающий человек. Необыкновенной души. Даже одно то, что он из своих бутиков никого не выгнал, ни разу. Даже плохих работников. По 30 лет у него работают. Он чувствует, что человек не очень хорошо справляется: или берет помощников, или дает другую работу. Но не выгоняет на улицу никогда.

– *Сногшибательно одеть красавицу мало, надо ее запечатлеть. А самые роскошные ваши снимки сделал...*

– ...Аведон. Он самый знаменитый был тогда в Америке. У него в Нью-Йорке была своя студия, он снимал всех знаменитых актеров. Самая известная, все ее знают, фотография Мэрилин Монро – это Ричард Аведон.

– *А как к нему попала советская балерина?*

– Через мою переводчицу, с которой дружим до сих пор. Мы гастролировали в Нью-Йорке. Он был на спектаклях и попросил ее, чтобы она привела меня к нему в студию. Что она и сделала. А я и не знала, кто он. Она просто сказала: надо для «Вог» сняться. Его фотографии поместили и в журнале «Америка», который у нас выходил. С этого началось. А потом я ему позировала и в «Лебеде», и в «Ромео и Джульетте». Он меня очень много снимал.

– *А кого вы еще считаете безумно талантливыми, великими?*

– Вы думаете, их мало? К счастью, их не так мало.

– *Вы дружили с Андреем Вознесенским, которого недавно не стало. Одни считают его гением, а другие – ничего особенного.*

– Сказать «ничего особенного»... Можно этих людей искренне пожалеть. Артист – он сегодняшней, а художник, композитор, поэт – тут все решает время и только время. Современники могут ошибаться, а время объективно. В истории остаются только действительно великие люди. Я не сомневаюсь, что Вознесенский будет еще... не то что понят, а ему должное воздадут.

– *Когда вы виделись в последний раз?*

– Когда он был на презентации моего фотоальбома несколько лет назад. Он уже болел, но все-таки пришел. И нашел в себе силы очень тихо прочесть со сцены посвященные мне стихи. Потом я прочла это посвящение в вашей газете, очень мною уважаемой.

– *Да, я помню: «Жизнь идет интерактивно: Майе Михайловне Плисецкой в мире – нет альтернативы»... А что питают ваш оптимизм?*

– Не думаю, что я оптимист. Я реалист: что есть, то есть. А про оптимизм – анекдот. Мальчик-оптимист и мальчик-пессимист натываются на кучку, которую оставил на дорожке жеребенок. Пессимист говорит: паршивец, что наделал! А оптимист: ой, лошадка пробежала!

– *А ваш любимый анекдот какой?*

– Мно-о-ого! Причем почти все от музыкантов. От оркестрантов. Они очень остроумные. Кордебалетные тоже. Анекдот надо еще уметь рассказать: вот Ростропович очень хорошо рассказывал. Некоторые сами смеются, а он – именно на полном серьезе, тогда еще смешнее. А я вот не все рассказываю.

– *Неприличные знаете?*

– В основном.

– *Почему всегда неприличные пользуются...*

– Потому что смешно. Могу вам рассказать. Приходит человек. Стучит по столу: «Все! С сегодняшнего дня я хозяин в доме». Жена говорит: «Как так?» Теща: «Как так?» Он: «Хочу – отдаю зарплату, хочу – не отдаю!» Жена: «Как так?» Теща: «Как так?» Он: «И вообще, хочу – сплю с женой! Хочу – с тещей!» Жена: «Как так?» Теща: «А вот так!»

– *А как вы относитесь к мифам о себе?*

– Никак. Люди говорят, что хотят.

– *Где грань между свободой и разнузданностью?*

– Вы, знаете, воспитание. Человек, которому все было нельзя – он просто дорывается. Это тоже ненормально. У нас не то что плохо воспитывают. У нас вообще не воспитывают. Есть очень много передач, фильмов, которые прививают заведомо плохой вкус.

– *Вы не жалеете, что так мало снимались в кино?*

– Предлагали чаще всего неинтересное. Хотела сняться в «Пиковой даме», но ни черта не получилось: не нашлось у режиссера спонсоров. Он очень хорошо задумал, этот молодой режиссер. Он сделал фильм «Евгений Онегин»: я посмотрела и подумала: способный какой. И дала согласие на съемки. Но он не нашел денег.

– *А желание сниматься было?*

– Огромное. Я даже взяла пару уроков пения. И оказалось, что я могу спеть это низким голосом. Но не вышло. Очень обидно. А еще было любопытное предложение в «Тарасе Бульбе» – не в нынешнем фильме, в другом: роль той, кто приводит сына Бульбы к панночке. Тоже не получилось.

– *А когда вы в последний раз танцевали?*

– Новый, 2010 год мы встречали в Петербурге дома у Гергиева. У них очень милые дети. Я станцевала там осетинский танец, а красotka жена Гергиева подыграла мне на аккордеоне.

Плисецкая, Щедрин и Вознесенский дружили всю жизнь.

– *Где ж вы научились?*

– Там же, на вечере: сестра Гергиева показала мне принцип танца – как руки, ноги, а я стиль схватываю моментально. Я вообще очень люблю слово «стиль». Все плакали от восторга! А Щедрин был просто поражен.

– *Надо было для истории это запечатлеть!*

– Фотоаппарата не было.

– *Я смотрю на вас с Родионом Константиновичем: оставаться в изумительной форме, иметь силы, чтобы жить такой напряженной жизнью! Многие молодые по духу – совершеннейшие старики. А у вас – кипучая энергия, вы носите по миру...*

– Все люди разные: от организма зависит, от психики, от здоровья. Если ничего не делать,

так скучно! Завянешь. Сейчас у меня масса интересов в связи со Щедриным, потому что подряд выходят его новые вещи. Это не значит, что мы не бодем. Мы не железные тоже. Но я счастливый человек. Сколько это продлится, никто не знает. Сейчас уже, наверное, не так много. Но сколько есть – столько есть!

Еще минута – и Плисецкая – Бетси Тверская – выйдет на съемочную площадку «Анны Карениной».

Пожелание Майи Плисецкой читателям «КП»:

– Я желаю нашим российским людям хорошо жить. Трудное желание. Очень тяжело это. Но это мое желание. Чтобы вы хорошо жили.

20 ноября 2010 г.

В честь Плисецкой в Париже зажгли Эйфелеву башню, а в Москве – подарили жар-птицу

Гала-концерт «Аве Майя», посвященный 85-летию Плисецкой, состоялся в минувший вторник в театре им. Станиславского и Немировича-Данченко. Организован праздник был Фондом имени Мариса Лиепы.

«Лишний» спрашивали еще у метро, у самого театра толкались перекупщики, смело предлагали билеты по двойной цене и не боялись прогадать! Зал театра был полон VIPами – министр культуры Авдеев, министр финансов Кудрин, первый вице-премьер Шувалов, сенаторы, депутаты, руководители телеканалов, артисты.

Знаменитый художник Борис Мессерер выглядел грустным и одиноким. Это и понятно – недавно он похоронил жену Беллу Ахмадулину. На всех юбилеях Плисецкой они дружно сидели вместе. А теперь вот один. Но не прийти на юбилей двоюродной сестры не мог.

А на сцене, конечно, звезды. Главный акцент был сделан на любимых партиях Плисецкой. Народные артисты России Николай Цискаридзе и Илзе Лиела представили реконструкцию знаменитого балета Вацлава Нижинского «Послеполуденный отдых фавна»: здесь Плисецкая станцевала когда-то нимфу.

В двух абсолютно разноплановых ролях выступила солистка Мариинки, великолепная Виктория Терешкина – она была и зажигательной «донкихотовской» Китри, и трагической Мехменэ Бану из «Легенды любви». Конечно же, не обошлось и без коронной, знаковой роли прославленной балерины – победительной Кармен в этот вечер стала прима Большого, народная артистка России Мария Александрова.

Перед такой женщиной мужчине трудно не преклонить колено. Николай Цискаридзе не устоял.

«Что все меня одну снимаете?! Давайте вот с Колей!» С народным артистом СССР Николаем Фадеечевым, которого, как призналась Плисецкая, среди многочисленных именитых партнеров по сцене она ценила больше всех.

Когда в финале Плисецкая вышла из ложи, где сидела с мужем Родионом Щедриным, на сцену к артистам под любимое «Болеро», легендарная балерина не удержалась и сделала несколько своих фирменных па с такой страстью, что зал просто взорвался аплодисментами.

На праздничном фуршете после гала было красиво и непафосно. Хотя и звучали речи-здравицы. Не только министра культуры Авдеева, но и просто многолетних поклонниц и поклонников балерины. В разгар поздравлений и фотовспышек Плисецкая вдруг рванула к высокому импозантному мужчине: «Что все меня одну снимаете?! Давайте вот с Колей!» Оказалось, это народный артист СССР Николай Фадеечев, которого, как призналась Плисецкая, среди многочисленных именитых партнеров по сцене она ценила больше всех.

Когда балерине вручили очередной подарок, все папарацци в один голос попросили его продемонстрировать. Это оказалась невероятной красоты драгоценная брошь в виде жар-птицы. «У нее даже перышки двигаются, виртуозно сделано – не перевелись на Руси еще умельцы, – сказала Майя Михайловна корреспонденту «КП». – Это так символично – я ведь танцевала Жар-птицу».

Только что, 6 декабря, Плисецкую чествовали в Париже. В театре, где открывались русские сезоны Дягилева, на Елисейских Полях. И ее любимый Карден, конечно же, сидел рядом.

– А что вас больше всего поразило на юбилейном гала в Париже? – спросил я Майю Михайловну.

– Представляете, в этот вечер специально для меня зажгли Эйфелеву башню!

Уже уходя из театра, я услышал от одного из зрителей: «Вот, опять покорила Москву!» И вспомнил слова легендарной балерины: «Если на том свете нас ждет вечный отдых, стоит ли устраивать его репетицию на этом?»

16 декабря 2010 г.

Роман с «Кармен»

Родиону Щедрину, классику современной русской музыки, – 80 лет.

В деревне, где я вырос, в магазине продавался одеколон «Кармен». Сногшибательная, в розах, красавица с пышной же розой в руке, не то испанка, не то цыганка, – на этикетке. 67 копеек, по-моему. По воскресеньям отец долго, с удовольствием брился, а потом душился,

плеснув на ладонь из флакона. До конца дня по дому плыл резковатый, освежающий, как цветы после дождя, лесной запах. Между прочим, знающие люди говорят: смешаешь одеколоны «Кармен» и «Русский лес» – получишь коктейль «Цыганка в лесу»...

Это потом я узнал про оперу композитора-француза с пирожной фамилией. А еще позднее – просто восхищался балетом Бизе – Щедрина. И уж тем более ни в каком сне не могло привидеться, что однажды буду сидеть в центре Мюнхена в ресторанчике за уютным столом с Майей Плисецкой и ее мужем Родионом Щедриным. И в какой-то момент вдруг зазвучит будоражающая кровь, неповторимая мелодия. И Майя Михайловна, услышав, наверное, в тысяча первый раз знакомые звуки, так поведет плечиком, так блеснут ее чудные глаза, что сразу станет ясно – нет и не будет Хосе никакого спасения от любви!..

Я понимаю, почему Щедрин просто не мог не написать «Кармен-сюиту». Почему совершенно не боялся оказаться в тени великого Бизе. Ведь Плисецкая безнадежно «болела» Кармен! Та снилась ей по ночам, преследовала беззастенчиво и неотступно. Майя не выдержала и сама придумала балетное либретто. Подбила Щедрина показать его Шостаковичу: вдруг увлечется и напишет музыку. Но знаменитый композитор, одоблив либретто, честно признался: «Я боюсь Бизе!»

Плисецкая не отказалась от терзавшей мечты. Бросилась к соседу по даче в подмосковных Снегирях – легендарному Хачатуряну. Тот изумился: «Зачем вы просите меня? У вас же дома есть композитор». А в Москву из Гаваны уже летел балетмейстер Альберто Алонсо: Плисецкой удалось, правдами и неправдами уговорив тогдашнего министра культуры Фурцеву, позвать его для постановки «Кармен». И то всего на месяц...

Кармен – Плисецкая на премьере в 1967 году. С такой Музой не одну «Кармен-сюиту» напишешь!

Что делает в таком случае для любимой женщины настоящий мужчина? Правильно, берется за безнадежное дело сам. То есть садится за рояль и ночами напролет пишет транскрипцию (аранжировку) оперы Бизе. Повернув ее на балетный лад, взяв иные, чем у француза, инструменты – струнные и ударные. Придав плавной музыке XIX века характер таинственный, жесткий, даже где-то демонический.

Остро современный.

В чем только не обвиняли Щедрина коллеги и чиновники от музыки! И что надругался над шедевром, и что примазался к чужой славе. А тут еще Фурцева с приказом: «Майя, уберите голые ляжки!» – министр почуяла бешеную сексуальность балетной героини. Нюх у бывшей ткачихи на это дело был что надо.

Но Плисецкая и Щедрин прорвались.

Сейчас, через полвека почти, сомнений нет: Родион Щедрин – наш лучший современный композитор. А «Кармен-сюита» остается одним из самых исполняемых музыкальных произведений в мире. И как ни заездили его – лишь раздаются первые жгучие аккорды, окунаешься в этот зной, в эту страсть, в этот вихрь...

13 декабря 2012 г.

Плисецкая стала офицером

В четверг, 23 февраля (так совпало), прославленную балерину наградили французским орденом Почетного легиона.

За большие заслуги в развитии культурных связей двух наших стран знак отличия – орден офицера Почетного легиона – вручил посол Франции в России господин Жан де Глиниасти.

Легендарная Майя Плисецкая с новым орденом – в посольстве Франции.

На приеме во французском посольстве балерина, как всегда, была в стильном черном карденовском наряде.

– Майя Михайловна, как себя чувствуете в роли офицера? – спросил я у легендарной балерины.

– Отлично!

– И всегда – на страже рубежей! – с улыбкой добавила стоявшая рядом прима Большого театра Мария Александрова.

Что ж, культурные рубежи Родины за хрупкими плечами Майи Михайловны и вправду непобедимы.

24 февраля 2012 г.

Родион Щедрин: Тень Бетховена меня не преследует...

Классик современной русской музыки отметил 80-летие. В этот день его поздравили президент и премьер. Кроме того, композитора наградили орденом «За заслуги перед Отечеством».

Тень Бетховена...

– *Родион Константинович, с удивлением обнаружил, что вы родились в один день с Бетховеном.*

– Это совершеннейшая правда...

– *Вы просто не могли не стать композитором...*

– Ну, я знаю множество людей, которые тоже родились 16 декабря, но композиторов среди них что-то не припомню!

– *А тень великого Бетховена не преследовала?*

– Разве что недавно в Мюнхене, на концерте. Исполняли «Торжественную мессу» Бетховена: выдающийся дирижер Лорин Маазель, огромный хор (136 человек, как посчитала Майя Михайловна). Очень трудное сочинение, не так часто играет. И это – одна из самых моих любимых партитур Бетховена, которая меня так захватывает.

...и Лили Брик

– *Вашу музыку тоже играли – и сегодня играют самые знаменитые музыканты, у вас выступления в лучших залах мира, награды, титулы... А вы как раб рояля – ни года без премьеры. Хотя давно могли бы почивать на лаврах.*

– А как почивают на лаврах? Я не очень знаю. Лежать на печи, чай с медом пить или валяться на пляже на Мальдивах?

Я получаю большое удовольствие, когда сижу за роялем или за письменным столом – сочиняю-то я как раз за столом больше. Утром, после того как выпью кофе, прямо-таки с предвкушением жду, когда сяду за письменный стол. Вот так, я думаю, и надо почивать на лаврах – занимаясь любимым делом.

– *Стричь дивиденды, похоже, вы так и не научились. У вас с Плисецкой ни вилл, ни коллекций живописи и антиквариата, и в Мюнхене вы живете на съемной квартире...*

– Правда. А счастье – это не вещи. Это быть 24 часа рядом с близким человеком, быть погруженным в радость труда, который тебе доставляет наслаждение – даже не удовольствие, а именно наслаждение.

– *То есть у вас, если так можно выразиться, два счастья. Одно – когда вы по утрам встаете и садитесь за рабочий стол или рояль. И второе – каждый день с вами Майя Михайловна?*

– Это точно определено. Она обычно позже встает. И я за работой одним ухом всегда прислушиваюсь – вот уже опустила ногу с постели, надевает тапочки. Это знакомый, родной звук.

– *Несмотря на то, что вы – Стрелец, а Майя Михайловна – Скорпион, вы столько лет вместе: это нужно уметь уживаться...*

– Умение тут не нужно. Если себя к этому дисциплинарно призываешь, то бесполезно: рано или поздно произойдет короткое или уже длинное замыкание. Нет, просто мы хорошо подошли друг другу.

– *А, может быть, знаменитая Лили Брик, которая и познакомила вас с Майей Михайловной, как колдунья, заговорила вашу любовь?*

– Весьма вероятно. Она симпатизировала и Майе, и мне, в ее доме мы встретились впервые. А потом волею судеб мы поселились в разных подъездах одного дома – на Кутузовском проспекте, 12. Они были полуночниками, поэтому лет пять мы заходили к ним почти каждый вечер. Может быть, в Лиле и было что-то такое колдовское – не случайно Маяковский говорил про нее: «Лилечка всегда права»...

«Как Бернстайн едва меня не утопил»

– *Майя Михайловна просто бредила Кармен – и вы не могли не написать «Кармен-сюиту»?*

– Было так: Майя показала Шостаковичу свое либретто по «Кармен», но он после раздумий, похвалив либретто, ответил, что нет, не возьмусь. Если, купив билеты на балет «Кармен», зритель придет в зал и не услышит «Хабанеры» или куплетов Тореадора, он, мягко говоря, будет сильно разочарован.

И тем самым Шостакович натолкнул меня на достаточно забытый жанр транскрипций классической музыки. Композиторы прошлого часто делали транскрипции произведений друг друга. Например, еще Бах – концертов Вивальди, Чайковский написал «Моцартиану», я уж не говорю про транскрипции Листа всех шубертовских вокальных сочинений. Так что эта реплика Шостаковича меня подзадорила и направила.

– *Вал критики обрушился на вас за то, что не убоились стать соавтором Бизе, вольничали с классикой!*

– Все это было – и, может быть, даже большего градуса! И резкое отношение к самой постановке, к тому, что делала Майя, – ведь московский зритель в основном не принял спектакля. Весь этот хореографический язык, музыка – это было слишком непривычно для сцены Большого театра. Как все-таки прекрасно, что мы дожили до того времени, когда на телеканале «Культура» идет конкурс «Большой балет»: какие невероятные современные постановки! И вспоминаем...

– *...как солоно приходилось?*

– Да. И так было не только с «Кармен». С Анатолием Эфросом Майя сделала телефильм по тургеневским «Вешним водам»: это была очень интересная, удачная работа и Майи, и Эфроса, и актеров – Иннокентия Смоктуновского, Андрея Попова, балетного партнера Майи Анатолия Бердышева, прекрасного хореографа Валентина Елизарьева.

Что было после показа! На телевидение обрушились потоки писем. И Сергей Лапин, руководитель телевидения – образованнейший, кстати, человек, коллекционер поэзии 20-х годов, который рискнул показать этот спектакль по телевидению, – когда такой водопад негодования обрушился, немножко дрогнул. Издал брошюрку для служебного пользования, где были напечатаны эти письма: получалось так, что хороших было всего несколько, а отрицательных – много. И в первом же письме была дивная фраза, которую Майя с удовольствием повторяла, когда сейчас смотрела балетный конкурс на «Культуре»: «Что же вы творите, ведь у телевизора дети!»

– *А правда, что однажды великий Бернстайн заявил вам: мне нравится вся ваша музыка, которую знаю, кроме «Кармен-сюиты»?..*

– Он признался в очень необычной обстановке – плавая в бассейне...

– *?!*

– Это было в отеле, мы плавали. И когда Бернстайн, который играл мировые премьеры двух моих сочинений, это сказал, я глотнул хлорированной воды.

– *От неожиданности?*

– Ну да, но эта его реплика, которая меня чуть не утопила, не сделала мое почтение, восхищение и уважение к нему ни на йоту меньше. У нас в Мюнхене никаких фотографий «стоящих» нет, кроме одной, где мы сидим с Бернстайном. И, конечно, несколько Майиных балетных. У каждого есть право на свою точку зрения. А он был великий музыкант.

Русская душа

– *Родион Константинович, считают, что ваша музыка так популярна на Западе потому, что раскрывает «загадочную русскую душу», о которой любят поговорить*

иностранцы... Вы вводите в свои сочинения озорные частушки и даже молитвы с колокольным звоном, свирели, музыку русских провинциальных цирков...

– В Германии, где мы живем последние годы, действительно есть необъяснимая тяга к России. Каждый третий обязательно скажет, даже если ты с ним встречаешься первый раз, как мечтает на поезде проехать от Москвы до Владивостока. И некоторые едут. Один из редакторов мюнхенского радио, уже достаточно пожилой немец, сказал мне: «Это незабываемо, это чудо». Я его спрашиваю: «А в каком месяце ездили?» – «В октябре». – «В вагонах не холодно было?» – «Ужасно холодно, туалеты грязные (а я специально задавал провокационные вопросы)». Но в восторге говорит, что его все равно опять тянет в Россию.

– Может, они просто придумывают эту тягу?

– Они все читают Достоевского: по-моему, он у них на втором месте после Библии. Чехов – обязательно. Вот эту тайну тяги к России, я ее ощущаю просто физически. Поэтому, наверное, и в моей музыке они слышат какой-то душевный отзвук России. Хотя это же не намеренно – это мой код генетический, код той культуры, в которой я вырос. Их легко увлечь на российский замысел.

– То есть?

– Нью-Йоркская филармония заказала мне сочинение для хора, солистов, оркестра – на весь вечер. Я предложил тему «Очарованного странника». Но когда дирижер Лорин Маазель прочел английский перевод великой лесковской книги, то отказался! Я закусил удила, помчался в самый крупный в Мюнхене книжный магазин и нашел цюрихское издание «Очарованного странника» – на немецком. Дал ему его прочесть... Он в ответ: правда замечательно! Жена Маазеля, известная драматическая актриса, потом мне сказала, что теперь томик Лескова у него все время лежит на спальном столике.

«Посошок» для Ростроповича

– Иностранцы по-прежнему поражаются, как в России много пьют. Но еще Гоголь подметил: «говорит, что в детстве мамка его ушибла, и с тех пор от него отдает немного водкою»...

– Шолохов так ответил Сталину на вопрос: «Говорят, что вы много пьете?» – «От такой жизни запьешь!» Но, кстати, не только русские хорошо закладывают. Литовцы в деревнях здорово поддают. И финны не брезгают. Климат, что ли?

– Кстати, я нашел у вас сочинение в тему, с народным застольным заголовком – «На посошок».

– Памяти Славы Ростроповича сочинение. У меня много написано для него. Мы были очень дружны. Я восхищался им не только как гениальным музыкантом, но и как человеком необыкновенного обаяния, участливости, верности в отношениях. Под Франкфуртом есть очень красивый городок Кронберг: как считают музыканты, столица виолончелистов. Там Слава создал свой фестиваль. И когда он ушел из жизни, руководитель этого фестиваля заказал мне своего рода «поминование» Ростроповичу. А Слава ведь очень любил дружеские посиделки.

– Мне однажды повезло оказаться в его компании – это был просто фейерверк остроумия, он официальный фуршет превратил в теплое застолье...

– Потрясающий человек! А что касается этого опуса, то международное издательство «Шотт», с которым работаю много лет, выпуская мои сочинения, никак не могло подобрать к слову «посошок» синоним на немецком языке. А вот по-английски нашли – «One for the road» – то есть «одна перед дорогой».

«Какой надо иметь талантиЩЕ, чтобы из нашего дерьма и ужаса создать сокровиЩЕ»

– Не держать зла в душе – не самое распространенное явление в отношениях

композитора и дирижера, музыканта, написали вы в своей книге. Вам же грех жаловаться – с Ростроповичем дружили, с Гергиевым дружите, Новый год по-семейному встречаете, и вообще – проще сказать, какие дирижеры и оркестры не исполняли ваши творения.

– Любой исполнитель может загубить новое сочинение, как загубил в свое время Глазунов Первую симфонию Рахманинова: на того обрушилась депрессия, он чуть не десяток лет вообще не писал. Я, честно говоря, исполнение иногда шутливо меряю в цифрах. И говорю Майе: ну вот, 87 % партитуры сыграли. А иногда – ну, это больше, чем 100 %. Когда бывают совпадения души дирижера, музыканта с твоей – тогда это исключительная удача.

– Это случается, когда друзья – музыканты?

– Бывает, что музыканты, с которыми раньше никогда не общался ни творчески, ни человечески, проникают в сочинение глубже, чем те, с которыми ты очень часто и на посошок, и без посошка встречаешься. У меня было много прекрасных встреч с дирижерами, с исполнителями – но были и те, кто меня разочаровал.

– В искусстве, говорят, тяжело дружить.

– Ну, жизнь короткая, а дружба – это ведь очень высокое понятие. Дружба – где-то очень близко к любви, когда человек всего себя отдает. И потом, уже возраст подошел, когда, знаете, иных уж нет, а те далече... Поколение, с которым начиналась вместе жизнь, почти ушло, а с новым находить общий язык труднее. Как Майя говорит: «Мы с тобой уже живем в чужое время».

– Вы дружили с Андреем Вознесенским?

– Очень, очень.

– Я вот нашел у него недавно фразу замечательную, о которой раньше не знал, – о вас. О Щедрине. «Какой надо иметь талантиЩЕ, чтобы из нашего дерьма и ужаса создать сокровиЩЕ».

– Я его как поэта абсолютно боготворил. Мы были очень близки, понимали друг друга с полуслова. Мы с Майей не пропускали его поэтических вечеров. Он бывал на всех премьерах – и моих, и Майиных. Какое-то время вместе Новый год встречали у нас дома: я с Майей, он с Зоей. Так что мы были близкими людьми. Для меня огромная потеря, что его нет. Он великий поэт – это не вызывает у меня ни тени сомнений.

Запрещенная «Поэтория»

– В программе нынешнего юбилейного фестиваля в Москве прозвучит написанная в советские годы ваша «Поэтория» по стихам Вознесенского. Впервые после долгого молчания.

– Да, 21 декабря в Зале Чайковского, исполнит оркестр России под управлением Владимира Юровского. С премьеры «Поэтории» прошло 44 года – и теперь Юровский хочет все возобновить. Жду с большим интересом. Этот «концерт для поэта» в сопровождении женского голоса, смешанного хора и оркестра я написал как раз для Вознесенского. Когда у Вознесенского, буквально прорвавшись сквозь цензуру, вышла книга «Ахиллесово сердце», я всю ее знал наизусть, влюбился в каждую строчку. И сделал вольный монтаж стихов для своей оратории. Андрей исполнял партию поэта – то есть самого себя.

– А кто сейчас будет читать стихи?

– Замечательный артист Евгений Миронов. В России после первого исполнения «Поэтория» была запрещена: огромные придирки к тексту, к его монтажу, который я делал при участии Андрея Вознесенского. Там вторая часть, скажем, очень религиозная – Матерь Владимирская, с молитвами, с колокольным звоном... Премьера была скандальная. Ее разрешили лишь за несколько часов до концерта, а билеты все уже были распроданы... На одно из поздних (через 8 лет) исполнений «Поэтории», во Владимир, приехал Ростропович.

– *В юбилейный вечер будут российские премьеры?*

– Сразу несколько сочинений, которые в России еще не звучали. И в том числе совсем новое – «Гейлигенштадтское завещание Бетховена».

– *Его тень по вашим жизненным переулкам все-таки бродит?*

– Ну, так получилось. Это заказ от выдающегося дирижера Мариса Янсонса и руководимого им оркестра Баварского радио. Ведь Бетховен хотел покончить жизнь самоубийством – а перед этим написал знаменитое «Гейлигенштадтское завещание», адресованное братьям. Он прощался, объясняя причины ухода. Но творчество удержало его от рокового шага: невзирая ни на что, он не мог перестать сочинять.

– *Юбилей отмечаете только в Москве?*

– Две премьеры делает Валерий Гергиев. Так что концерты будут и в Петербурге, и в Москве. Дай бог добраться до Москвы и быть на этих больших для меня событиях! Мы с Майей с трепетом отправляемся в поездку по Родине-матушке.

– *Сил вам и здоровья!*

17 декабря 2012 г.

«Люди в черном» – культурное достояние России.

И запела блоха: «Ха-ха!..»

В Мариинском театре новая опера Родиона Щедрина – «Левша».

– Гергиев не сдержал слез, – признался Родион Щедрин после прошедшей с триумфом премьеры. – И я тоже.

Сразу вспомнилось – у знаменитого дирижера действительно заблестели глаза в финале спектакля, когда хор Мариинского театра отпеваёт Левшу так, что душа заходится в тоске. Я сидел недалеко от дирижерского пульта Валерия Гергиева: в тот момент подумал – наверное, показалось. Он всегда так неистово работает... Оказалось, правда.

Гигантские ноги императора на сцене как символ вертикали власти в России.

Опера по любимой лесковской повести создана Щедриным по заказу Мариинки к открытию новой сцены. И посвящена отметившему свое 60-летие Валерию Гергиеву. Они дружат: и человечески, и творчески. Щедрин – главный современный автор Мариинки. Он ни для кого так много и ярко не писал. Сначала опера «Мертвые души», потом «Очарованный странник». Теперь – «Левша». Картина настоящей русской души во всей своей сложной простоте, противоречивости и душевной расхристанности.

Нет сейчас более русского композитора, чем Родион Щедрин. Не случайно в оркестре на премьере каких только национальных инструментов не было: и гусли, и жалейка, и старинные цимбалы, которые специально привезли из московского музея, и дудки... И даже настоящие винные бокалы пошли в ход (проведешь по краешку – и такой щемящий звук получается!) – все, чтобы передать музыкальные переливы русской жизни. В «Левше» композитор – еще и создатель либретто: бережно сохраняя волшебный лесковский язык, он придает небольшой, в сущности, повести эпическую широту. И музыка оперы воплощает именно эпос – мощь и размах, звуковые волны ярости и нежности, бьющие о заснеженные берега Родины.

«Левша» – третье обращение Щедрина к Лескову. Самое, может быть, выстраданное. И потому, что речь здесь идет о туляках (из тульских земель ведет историю разветвленный род Щедриных), и потому, что повесть эта уже 130 лет остается бесконечно актуальной.

В России меняется антураж – но не запойные умельцы, громилы-генералы, трусливые царедворцы, вороватые менты и даже доктора, что без денег и «тугамента» преспокойно оставляют помирать... Ругать «эту страну» легче легкого, однако сердцевина великого дара – не язвительность, жмущая на болевые точки, а бесконечная любовь и понимание, глубинное проникновение в самую суть национального характера. В этом Лесков абсолютно созвучен Щедрину, их общая столбовая тема – «русскость» во всех ее проявлениях.

Русские напевы бережат душу, и Левша – великолепный Андрей Попов – в какие-то мгновения кажется святым юродом из «Годунова»: погубленная жизнь самородка вырастает в житие мученика. А вокруг него идет придворная свистопляска, Платов грозно разъезжает на «досадной укушетке», британская принцесса, как бандерша, предлагает девочек на выбор, пестрый балаганный мир взвихривается страшной морской бурей... Единственная по-настоящему светлая сцена – конечно же, Тула.

Тут все точно по Лескову: в мастерской Левши «внутри дома огонек блестит, да слышно, что тонкие молоточки по звонким наковальням вытюкивают», а вокруг – множество любопытствующих и сочувствующих. Своих, тульских. В создании хоров Щедрину сегодня нет равных: частушечные и лирические напевы сливаются в удивительно гармоничное и задорное многоголосье, кружит по сцене нарядная по-крестьянски толпа (дивное разнообразие костюмов Ирины Чередниковой) и даже русские сугробы кажутся праздничной скатертью... Эти же

сугробы в финале станут саваном.

Режиссеру Алексею Степанюку и художнику Александру Орлову вместе с Щедриным и Гергиевым в «Левше» было где развернуться: необъятная сцена новой Мариинки вмещает и отеческие просторы, и аглицкие мыльно-пильные заводы, и бешено бушующее Твердиземное море.

Но самым внушительным сценическим сооружением оказывается мелкоскоп: именно он позволяет увидеть главное чудо – стальную пляшущую блоху. Миниатюрная Кристина Алиева – в заграничном ловком цилиндре, а после перековки – в трогательном пуховом платке и рукавичках – покоряет обаянием и запредельным вокалом. Она вместе с хором и отпевает Левшу в финале грандиозного действия, прощаясь с «душой человечкиной». Щедрин и Гергиев доказали – большой стиль жив.

После премьеры толпа гостей, поклонников, журналистов (многие приехали в Питер специально) рванула за кулисы и там, окружив композитора, попеременно душила его в объятиях и рвала на части, выражая восхищение и пытаясь взять интервью... Любая поп-звезда умерла бы от зависти, а стойкий Родион Константинович, переждав этот девятый вал, отправился вместе со своими гостями в служебные апартаменты. Там Гергиев поднял бокал с шампанским в честь Щедрина: «Дай бог еще много раз: чтобы вы писали историю, а мы ее озвучивали! – И тут же весело добавил, что очень переживал, все ли получится: – Но я сразу понял, что все будет хорошо, когда появились невесты (сцена в Лондоне, когда Левшу всю соблазняют местные барышни. – *Ред .!*)!»

– Все звучало волшебно, – признался Щедрин. – Вы сделали такое крещендо с этими свирелями и флейтами, что звучало так... – Родион Константинович показал голосом, как именно, и добавил смеясь: – Очень сексуально!»

Щедрин в день премьеры, несмотря на триумф, все же был «не в своей тарелке». Для полного счастья ему не хватало рядом Майи Плисецкой. Так уж случилось, что именно в день премьеры она повредила ногу. Прямо на сцене. Майя Михайловна пошла в буфет за водой для Щедрина – чтобы сам он не отрывался от последней репетиции. А здание театра новое, много там еще заковыристых мест. Но великая в искусстве женщина – она и в жизни великая. Чтобы не прервать драгоценной репетиции, еще несколько часов терпела боль и улыбалась. В результате было уже невозможно вечером ехать на спектакль. «Вот такая адова жизнь», – невесело пошутила Плисецкая: неизменно рядом все два с половиной года, пока Щедрин писал оперу, на всех читках и репетициях. И на тебе...

Вечером после премьеры уже в отеле Майя Михайловна попросила мужа рассказать все-все, до мелочей. И Родион Константинович, поедая присланные в подарок вкуснейшие питерские эклеры (весь день было не до еды), во всех красках рассказывал о своем любимом Левше и его потрясающей блохе.

«Шкура-то овечья, а душа-то человечесья»

Родион Щедрин:

– Исключительно искренний и дружелюбный интерес Гергиева к моей музыке дал мне в творчестве второе дыхание.

– В «Левше» появляются девушки, которые танцуют канкан. Поклонники классической оперы могут не понять?

– Честно признаться, я ничего не придумал. Но, может быть, я продлил на полшага дальше то, что хотел сказать Лесков. У меня была одна проблема: в лесковской повести нет ни одного женского персонажа. Что для оперы, увы, совершенно неприемлемо. Поэтому я ввел Шарлотту, исторический персонаж, дочку короля Георга III. У Лескова просто написано: англичане говорят. Мне лучше было передать все это в женских «голосовых связках».

– Левша для вас по большому счету кто?

– Это не просто косой неграмотный мастеровой из Тулы с золотыми руками. В нем сошлись все важнейшие черты русского характера: самобытная одаренность, смекалка,

самоирония, безразличие к человеческой жизни, пагубная страсть к алкоголю... А вообще история Лескова – это вечная история: без документа «принимать не велено». Так и в жизни. Вот волею печальной судьбы мы поехали в «Скорую помощь», когда сейчас случилось с Майей Михайловной (притом что ее, конечно, узнали, я готов был оплатить все)... Но оказалось, что бюрократия усилилась. Слова Лескова – нации в назидание. У него как сказано: шкура-то овечья, а душа-то человеческая. Надо к человеку относиться с пониманием. Потому Лесков вне времени.

Валерий Гергиев:

– Любой дирижер нашего времени может только мечтать о таком подарке. Все это путешествие в лесковскую идею – одно из самых сильных переживаний в моей жизни. Думаю, что для Родиона – тоже. Это далеко не итоговая, но вершинная творческая акция.

31 июля 2013 г.

Валерий Гергиев и Родион Щедрин «продлили на полшага дальше то, что хотел сказать Лесков».

Майя Плисецкая: Я просто обалдела, увидев этот портрет!

Майя Плисецкая и Родион Щедрин специально прилетели из Мюнхена в Питер на «Левшу» – премьерный спектакль в Мариинском театре. Сама премьера новой оперы Щедрина по знаменитой лесковской повести с триумфом прошла летом. К сожалению, Майя Михайловна не смогла быть рядом с мужем в тот знаменательный вечер – прямо на генеральной репетиции повредила ногу, пришлось отлеживаться в отеле. К счастью, все обошлось.

Москва тоже припасла сюрприз для легендарной балерины. В самом центре на стене дома по Большой Дмитровке появился огромный граффити-портрет – Плисецкая в роли своего знаменитого Лебеда. Сделал его известный бразильский художник Эдуардо Кобра в ходе арт-фестиваля, проводимого Департаментом культуры столицы.

Мы дозвонились до Майи Михайловны.

– *Майя Михайловна, этим вашим портретом в Москве все любят. Я был свидетелем, как прохожие в изумлении останавливались: это же Плисецкая! Откуда она здесь?!*

– Бразильцы любят такие яркие цвета.

В разговор включается Щедрин:

– Это уникальная вещь и полная неожиданность для Майи. Когда нам послали фотографию, которую сделал художник Володя Шахмейстер, мы с Майей просто обалдели. Не зря мы родились в Москве!

– *Майя Михайловна, а вы знакомы с самим художником?*

– Нет. Но мне сказали, что он делал такие портреты известных людей в Нью-Йорке, в Берлине.

– *Для вас это действительно подарок к дню рождения?*

– Это просто потрясение. Художник сделал работу раньше. И, наверное, не думал о дне рождения. Но вот так замечательно получилось.

– *В ваш день рождения Мариинка покажет премьерный спектакль – оперу «Левша» на музыку Родиона Константиновича.*

– Это царский подарок.

– *Летом вам не удалось побывать, к сожалению, на самой премьере из-за травмы ноги. Как сейчас чувствуете себя?*

– Да уже почти все в порядке. Я уже хожу.

– *Майя Михайловна, в царской ложе Мариинки появитесь как раз в том замечательном платье от Кардена, которое летом привозили на премьеру?*

– А у меня только Карден. Любое платье надень – все Карден.

– *Вы были в Мариинке на всех репетициях «Левши», вы ездите вместе с Родионом Константиновичем на его премьеры...*

– И я счастлива. Сейчас он еще одну вещь написал, уже после «Левши». И это очень интересная тема. Но он пока не разрешает говорить о ней.

– *Майя Михайловна, от имени наших читателей поздравляем вас с днем рождения. Желаем здоровья и надеемся на то, что вы будете нас по-прежнему радовать.*

– Я постараюсь.

– *И, конечно же, вместе с Родионом Константиновичем. Вас друг без друга невозможно представить.*

– Ну вот и не надо нас воспринимать по отдельности.

21 ноября 2013 г.

Этот «уличный» портрет очень нравился Плисецкой.

Плисецкая так мечтала еще раз выйти на сцену Большого

Великая балерина ушла из жизни на 90-м году из-за обширного инфаркта.

Когда появилась страшная новость, я не поверил. И тут же стал лихорадочно набирать телефонный номер квартиры в Мюнхене, где живут Щедрин и Плисецкая. Вот сейчас услышу ее бодрое, приветливое «Слушаю вас, Колечка. Как там в Москве дела?..»

Увы... Сегодня днем дома Майе Михайловне стало плохо, ее увезли в клинику – обширный инфаркт. По словам друзей знаменитой семьи, врачи пытались сделать все возможное, но сердце Плисецкой оказалось слишком слабым, измотанным годами. Родион Константинович, муж Майи Михайловны, сам не смог подойти к телефону. Он – на сильных лекарствах. Они ведь не мыслили жизни друг без друга.

Казалось, Плисецкая будет всегда. Нет, я понимал, что года неумолимо идут. Но я настолько привык к нашим постоянным встречам то в Москве, то в Мюнхене, то в Питере, к этим ее неожиданным, но всегда радостным звонкам – «Вот решила позвонить, просто так, узнать, что нового...»

Я понимал каждый раз, что разговариваю с мировой легендой, что надо больше записывать, что как журналисту это непростительно, но с ней было так удивительно легко и интересно, что хотелось этим просто наслаждаться. Причем несмотря на легендарный уже возраст, в каждом слове Майи Михайловны сквозила такая жажда жизни, какая многим молодым и не снилась.

Последний раз мы разговаривали несколько недель назад. Обсуждали как раз предстоящий осенью ее юбилей – 90 лет со дня рождения. Как она хотела его встретить! Встретить в Москве, на любимой сцене Большого театра. «Мне уже звонили из театра, там уже идет подготовка, мы даже обговорили, кого бы я хотела видеть на сцене», – признавалась Майя Михайловна.

– *А сами выйдете на сцену?*

– Хочу. Просто выйти на любимую, самую лучшую в мире сцену. Может быть, в последний раз...

2 мая 2015 г.

Родион Щедрин – о Майе Плисецкой: Ее сбило влет, как птицу

Прошло больше недели, как не стало Майи Михайловны. Мы позвонили в Мюнхен ее супругу.

– *Как вы, держитесь, Родион Константинович?*

– С трудом. Но, слава богу, друзья меня не оставляют и, конечно, помогают, насколько можно. Много всяких организационных сложностей, мы же здесь иностранцы.

– *Вы говорили, что церемония прощания пройдет в узком кругу.*

– Извините, не буду себя травить – рассказывать об этом. Я до сих пор не понимаю, что случилось. Лежат ее часы, перчатки... Не понимаю.

– *Родион Константинович, может, нужно прилететь?*

– Да нет, мой дорогой. Страдать надо одному. Вот, работать начал немножко, чтобы как-то отвлечься.

Володя Васильев сказал, поскольку он Катю потерял: поверь мне, есть только один способ как-то пережить – работать. Но все равно ни разумом, ни тем более сердцем это не поймешь.

– *Читатели нашей газеты выражают вам свое сочувствие и соболезнования.*

– Знаете, со всего мира пишут, шлют. Всем спасибо. Здесь, в Мюнхене, сразу не войдешь в дверь подъезда нашего дома, до сих пор полно цветов, свечи ставят. Я думал, на 9-й день уберут. Нет, все меняют, ставят опять. Кто-то фотографию Майи повесил на стене около дома. Приезжали даже байкеры «Ночные волки». У нас небольшая улочка, они прямо со своими флагами развевающимися российскими, в кожаных костюмах. Их было, наверное, человек 20, может быть, больше. Тоже возложили цветы. Это было трогательно.

Знаете, ее просто сбило влет, как птицу. Помню, мы когда-то охотились в Беларуси, и охотники били птиц влет... Она же была в полном порядке. Мы были вечером накануне на футболе. Смотрели матч, она ходила по трибунам, поели в перерыве, и перед, и после сидели долго, часа два. После футбола были пробки, уехать сразу трудно.

– *Она не жаловалась ни на сердце, ни на что?*

– Нет. А потом, она человек-то какой? От нее слова-то о здоровье не добьешься. Она меня ранить не хотела. Может быть, что-то у нее и мелькало где-то.

– *Я помню, перед вашей премьерой лесковского «Левши» в Петербурге она ногу сломала. Но терпела, чтобы вы смогли спокойно довести репетицию до конца.*

– В том-то и дело. Знаете, я ей всегда говорил: ты залетела к нам на Землю с другой планеты. Может быть, она улетела обратно...

– *Это было счастье – быть рядом с великой балериной и великой женщиной?*

– Еще бы! 56 лет исключительного счастья с ней. Она была в быту совершенно непередаваемо проста, естественна, заботлива бесконечно. Я раньше встаю, и она всегда заваривала кашу мне с ночи. Я говорю: сам это сделаю. «Нет, я хочу, чтобы ты мог только подогреть». Знаете, что еще поразительно. Те цветы, которые она купила чуть ли не в тот же день, когда ее увезли в больницу, они все завяли. Мои друзья, которые меняли воду, подрезали их, ничего не могли сделать.

– *Словно почувствовали...*

– Наверное, какая-то тайна есть. Причем это не плод моего возбужденного воображения, а это мои друзья говорят: смотрите, она цветы купила в хорошем месте. У лилий бутоны такие роскошные, сама поставила их в высокую вазу. Но вот не раскрылись. И розы тоже завяли, и тюльпаны с пионами. Действительно, у нее была какая-то взаимосвязь с цветами.

– По-моему, какой-то сорт пионов даже назван в ее честь.

– Да, это так.

– **Родион Константинович, мы с вами!**

– Будьте здоровы. Все должны держаться, пока Господь Бог не отправит нас куда положено.

13 мая 2015 г.

– *А вы помните первое признание в своих чувствах?*

Майя Плисецкая:

– Это все было сразу. И навсегда. Без предисловия.

– Любовь на всю жизнь?

Родион Щедрин:

– Притворяться 50 лет просто невозможно... Это, наверное, все-таки Божье предназначение, что мы вместе.